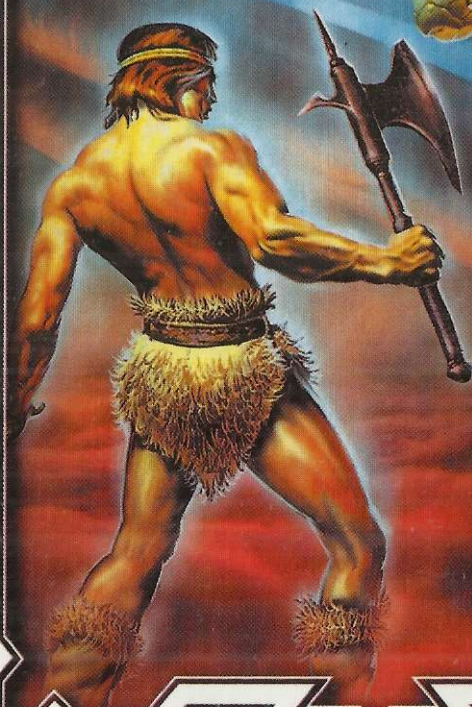

ЭЖАА

КУЛЛ И СТРАЖ ИСТОЧНИКА

САГА О КУЛЛЕ

КУЛЛ
И ТРОН
ВАЛУЗИИ 1

КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО 2

КУЛЛ
И КЛИНКИ
ЛЕМУРИИ 3

КУЛЛ
И БРАТСТВО
МЕЧА 4

КУЛЛ
И ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ 5

КУЛЛ
И ВОИНЫ
ВЕЧНОСТИ 6

КУЛЛ
И ПУТЬ
МРАКА 7

КУЛЛ
И ТЕНИ
АТЛАНТИДЫ 8

КУЛЛ
И БЕЗЛИКИЙ
БОГ 9

КУЛЛ
И ЗОЛОТОЙ
ОСТРОВ 10

КУЛЛ
И СТРАЖ
ИСТОЧНИКА 11

ЭКА

КУЛЛ
И
СТРАЖ
ИСТОЧНИКА

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2003

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К90

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Художник Петр Кудряшов

Подписано в печать с готовых диапозитивов 20.11.2002.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 5100 экз. Заказ 92.

Кулл и Страж Источника: Сб. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2003. — 380, [4] с. — (Кулл).

Содерж.: Звезда судьбы: Роман / П. Нейл. Страж Источника. Тайна топей: Рассказы / С. Неграш.

ISBN 5-17-016980-9 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-058-1 («Северо-Запад Пресс»)

Бесстрашный атлант Кулл, прежде чем сделаться державным владыкой Валлузии, немало странствовал по свету, вел жизнь, полную захватывающих приключений. Довелось ему однажды сразиться и с божеством, плененном в храме, что на равнинах Зарфхааны, и одолеть незримого Стража, преграждавшего людям путь к целительному Источнику...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2002

Пролог

На востоке от Зарфхааны, там, где степь простирается до бесконечности, до самого края мира, лишь изредка среди бескрайнего моря травы и пологих холмов встречаются скудные рощицы и разрезают землю стремительные речушки. Летом земля содрогается под копытами кочевников и разбойничьих банд, и лишь немногие оседлые поселенцы в деревнях пытаются возделывать эту сухую бесплодную землю.

Суровые мужчины, сильные женщины, — вдали от городов они равно страдают людей, богов и самой природы. Какие бы беды ни приключились с ними, они воспринимают это как должное. Если же, в кои то веки, с ними происходит что-то хорошее, они всегда поминают старую присказку: «Удача всегда приносит неудачу». Суровыми зимами они поедают припасы,

накопленные за лето, и ждут, пока закончатся метели. По весне противостоят ливневым дождям, из-за которых ручейки вздуваются, обращаясь в бурные несущие наводнения потоки, порой стирающие с лица земли целые деревни и племена. И все же каким-то образом обитатели степей ухитряются выжить.

Боги слишком высоко и далеко от них, и люди, те, что слабее, предпочитают селиться в городах, на западе и дальше, на востоке, где кишат, подобно мухам над трупом издохшей лошади, — именно так, с презрением, взирает на них народ степей...

Посреди степи, к югу от небольшой реки, отделявшей его от нескольких деревенок, находился огромный древний зиккурат, на вершине которого был установлен храм. Помещался он на склоне невысокой горы, одной из последних в длинной горной цепи, простиравшейся с запада на восток. Обитатели зиккурата не желали иметь ничего общего ни с жителями деревень, ни с горожанами, и точно так же крестьяне опасались приближаться к этому поразительному сооружению. Поговаривали, что здесь укрылись те люди, которым — равно не подходила жизнь в городе и незамысловатое существование селян, а также, кто не имел и склонности к кочевой жизни.

Ближе к ночи храм-пирамида озарялся сиянием, заливавшим колышущуюся выгоревшую траву и немногочисленные сухие степные деревца. За ужином обитатели деревень поворачивались к зиккурату спиной, при свете масляных

ламп дожидаясь, пока вечер перейдет в ночь. Храм был столь древним, что никто не помнил, когда и зачем он был построен, — хотя люди шептались, будто возвели его с помощью колдовства за одну-единственную ночь много веков назад. Также и деревни стояли здесь с незапамятных времен. Их обитатели возделывали землю, пасли скот и, отводя воду из рек, орошали крохотные участки земли. Так было всегда, и так должно было продолжаться вовеки.

Вот только удача всегда приносит за собой неудачу.

В тот год селяне дивились своему счастью: они сняли лучший урожай за многие годы, дождей было достаточно, но обошлось без наводнений. Грабители и кочевники миновали эти края, и дома ломились от запасов. Люди радовались жизни и благодарили богов.

В то лето с ночного неба упала звезда.

* * *

В падении своем звезда распространяла свет столь яркий, что жители деревень устремились, уверенные, что настал конец света. Затем словно удары грома разорвали ночную тишину.

Люди выбежали к дверям и на улицы из своих лачуг. Матери хватали детей в объятия, чтобы защитить их и взирали на разрывающиеся небеса. Ослепительное сияние падающей звезды слепило глаза. Оно было столь ярким, что залило всю степь от горизонта до горизонта. Зикку-

рат, возведенный на склоне горы, в этих вспыхивающих, что расцветали, распирались, а затем медленно гасли раз за разом, казался черной декорацией к ужасающему представлению. Женщины содрогались, мужчины перепептывались со страхом и благоговением, дети принялись рыдать. Все животные в деревне словно походили с ума: коровы мычали и били копытами, собаки разбегались врассыпную с оглушающим тьявканьем и воем.

В падении своем звезда подняла ветры ужасающей силы, которые прокатились по всей степи, так что даже самые крепкие дома содрогнулись, и солома полетела с крыш. Воды в реке вздыбились и рассыпались брызгами.

Но понемногу свет стал угасать, и звезда ударилась в землю на склоне горы, чуть выше зиккурата. От удара содрогнулась сама земля, и вновь поднялся ветер. Свечение тут же исчезло, но к самым небесам поднялся столб огненного дыма, который рассеялся лишь спустя долгое время.

Всю ночь в вернувшейся тьме селяне стояли на страже у порогов своих лачуг, пристально наблюдая за горой и за небесами. Не загорится ли вновь эта звезда? Не упадет ли еще одна? Что все это значит? Уж не разгневались ли на них боги? Или настал конец света?

На рассвете Теринас, старейшина самой большой деревни, прошептал хриплым голосом, отражая все их страхи и гнев:

— Зиккурат! Эти безумцы из зиккурата при-

звали на землю какое-то зло и намерены уничтожить весь мир!

* * *

Посреди ночи по мере того, как затихали содрогания земли, вызванные падением звезды, Тха-Бнар, настоятель ордена Алого Солнца, в задумчивости взирал на горы из своей комнаты, расположенной на вершине зиккурата. Затем он велел всем старшим жрецам собраться в просторном зале, чьи стены были украшены изображениями темных богов. Жрецы были столь потрясены, что почти все лишились дара речи. В этой самой комнате, где они находились сейчас, штукатурка просыпалась с древних каменных плит, были перевернуты жаровни и распатались плитки, которыми был выложен пол, — с такой силой падение звезды сотрясло землю. Один лишь Тха-Бнар не выказывал страха, и последователи его улавливали напряженный, почти безумный блеск в его глазах.

— Наконец, настало наше время! — воскликнул он, во весь рост выпрямляясь в своем наряде чернокнижника, и лысый череп заблестел отраженным светом масляных ламп. Голос его был глубоким и звучным.

— Ты хочешь сказать... это пришествие? — осмелился задать вопрос аколит в синем платье.

— Свершилось! — завопил Тха-Бнар, вскидывая руки над головой и возводя очи горе, так что темная раздвоенная его борода выставилась

вперед. Затем он вновь обернулся к своим жрецам: — В эту ночь, наконец, были услышаны призывы, которые продолжали на протяжении трех столетий мы сами и наши предшественники. Темные божества послали нам Звезду, и теперь мы должны отыскать ее. Мы должны найти ее и поместить в священный храм, приготовленный для нее. Мы должны хранить ее и использовать данную нам власть, — мы, жрецы и маги самого священного и тайного ордена в мире. Время нашей власти настало, братья! Когда мы овладеем силою Звезды, то все человечество склонится под нашим гнетом!

Вскоре собравшиеся разошлись, возбужденно перешептываясь, и старейшины храма набрали небольшой отряд крепких юных аколитов, которые вместе с Тха-Бнаром должны были поутру отправиться, дабы отыскать и принести в храм упавшую Звезду.

* * *

Они выступили на рассвете.

Тем же утром Териас созвал старейшин остальных четырех деревень, паходившихся неподалеку, и вместе они заговорили о том, чего страшались все: о том, что колдуны из зиккурата, наконец, призвали зло с небес. Теперь воинам, земледельцам, пастухам и всем прочим жителям деревень необходимо взяться за оружие и напасть на храм, дабы защитить себя от того зла, которое непременно вскорости явится оттуда.

Все старейшины согласились с Териасом, и, обнажив изогнутые кинжалы, вонзили их в красные круги, нарисованные на столешнице. Затем они разошлись и при свете восходящего солнца вернулись в свои селения, дабы набрать воинские отряды и исполнить свой долг.

Никто из них не возражал против этого. Все воспринимали как должное, что если над деревнями возникла общая угроза, то им всем надлежит объединиться и противостоять ей заодно. Несомненно, все они ощущали, как в воздухе нарастает напряжение и словно поднимается волна безумия.

Тха-Бнар вместе со свитами и юными акколитами затратил почти весь день, чтобы забраться на вершину горы. Они не опасались того, что не сумеют отыскать Звезду. Повсюду виднелись следы разрушения, и обгоревшие поваленные деревья ясно указывали жрецам путь к посланцу богов.

К полудню они оказались на краю огромного кратера, размером превосходящего даже диаметр их зиккурата. С трудом удерживая равновесие на оплавившихся камнях, обожженных, еще хранивших тепло небесного огня, внизу они увидели камень, — размерами он был не больше человеческого роста, казался раскаленным добела и извергал дым и искры.

Как завороженные, взирали на это чудо жрецы, и внезапно из затянутых тучами облаков послышался гром. Подул сильный ветер, и начался дождь, охладивший потные лица людей и обра-

тившийся в пар, едва лишь он достиг горячего кратера и камня, покоившегося внутри.

С посохом в руке, Тха-Бнар сделал пару шагов по склону кратера. Пару раз он едва не оступился на толстом слое пепла и обломков, и все же эта звезда внизу притягивала его неудержимо, и сейчас он не в силах был отвести от нее глаз, сознавая, что, наконец, были услышаны и получили подтверждение молитвы многих поколений его предшественников, как и его собственные...

Немного погодя, он обернулся к своим спутникам.

— Пусть несколько человек спустятся сюда и выгашают камень. Используйте веревки и шесты, которые мы прихватили с собой. Поторопитесь! Дождь скоро достаточно охладит камень!

Две дюжины юных аколитов, которые не знали, чего им опасаться сильнее, — этой странной Звезды в кратере или гнева колдуна, — нерешительно начали спускаться по склону ямы мимо Тха-Бнара, волоча за собой длинные дубовые шесты и тяжелые шелковые веревки, которые принесли с собой из зиккурата.

Тха-Бнар вновь вскарабкался на край кратера, и теперь молча и заворуженно наблюдал за усилиями юных жрецов. Пот блестел на его лысой голове, и он взволнованно поглаживал свою темную раздвоенную бороду; время от времени по мощному телу жреца пробегали волны дрожи. Он прошептал одному из членов своей свиты, что стоял рядом с ним:

— Ты чувствуешь? Ты чувствуешь это?

Тот изумленно уставился на Тха-Бнара:

— Что чувствую, господин?

На лице Тха-Бнара появилась усмешка. Он не повернулся к своему спутнику, продолжая глядеть на Звезду в кратере.

— Сила, — прошептал он скорее себе самому, чем в ответ на вопрос жреца. — О, эта сила! Боги дали мне ответ...

* * *

Ближе к вечеру под моросящим дождем Теринас вместе с остальными четырьмя старейшинами и четырьмя сотнями самых крепких воинов приблизились к зиккурату; по пятам за ними следовали еще триста вооруженных мужчин. Теринас намеренно разделил своих последователей на два отряда. Они миновали возделанные поля, перешли вброд реку, отделявшую их от окрестностей зиккурата, и уверенным шагом двинулись вперед. Они распевали древние воинские гимны, чтобы подстегнуть свою отвагу, и начали подъем по склону к возвышавшемуся на севере пирамидальному строению.

— Все это зло, зло! — бормотал себе под нос Теринас, старясь шагать как можно тверже, как если бы одной поступью своей рассчитывал напугать обитателей зиккурата. — Проклятое зло! Всех этих ублюдков следовало стереть с лица земли еще при жизни моего деда, но теперь мы

уничтожим их и принесенное ими зло. Я перебую всех этих собак!

По мере их приближения к зиккурату дождь пошел еще сильнее. Несмотря на владевшую ими злость и страх, Теринас и его люди были потрясены громадой пирамиды. Всю свою жизнь они взирали на нее лишь с другого берега реки, но теперь, подойдя ближе, увидели перед собой подобие одетой в камень небольшой горы или города. Зиккурат был выстроен в форме ступенчатой пирамиды, на многочисленных уровнях его были возведены дополнительные стены, что понижались и возвышались, восходя по спирали к самой вершине, где пирамиду венчал небольшой, — по крайней мере, на таком расстоянии он казался небольшим, — храм или какое-то иное жилище. Казалось, зиккурат строили в несколько приемов: основа его состояла из чернейшего базальта, но чем выше, тем больше появлялось коричневых, серых и даже зеленоватых камней.

По мере того, как Теринас приближался к пирамиде, становилось очевидно, что каждый из камней, составлявших ее, был высотой по меньшей мере в рост человека. Зиккурат возвышался, затмевая небо, и огромная тень его ложилась на всю землю. И, подобно тому, как сам зиккурат казался незначительным рядом с горой, на склоне которой он вырос, так и рядом с этой пирамидой люди, приближавшиеся к нему, делались похожими на муравьев.

Вокруг не слышалось ни единого звука, ника-

кой жизни, — ни птиц, ни полевых зверьков, ни даже змей или кротов. Не росло здесь злаков, не было протоптанных дорожек или следов случайного каравана... Лишь гора, зиккурат и повсюду, насколько хватало глаз, бескрайнее море травы.

Оказавшись совсем рядом, Теринас со своими людьми невольно задался вопросом, как сумеют они одолеть такую громаду, и даже просто взобраться на нее. Никто из них не был искушен в искусстве осадной войны. Люди начали встревоженно перешептываться между собой, — и внезапно один из огромных камней у основания пирамиды со скрежетом ушел внутрь, обнажая темный проход.

Потрясенный, Теринас скомандовал своим воинам остановиться. Прямо перед ними, лицом к лицу, стоял бледный худощавый мужчина в длинном синем одеянии. Несколько томительно долгих мгновений шум ветра оставался единственным слышимым звуком, но никто не произносил ни звука, но затем жрец в синем балахоне нарушил молчание.

— Что вам здесь нужно? — спросил он негромким, но звучным голосом. Он стоял, скрестив руки и пряча кисти в широких рукавах, в то время как пламенный взор его словно насквозь прожигал собравшихся перед ним селян.

Теринас, вдохновленный сердитым ропотом за спиной, сделал шаг вперед и обнажил свой старый клинок.

— Мы хотим знать, что за звезда упала ночью на землю?

Жрец взирал на него с таким видом, словно считал вопрос старосты слишком дерзким.

— Тебя напугала Звезда, дикарь? Ты страшишься ее еще больше, чем даже тели этого храма?

— Я не дикарь! — выкрикнул Теринас. — Вы, псы, что прячетесь среди камней, зачем вы призвали эту звезду на наши земли?

— Глупец! — сплюнул жрец. — Убирайся прочь, возвращайся на тот берег реки, и ничего дурного не случится с тобой.

Но теперь уже вокруг во множестве слышались испуганные и злобные крики, которые заглушили последние слова жреца в синем балахоне. Прежде, чем Теринас успел призвать своих людей к порядку, кто-то положил стрелу на тетиву и выстрелил из лука в жреца.

Он промахнулся... Либо того окружала некая незримая защита. Стальной наконечник ударился в базальтовый камень, высекая искры.

— Недоумки! — выкрикнул колдун.

Если бы спутники Теринаса хоть немного лучше владели собой в этот миг, они поняли бы, что храмовый жрец не меньше их самих боится упавшей звезды, но теперь, после первого выстрела из лука, была утрачена всякая надежда восстановить мир. Полетели новые стрелы, — и лучники били так часто и наугад, что самому Теринасу и нескольким его спутникам, стоявшим впереди, пришлось пригнуться пониже, чтобы их не задело.

Колдун, напротив, отважно выступил вперед

из прохода. У него за спиной маячило еще с полдюжины мужчин в синих балахонах, безоружных, державшихся гордо и с достоинством. Они принялись выкрикивать какие-то слова на неизвестном языке, совершая при этом безумные жесты, словно пытались отпугнуть селян одними лишь воплями и телодвижениями.

Одна из выпущенных стрел неожиданно поразила жреца прямо в грудь. С пронзительным визгом он рухнул на колени, а затем вырвал стрелу, с негодованием швырнул ее на землю и сам повалился набок.

Осознав, что наступил решающий момент, Теринас вскинул клинок и устремился к проходу пирамиды. Жрецы поспешили отступить, бросив раненого товарища, дабы закрыть каменную дверь прежде, чем пострадает кто-то еще и обезумевшие воины проникнут внутрь зиккурата. Со стоном и скрежетом начала закрываться тяжелая каменная плита, и раздосадованные селяне обрушили свой гнев на раненого жреца, забивая его ножами, дубинками и мечами.

Постепенно день сменился сумерками. Дождь прекратился, и люди Теринаса встали лагерем на равнине, решив, что теперь имеют полное право находиться на этой земле. Кое-кто не переставал кричать, что колдуны все безумцы, и напрасно люди так страшились этого храма на протяжении многих поколений. Уж, конечно, тот жрец, которого они прикончили, не сумел противостоять толпе ни с помощью заклятий, ни каких-либо магических чар.

Однако, по мере того, как садилось солнце, отбрасывая длинные пурпурные тени на порывящую степь, настроение толпы менялось. Внезапно на первом уровне зиккурата в проеме появилась высокая фигура, облаченная, подобно остальным жрецам, в синий балахон. Теринас со старейшинами уставился на этого человека, который пронзительно возопил:

— Недоумки! Дикари! Желаете ли вы убраться миром или мы обрушим на вас смертную кару?

В ответ полетела новая стрела, выпущенная кем-то из толпы, и ударила в камни прямо под ногами жреца.

Тот поспешно исчез; и лишь руки его мелькнули в проеме... Руки быстро взметнулись, рассыпая в воздухе над крестьянами горстку крохотных сверкающих кристаллов. Ничуть не встревожившись, Теринас со своими спутниками с любопытством наблюдал, как эти кристаллы летят в их сторону, подобно огромным снежинкам. Внезапно странные кристаллы вспыхнули ярким пламенем... И этот огонь не гас на ветру. С произвольными воплями крестьяне обратились в бегство, в панике натываясь друг на друга. Теринасу, остальным старейшинам и большинству воинов удалось спастись, и все же пылающие кристаллы поразили не меньше двух десятков селян и сожгли их, поразительным образом воспламенив плоть. Несколько мгновений те еще издавали крики, но вскоре голоса затихли, и стало слышно лишь как огонь с потрескиванием и шипением поглощает обуглившуюся плоть.

Когда же сверкающие снежинки попадали на землю, то не вспыхнула ни единая травинка.

Теринас завопил от страха и ярости, призывая своих спутников к отмщению. Все вместе они обрушились на базальтовые камни зиккурата, беспомощно молотя по ним рукоятями мечей и дубинками. И вновь поток сверкающих снежинок устремился на них сверху. Заметив это, люди закричали и поспешили убраться прочь, — и все же вновь пятеро обратились в живые огненные столпы, и колдовское пламя поглотило их.

Теринас понял, что продолжает бессмысленно.

— Отступаем! — выкрикнул он. — К реке!

В этот миг Теринас проявил себя достойным вождем. Несмотря на владевший ими всеми страх и злость, он сумел совладать со своей небольшой армией, заставить ее отступить по степи, пересечь реку и вернуться в свои деревни.

— Война началась! — заявил он селянам, прежде чем они расстались. — Мы вернемся, когда раздобудем осадные орудия и перебьем их всех. Никакая магия их не спасет.

И вот с наступлением ночи они разошлись по своим домам, оставив за спиной в степи один труп, изрубленный на куски, и двадцать пять сожженных заживо, — это были первые жертвы войны, которая грозила затянуться очень надолго.

* * *

На склонах горы также опустилась ночь, дымная, темная и влажная. Жрецы, спустившие-

ся в кратер, наконец, сумели сплести подобие сети из принесенных с собой веревок, закрепили в ней небесный камень и привязали его к дубовым шестам. Пока они пытались вытащить камень наружу, веревки несколько раз рвались, и один из шестов сломался пополам: таким тяжелым оказался этот странный артефакт. С большим трудом им удалось вскарабкаться по склону кратера туда, где ожидал их Тха-Бнар и другие маги. Еще тяжелее дался путь вниз с горы. То и дело возникали все новые проблемы, словно одним своим появлением небесный камень нарушил все законы мироздания. Один из юных жрецов упал и сломал лодыжку; теперь он ковылял, опираясь на двоих товарищей. Принесенные из храма факелы никак не желали разгораться под непрекращающимся морозящим дождем; а один из факельщиков оступился на каменной горной тропе и сильно обжегся. Но худшая из этих странных неприятностей случилась на полпути вниз с горы, когда люди, что несли камень на веревках и шестах, внезапно бросили его и разбежались с криками:

— Он живой! Живой!

Тха-Бнар с рычанием повернулся к ним.

— В чем дело?

— Он живой... Он *шевелился*! — закричали его юные помощники.

— Глупцы! — сплюнул Тха-Бнар, и все же он приблизился к звездному камню и пристально уставился на него. — Эй вы, с факелами... Дайте мне немного света.

Если камень и впрямь до этого шевелился, теперь он застыл совершенно неподвижно, в освещении дымного пламени и под пристальным взглядом жреца. Потянувшись, Тха-Бнар опцупал его ладонью; несмотря даже на холодный дождь из глубин камня шло тепло.

— Поднимайте, — велел он юношам. Заметив, что те не спешат повиноваться, он выпрямился во весь рост и угрожающе вскинул унизанную кольцами руку, словно готовясь проклясть их всех.

— Исполняйте мою волю!

Перепуганные молодые люди поспешили убедить себя, что их страх был совершенно беспричинным и рожден усталостью и обманом зрения. Они вновь вскинули шесты на плечи и продолжили путь с горы, вслед за верховным жрецом, который вел их при свете факелов через насквозь промокший лес.

К рассвету Тха-Бнар со своей свитой и жрецами, несущими звездный камень, вернулся в зиккурат, усталый, грязный, но с драгоценной добычей.

Когда ему поведали о нападении селян, Тха-Бнар не выказал ни малейшего волнения. По его приказу жрецы из храма перенесли звездный камень, стоная и кряхтя от тяжести, по внутренним лестницам и коридорам зиккурата, дабы, наконец, поместить его на древний алтарь на самом верху.

Когда это было, наконец, сделано, Тха-Бнар велел всем разойтись. Аколиты закрыли за собой

массивные двери, и верховный жрец, наконец, остался наедине с даром богов, — воистину, он полагал, что это сами боги сделали ему такой подарок, вняв, наконец, мольбе и усердию, с которым многие поколения магов вершили свое темное колдовство...

Свет зари пробивался сквозь два высоких окна зала, но сейчас камень, упавший с небес, казался холодным и едва ли не покрытым изморозью. Не приближаясь к нему, но лишь взирая с радостью и благоговением, Тха-Бнар прошептал... не то обращаясь к камню, не то к себе самому:

— Мы так долго ждали тебя... Тебя мне даровали темные боги, а ты дашь мне великую силу.

Он подошел ближе, зачарованный странным сиянием, исходившим от Звезды. Пот выступил у жреца на лбу. Руки его задрожали. Он сделал шаг вперед, затем еще один, и, наконец, застыл, не сводя взгляда с камня.

— Сила темных богов, — прошептал Тха-Бнар. — Скоро я стану владеть ею!

Звезда содрогнулась.

Тха-Бнар застыл в изумлении. Теперь в лучах солнечного света камень словно бы вспыхнул еще ярче, а затем неизвестно откуда вместе с этим сиянием пришли слова:

— Безумец! Ты думаешь, что своими жалкими чарами сможешь удержать меня в плену, но я принесу тебе погибель! Я не дам тебе никакой силы, я дам тебе смерть!

С громким криком Тха-Бнар попятился. Он наткнулся на стену, широко раскинув в стороны

руки, чтобы восстановить равновесие. Глаза его распахнулись от изумления. Рот широко открылся. Ослепительное сияние камня почти лишило его зрения.

Наконец, небесный посланец прекратил дрожать и блеск его слегка приугас. Тха-Бнар тут же кинулся к нему и, обхватив камень обеими руками, завопил:

— Говори! Говори еще!

Но ответа не было.

Словно обезумевший, колдун замолотил кулаками по камню, вновь и вновь требуя:

— Говори! Говори! Говори!

Снаружи в двери застучали перепуганные жрецы, которые слышали воли своего господина.

— Говори! — прорычал Тха-Бнар, чувствуя, как тепло камня через руки проникает прямо в его сердце и мозг. — Говори...

По-прежнему прижимаясь к камню, он сполз на пол, опираясь на алтарь, в то время как перепуганные голоса из-за запертой двери пытались докричаться до него, спрашивая, все ли в порядке.

* * *

Целых шесть дней на равнинах царил покойствие. На рассвете седьмого дня, после бесплодной атаки на зиккурат, Теринас, прочие старейшины деревень и их воины, начали перемещать на другой берег реки тяжелое снаряжение: лестницы, тараны, грубо сколоченные осадные башни и катапульты. Они не тратили времени

даром, мастера все эти устройства. Полдня у них ушло на то, чтобы вновь перебраться через реку и пересечь равнину. Но уже к полудню небольшая армия изготовилась к приступу зиккурата.

Теринас как следует обдумал свои дальнейшие действия и решил, что атака по одному фронту подвергнет его людей большой опасности. Поэтому на шестую ночь перед рассветом он приказал двум воинским отрядам сделать круг по степи и обойти гору с запада и с востока, дабы взобраться на склоны выше храма. Оттуда они должны были наблюдать за осадой, ведущейся с равнины и принять участие в военных действиях, когда внимание жрецов будет поглощено происходящим внизу.

Жрецы в зиккурате со смехом наблюдали за ведущимися на равнине приготовлениями из своей цитадели. О готовящемся нападении они предупредили Тха-Бнара, который, выглянув в окно и полюбовавшись на приближающееся войско, лишь презрительно сплюнул:

— И впрямь, чистейшие безумцы!

Затем он удалился в храм, где располагалась Звезда, подобно тому, как делал это каждый день. Теперь здесь многое изменилось: вокруг алтаря Тха-Бнар начертил защитные магические круги, зажег масляные светильники и наложил мощные чары на камень, пленив его внутри колдовской сети. Затем с помощью Матиуса, своего старейшего и наиболее верного помощника, он с помощью самого сильного колдовства, по-

пытался напрямую воздействовать на небесный камень, дабы овладеть его силой.

Сейчас Матиус сидел в углу залы, распевая заклятия и размахивая дымящейся кадьницей, а Тха-Бнар неподвижно сидел перед камнем, не сводя с него упорного взора. Внезапно он ощутил, как огромная мощь вздымается внутри него.

В тот самый миг, когда первые снаряды катапульт ударили в каменные стены зиккурата и первые вопли воинов послышались на равнине, Тха-Бнар вышел из храма, дабы встретиться со своими врагами лицом к лицу.

* * *

В тот день в битве колдовство сперва одержало победу над грубой силой и простым оружием. Люди Теринаса прислонили лестницы к стенам; и лестницы, и воины были отброшены назад и сожжены дотла огненными кристаллами. В то же самое время с равнины вверх устремились стрелы и камни из катапульт, которые нанесли немалый ущерб показавшимся на стенах защитникам зиккурата.

В этот момент два отряда, которые Теринас заранее выслал наверх, на склон горы, совершили неожиданный бросок. Сотня воинов вскоре заняла никем не охраняемые верхние уровни степ, — их никто не охранял потому, что жрецам и в голову не могла прийти мысль, что кто-то нападет на них сверху. Вскрабкавшись

по высоким углублениям, воины спрыгивали в открытые проходы, взламывали двери и пробирались в верхние залы зиккурата. Изумленные жрецы падали под натиском, сраженные мечами, ножами и дубинками.

Вскоре защитники пирамиды поняли, что происходит, и постарались разделить силы. В истории храма Алого Солнца это был первый случай, когда здесь пролилась кровь.

Нападающие, которых вел юный воин по имени Абрук, захватили несколько залов и выбросили снаружи веревки, чтобы могли взобраться сюда их товарищи с равнины. Теринас приказал своим солдатам поднять лестницы к этим проемам, и в то же самое время по его распоряжению стали копать канавы под базальтовым основанием храма. Стоило же кому-то из жрецов появиться в оконных проемах, творя какое-то колдовство, как в них тут же легли горящие стрелы.

Тха-Бнарм овладела яростью. Он лично устремился в те залы, которые занял Абрук со своими людьми, взломал двери и уничтожил сотню воинов, находившихся там, с помощью той силы, которую он получил от звездного камня. Вскинув руки, волну за волной он посылал в нападающих смертоносную энергию, убивавшую их на месте. Матиус с остальными жрецами поддерживали своего господина менее мощной магией; когда солдаты устремились вверх по приставным лестницам и хлынули в залы через оконные проемы, их также уничтожила беспощадная магия.

Однако, такая растрата сил дорого далась Тха-Бнару и его приверженцам. Они вернулись в недра зиккурата в то время, как жрецы рангом пониже сутились в комнатах и коридорах, устанавливая охранные посты, устраивая завалы и расправляясь с последними из угодивших в ловушку воинов, пытавшихся захватить священные покои Алого Солнца. На верхних этажах повсюду виднелись следы огня и крови, но в живых не осталось ни одного захватчика. На равнине жрецам удалось уничтожить все приставные лестницы и осадные башни Теринаса. Из той армии, которую он привел с собой, осталась всего половина: остальные обратились в пепел под действием колдовского огня. В живых осталось лишь трое старейшин.

Войско принялось зарываться в землю, а ближе к ночи перед траншеями они для защиты сложили каменные стены. Началась великая осада.

* * *

Через несколько дней воины, копошившиеся под стенами, сумели посреди ночи проникнуть в зиккурат, и хотя многие из них погибли при этом натиске, но смерть настигла также и одетых в синее жрецов. К рассвету Теринас со своими людьми торжествовал победу: они прорвались в цитадель и захватили одно из внешних помещений.

На следующий день по уже установившейся рутине Теринас послал нескольких своих людей

обратно через реку, чтобы они могли передохнуть у себя в деревнях и прислать на смену подкрепление с оружием. В тот же день он выслал еще две команды, которые должны были вести подкоп под основание зиккурата; и в тот же вечер в беспощадной схватке со жрецами его люди получили допуск во второе помещение цитадели.

Встревоженный, Тха-Бнар удалился в центральный зал храма, дабы вновь прикоснуться к силе божественного камня. Он вошел в столь глубокий транс, что не показывался добрых три дня. Когда же он наконец вышел наружу, то Матиус с тревогой заметил в глазах своего господина отблеск нового безумия.

* * *

Многие недели продолжалась осада, а затем счет пошел уже на месяцы. Солдаты Теринаса отвоевывали зал за залом, теряли их, а затем вновь возвращались, противопоставляя грубую силу и холодную сталь могущественному колдовству.

Осень миновала, и ей на смену пришла зима. Холода могли затруднить военные действия, поэтому солдаты на равнине начали строить небольшие каменные крепости. Через заснеженную степь пролегла дорога, по которой поступало подкрепление и подвозили припасы. Люди гибли и другие вставали в ряды воюющей армии. Раненых посылали обратно в деревни, где они могли либо поправиться, либо умереть. Над колыбеля-

ми детей, родившихся в ту зиму, вместо благословения раздавались проклятия в адрес жрецов в зиккурате. С наступлением весны Теринас со своими людьми удвоил усилия, и к лету отвоевал уже половину нижнего этажа храма-пирамиды. Тха-Бнар время от времени возглавлял атаки против нападавших, но он все чаще и чаще он запирался наверху в храме, либо в своих покоях и только выслушивал отчеты о ходе военных действий.

Как-то по весне самые юные и нетерпеливые из жрецов сколотили отряд, чтобы дать бой врагу на равнине, но они погибли все до единого, ибо оказались слишком слабы без поддержки магии зиккурата.

Весной на равнину подтянулись также грабители всех мастей, прослышавшие о затянувшемся сражении и о том, что в недрах храма якобы скрыты неописуемые сокровища. Эти люди были наемниками, которые с радостью встали под знамена Теринаса. Понемногу разбросанные вдоль реки деревеньки превращались в единый город. Повсюду там строились дома и крепости, а с окраин люди переселялись в центр.

Год спустя все уже позабыли, что же стало первоначальной причиной этой войны. Звезда с небес? Кто знает, что это могло означать? Теперь уже Йорис сражался, потому что был убит его брат Колад; Таум шел в бой, потому что желал завладеть богатствами колдунов, а Иварм — потому что считал Теринаса своим героем, воином, призванным самими богами поразить на земле

всяческое зло. Все людские страсти война обращала себе на пользу.

Ко второй зиме Теринас оказался во главе целого небольшого войска. Младшие сыновья, отныне более привычные к войне, чем к земледелию, вслед за отцами и старшими братьями приходили сюда, дабы взять в руки меч и лук и направить оружие против демонов-жрецов. Ко второй весне Теринас и его люди начали отвоевывать второй этаж гигантского храма. Что касается жрецов, то помимо колдовства, они также понемногу обучались военному делу.

К концу второго года осады война постепенно превратилась в образ жизни. Небольшие деревеньки у реки окончательно слились, превратившись в укрепленный город. Жены и любовницы протоптали дорогу через степь, по которой приходили навестить своих мужей и возлюбленных в укрепленном лагере близ зиккурата. Даже некоторые женщины взяли в руки оружие, дабы сражаться с храмовыми жрецами. Все больше отрядов наемников присоединялись к растущей армии, а рыбу, собранные плоды, зерно и овощи женщины выменивали ниже по реке на железо и оружие. Теринас даже нанял себе в помощь нескольких колдунов, хотя их сила оказалась ничтожной против мощи зиккурата и жрецов ордена Алого Солнца.

И вновь зима сменилась весной. И вновь пришло лето, а за ним и осень. Дети, рожденные в ночь первой битвы, росли, слушая рассказы о войне и победах и слушая лязг оружия. Обеща-

ния золота и мести поддерживали войско, а гибель товарищей лишь укрепляла решимость оставшихся в живых. Всем павшим в бою была обещана счастливая жизнь в загробном мире.

Те немногие, кто считал все происходящее безумием, сбежали прочь, утверждая, будто небесная звезда наложила проклятие на их землю. Но для всех остальных война была делом насущным и необходимым. Они оставались, чтобы сражаться, и часто умирали.

Прошло еще немало зим. Город на реке разрастался. Вниз по течению уходило зерно, а вверх присылали оружие.

Десять лет длилась битва за зиккурат, — приманка для любого наемника с острым мечом и пустым кошельком...

Глава 1

Враги и друзья

Кулл осторожно сделал несколько шагов вперед и вновь остановился. У него за спиной дюжина воинов также замерли на месте, озаряя факелами темный коридор. Затем атлант вскинул меч и свободной рукой взмахнул, делая знак своим спутникам приблизиться.

— Мантис, — прошептал он.

Молодой темноволосый воин подошел ближе к Куллу. Без слов тот знаком велел ему придвинуть факел поближе, чтобы разглядеть, что ожидало их впереди.

Еще на несколько десятков шагов там простирался пустой коридор, но Кулл заметил вертикальную тень на правой стене.

— Там угол, — прошептал он Мантису.

В этом коридоре царило безмолвие. Кулл с Мантисом и их спутники застыли в напряжен-

ном безмолвии. Они прошли гораздо дальше, чем удалось это сделать людям Теринаса накануне, и теперь Кулл был вдвойне осторожен.

— Дай сюда свет, — шепотом велел он Мантису. — Чутье мне подсказывает...

Но не успел атлант договорить, как Мантис уже сделал шаг вперед, одной рукой высоко удерживая факел, а другую положив на рукоять меча в пожнах. Свет, мерцая, бросил рыжеватые отблески на утоптанной земляной пол, очерчивая начало прохода, таящегося за углом...

— Беги! — внезапно выкрикнул Кулл, отталкивая в сторону Мантиса и устремляясь вперед.

Тварь из-за угла, наконец, оказалась перед ними, — огромная, словно выросшая из самой тени. Покачиваясь, существо двинулось вперед, щелкая челюстями, словно пытаясь издать безмолвный вопль. В остекленевших глазах горел желтоватый свет, — это колдовская сила, благодаря которой жрецы оживили один из трупов тех воинов, которые пали накануне в битве за этот коридор...

За спиной у Кулла послышался лязг клинков, вынимаемых из ножен, и тут же отряд устремился вперед. С привычной ловкостью прирожденного фехтовальщика темноволосый атлант вскинул меч как раз вовремя, чтобы встретить приближающегося врага, пронзил его грудь, а затем направил лезвие в бок.

Это движение заставило монстра потерять равновесие и сбilo его с пути. Чудовище вскинуло руки, отлетело в сторону, ударившись о

стену головой. Клинок Кулла вырвался на волю, оставляя за собой в воздухе кровавый след.

— Факел, Мантис! — выкрикнул он. — Факел сюда!

И вновь юноша не запоздал ни на миг, швырнув горящий факел прямо в нападавшего монстра и завершив это движение стремительным ударом меча. Оживший труп, неловко пытавшийся отделиться от стены, содрогнулся от удара. Облитый смолой факел мгновенно поджег иссохшую кожу и одежду, превращая монстра в столп ослепительного пламени. По-прежнему не издавая ни звука, тот, наконец, оторвался от стены и, ведомый враждебной волей ожививших его колдунов, бросился прямо в середину столпившегося перед ним отряда, закрывавшего проход.

Используя ту же тактику, которая не раз выручала их прежде, Кулл с Мантисом мгновенно бросились в стороны, давая дорогу своим спутникам, вооруженным длинными дубовыми пестями. Те, вскинув палки как оружие, перехватили пылающий труп на полпути и отшвырнули назад.

И вовремя... В тот самый миг, когда чудовище рухнуло наземь, из-за угла коридора показался один из его хозяев: худощавый жрец с безумным блеском в глазах в синем одеянии, на которое ложились кровавые огненные отблески от пламени, объявшего его мрачное творение.

— Псы! — завопил юный жрец и вскинул руки, готовясь совершить какие-то магические пассы.

Оживший труп налетел на него, и жрец истошно завизжал, когда огонь перекинулся на его одеяние. Коридор наполнился вонью горящей плоти.

Другой жрец торопливо выбежал из-за угла коридора. Его фигура лишь смутно виднелась в маслянистом дыму, но даже сквозь чад ярким пламенем вспыхивали перстни у него на пальцах, и так же яростно пылали гневом его глаза.

— Имту! — завопил он. — *На'а ба-ава суи су-тут!*

Магический огненный шар с ревом и свистом сорвался с ладоней жреца. Кулл и Мантис, по-прежнему прижимавшиеся к стенам коридора, чудом избежали испепеляющего пламени, хотя и ощутили на себе его чудовищный жар. У них за спиной двое солдат рухнули: у одного голова мгновенно обратилась в пепел, у другого рука обгорела до кости. Этот последний еще успел закричать прежде, чем замертво рухнул на пол.

Кулл отчаянно метнулся вперед, в надежде, что колдун не успеет извергнуть вторую молнию прежде, чем атлант достигнет его. Взыв от яростной ненависти, он вскинул клинок и нанес разящий удар. Жрец едва успел поднять руки, чтобы защититься, — и меч отсек оба запястья в сверкающем полете стали.

С истошным воплем колдун отступил, обливаясь кровью. Кулл продолжал наступать, лишь ненадолго замедлив свой натиск, чтобы, покосившись по сторонам, убедиться, нет ли иной

опасности, ожидающей за поворотом. Едва лишь жрец привалился к стене у сводчатого прохода в боковой коридор, атлант вновь взмахнул клинком и разрубил тому шею. Голова повалилась на плечо и повисла на тонкой полосе кожи и мышц, в то время как перерезанное горло исторгало потоки крови.

Восстановив равновесие, Кулл прислонился к стене, настороженно глядя вглубь коридора. Мантис вскоре подошел к нему. Даже без света факелов они видели, что короткий проход закрыт железной дверью. Внезапно оттуда донесся скрежет, как будто запирали еще одну дверь: как видно, за первой кто-то дожидался, чтобы убедиться, чем закончится атака, а теперь, оставив позади трупы двух жрецов, поспешно отступил.

Объятые жаждой крови, вперед выступили воины Теринаса. Обнаружив, что скоротечная битва уже завершилась и честь победы в ней принадлежит Куллу, они похвалили его за мастерство и на время отступили обратно по коридору.

— Они вернутся, — сказал один из наемников. — Но, похоже, что этот проход останется за нами. Сегодня после обеда мы здесь закрепимся и примемся пробиваться через эту дверь в соседнее помещение. Отличная работа, атлант!

Кулл коротко кивнул, не сказав ни слова в ответ, но Мантису успел бросить:

— Отлично владеешь факелом, парень!

— А ты — клинком! — юноша улыбнулся атланту.

Перешагивая через трупы, они направились обратно по коридору. Произведя пехитрые мысленные подсчеты, Кулл мог лишь растерянно покачать головой при виде таких потерь: не меньше сорока человек они потеряли за те десять дней, что он сражался в этом зиккурате. «Слишком высокая цена, — сказал он себе. — Вне зависимости от того, что за сокровища таит этот храм»

Но это был не его бой. Он хотел лишь подзаработать немного денег и, если для этого достаточно было просто выставить свой меч на продажу, то он не испытывал особого желания играть в полководца.

* * *

Пробудившись, он ощутил боль в правой руке и вспомнил, что она была обожжена колдовским огнем. Повернувшись на бок, он ощутил новый приступ боли, на сей раз в плече. Он словно бы чувствовал что-то... Нечто нематериальное, нечто высоко наверху в храме... Нечто невидимое, нечеловеческое, что поглощало страх и боль...

Содрогаясь от слабости, он с трудом поднялся во тьме и внезапно наткнулся на что-то мягкое и теплое и понял, что перед ним свежий труп. В страхе перед тьмой и перед осознанием того, что сам он все еще жив, он отчаянно завопил, призывая на помощь товарищей...

В то время как нечто, высоко наверху, с жадностью впитывало его ужас.

Вдалеке, словно в ответ на его хриплые призывы, скрежежнув, отворилась высокая дверь, и слышались шаги.

Он зашатался в темноте, теряя равновесие, затем отступил на шаг, ударившись головой о камни. Там он несколько мгновений задержался, переводя дух, и словно бы даже задремал, — но миг спустя пробудился, когда вновь, заскрежежав на петлях, отворилась очередная стальная дверь, на сей раз куда ближе.

Открыв глаза, он слепо уставился на ослепительно сверкающие пятна факелов. За этим светом еще ярче горели чьи-то желтые глаза.

— Один из этих ублюдков выжил, сиятельный Тха-Бнар.

Он узрел лицо с крупными тяжелыми чертами и раздвоенной бородой с обритым наголо черепом и немигающими черными глазами, хмуро уставившимися на него. Лицо было испещрено морщинами, но, как ни странно, они говорили не столько о возрасте, сколько о разложении.

— Взять его, — проскрипел мрачный голос. — Мы сможем использовать его.

На миг он вновь потерял сознание, затем ощутил, как чьи-то грубые руки поднимают его. Он завопил от ужаса и попытался слабо сопротивляться, ощущая, как его волокут куда-то прочь, словно безвольную сломанную куклу.

И по-прежнему он ощущал зло, таящееся где-то наверху.

Затем болезненная тьма снова поглотила его; падая в бесконечную бездну ночных кошмаров,

он еще смутно сознавал, что за спиной у него закрывается тяжелая железная дверь.

* * *

— Держите крепче! — велел Тамир своим солдатам, которые следовали за ним с тяжелыми мешками. — Посыпьте повсюду солью, а железо приприте покрепче к стене.

— И не забыть благовония, — напомнил ему стоявший рядом, — чтобы отпугнуть демонов.

— Ну, ладно, и благовония тоже, — согласился Тамир, закашлявшись от дыма. — А заодно подвесьте голову одного из этих ублюдков к потолку. Похоже, что против демонов это сработает куда лучше, чем все остальное.

Дюжина воинов двинулись по коридору, исполняя приказы. Тамир, тем временем, повернулся к Куллу, Мантису и горстке остальных.

— Вы были здесь уже три дня, — сказал он им, сверяясь со списком, что протянул ему помощник. — Теринас сказал, что никто не должен проводить здесь больше трех дней кряду. Забирайте оружие и возвращайтесь на денек в деревню, отдохнете как следует и отоспитесь.

Кулл кивнул в знак согласия и лишь на миг задержался, чтобы перешнуровать сапоги, затем бросил Мантису:

— Пойдем. Мы это заслужили.

Расставшись с Тамиром, они прошли по короткому коридору, что вел в основной проход первого уровня зиккурата. Пустые комнаты, про-

тянувшиеся анфиладой, охраняли солдаты Теринаса. Впрочем, не все из них пустовали: в иных стояли лежаки, хранились припасы, оружие, сменная одежда и кувшины с водой. Армия расположилась здесь лагерем. Кое-где виднелись даже самодельные алтари, на стенах были выцарапаны имена, а рядом с лежанками валялись чьи-то пожитки.

Проходя вниз по коридору, освещенному светом факелов, Кулл с Мантисом миновали игроков в карты, собравшихся за круглым столом. Один из солдат окликнул Мантиса. Тот пошел было, но, заметив, что Кулл по-прежнему идет вперед, окликнул атланта со словами, что чуть позже догонит его по пути в деревню.

— Похоже, твой приятель брезгует нашей компанией, — заметил Мантису тот наемник, что задержал его.

— Зря ты так, атлант отличный парень, — Мантис покачал головой.

— Да что ты вообще о нем знаешь? Никогда не посидит с остальными, ничего о себе не расскажет: кто он такой, откуда взялся...

— Я этим атлантам вообще не доверяю, — поддержал приятеля второй игрок. — Дикари, живут на этом своем острове, что у них там творится — непонятно...

— Как есть дикари.

Мантис хмыкнул. По его представлениям здешние обитатели степей недалеко ушли и от атлантов, и от куда более варварских племен, обуянных одной лишь жаждой крови и наживы, но

вслух это говорить он благоразумно поостерегся и лишь повторил:

— Кулл отличный парень, и поберегитесь цепляться к нему, мечом он владеет точно демон.

— Вот-вот, демон и есть, — недовольно пробормотал первый игрок. — Все эти атланты — демоны. Я это всегда говорил!

Но было видно, что эта тема уже наскучила и ему самому.

Взяв колоду, он вновь принялся перетасовывать мятые засаленные карты.

— Сыграешь партию? — обратился он к Мантису.

Несмотря на то, что этот синеглазый темно-волосый юноша, стройный и гибкий, словно девица, появился здесь совсем недавно, едва ли раньше атланта Кулла, вызывавшего такое недоверие у своих товарищей по отряду, Мантис, напротив, почти сразу сделался всеобщим любимцем. Вот и сейчас солнечной улыбкой одарив заглубивших, презирающих все и вся наемников, он присел на край шаткого табурета.

— Ну, почему бы и не сыграть... Если только одну партию...

* * *

Расставшись с приятелями, Мантис двинулся дальше. Он недоумевал, почему те так ополчились на Кулла. Лично он от атланта не видел ничего, кроме добра. За месяц, пропедший с их знакомства, Кулл помогал односельчанам Ман-

тиса отстоять от разбойников их деревушку на краю болота, хотя, в конечном итоге, даже сила могучего атланта не спасла их, и грабители захватили жалкое селение. Мантис был вынужден спасаться бегством, но это мало огорчило его. Ему нечего было вспомнить об этом месте: родители бросили его очень давно, не оставив в памяти ничего, кроме горечи, и среди жителей деревни у него не было ни родных, ни друзей.

Подобно Куллу, с юности он был бродягой и, несмотря на молодость и всю внешнюю улыбчивую безмятежность, в душе его таилась горечь. Вместе с Куллом какое-то время они продолжали путь вместе, пока не расстались в нескольких днях пути от зиккурата.

Мантис прибыл туда первым, но вскоре и атлант, который изначально намеревался направиться в иные края, неожиданно последовал за ним, объяснив, что состояние опустевшего кошелька не позволяет предпринимать долгое путешествие прежде, чем удастся немного подзаработать. Их дружба, зародившаяся в скитаниях по болотам, укрепилась здесь, в бесконечных сражениях, и Мантис едва ли не впервые в жизни почувствовал, что по-настоящему привязался к кому-то.

Кулл, много старше и опытнее его самого, стал для юноши не только другом, но и наставником, и примером для подражания. Возможно, в чем-то Мантис взирал на него как на отца, которого был лишен с младенчества.

Разумеется, он умело скрывал свои чувства.

Это было одним из необходимых условий для выживания.

И, разумеется, атлант еще лучше него был искушен в этой науке.

Кулл ненадолго опередил Мантиса. Он дождался у выхода из храма вместе с еще несколькими наемниками, потому что снаружи разведчики донесли о том, что на стенах пирамиды появились какие-то фигуры. Уже довольно давно жрецы в синих балахонах не пытались творить колдовства снаружи, но такая возможность всегда существовала. Путь от главного входа в зиккурат к первому каменному укреплению на равнине был всегда полным опасностей и его проделывали в постоянном ожидании, что в спину может устремиться пущенный руками жрецов колдовской снаряд.

Наконец, стражи у входа решили, что можно рискнуть. Куллу, Мантису и другим пяти наемникам подвели оседланных лошадей, и небольшой отряд выбрался на равнину. Дождавшись сигнала от воинов, прятавшихся в траншеях, прокопанных чуть дальше в степи, они подхлестнули коней и галопом устремились вперед. Лишь достигнув первой каменной стены, они перевели лошадей на шаг.

— Никогда ничего не происходит, — заметил Мантис Куллу, — но всякий раз, когда мы скачем туда или оттуда, мне кажется, что непременно что-нибудь произойдет.

— Не темь себя излишними надеждами, — заметил на это атлант. — Эти псы-колдуны свер-

ху постоянно наблюдают за нами. Они вполне могли бы поразить нас своей магией, будь у них такое желание. Мы знаем это, и они знают это. Полагаю, Мантис, десять лет не прошли для них даром.

— Да, трудно даже себе вообразить. Трудно вообразить, что заставляет их так упорно сражаться год за годом.

Мантис был много моложе атланта, и это отчасти извиняло его наивность. Поначалу Кулла втайне это раздражало, и вообще ему досаждало общество неопытного щенка, каким он поначалу считал юношу. Он сомневался, что в серьезном бою сможет тому доверять. Однако, позже, он убедился, что маска невинности и улыбчивой беззаботности служила Мантису, чтобы скрывать за ней куда более сложную и глубокую натуру. Внутри юнец был полон горечи и склонен к перепадам настроения. Похоже, этому парню довелось в жизни испытать куда больше, чем доводится многим из людей. Однако, на первый взгляд, он производил впечатление самого обычного юнца, скитальца, случайно понахватавшегося кое-какой книжкой премудрости.

Впрочем, Кулл сознавал, что и сам он отнюдь не так прост, каким может показаться стороннему наблюдателю, и что-то в его собственной натуре было сродни Мантису: вот почему эти двое столь непохожих друг на друга людей так неожиданно крепко сдружились, к вящему изумлению всех окружающих.

На вопрос юнши атлант отозвался:

— Так ты спрашиваешь, почему они продолжают эту войну?

— Да.

— Страх... Месть... Жажда якобы существующего золота. Но и это не все, Мантис. Скорее всего, главное — это привычка. Просто привычка. Они уже забыли, как можно жить по-другому. С того самого дня, как упала звезда.

Они скакали чуть поодаль от трех воинов, сопровождавших их в деревню. Кулл подумал, что будет лучше, если разговоры двух чужаков не услышат селяне.

— Это я понимаю, — проворчал Мантис. — Но нет... Должно быть что-то еще. Им нужна эта звезда?

Кулл пожал плечами.

— Каждому нужно что-то свое. Так всегда бывает на войне. Все начинается с какой-то причины, благородной или не слишком, но очень скоро все поглощает трясина личных обид, алчности и мстительности.

— Как странно, что именно ты говоришь об этом, ведь ты наемник.

— Но даже когда я продаю свой меч, я всегда отдаю себе отчет в том, что происходит на самом деле. Даже когда меня увлекают обещаниями благородной цели, я стараюсь увидеть, что лежит за этим. Обычно все благородные цели — это лишь ложь и обман. На самом деле за ними таится все та же алчность и страсть к смертоубийству...

День клонился к вечеру, солнце опускалось к

невысоким холмам далеко на западе. Отмахнувшись от мух и мошкар, Кулл усмехнулся:

— Я слишком много болтал. Я устал и голоден, поэтому все видится мне в мрачном свете.

Но Мантис глубоко задумался. Он так притих, что даже атлант обратил на это внимание. Сейчас, покосившись на своего спутника, он не увидел на его лице и тени привычной веселой беззаботности; словно мрачное облако окутало его фигуру. Теперь Мантис показал свое подлинное лицо, человека, внимательно наблюдавшего за жизнью и таившего множество тяжелых секретов.

— Они что-то странное сотворили с этой землей, не так ли?

Кулл подумал, что этот вопрос он задает не потому, что сомневается в своих словах, а просто размышляя вслух.

— Ты полагаешь, Мантис?

Тот повернулся в седле, обернулся за спину на высившийся там зиккурат, окинул взором всю степь с рассеянными тут и там каменными укреплениями, взглянул затем на троих воинов, что скакали чуть поодаль, мирно переговариваясь между собой.

— Они что-то сделали с этой землей. Почти незаметное колдовство.

— Ты говоришь о храмовых жрецах? — удивился Кулл. — Что ты имеешь в виду?

Мантис покачал головой.

— Не знаю. Нечто... Может быть, это подействовало на саму землю или на людей...

Дальше они поехали в молчании и, наконец, достигли широкого моста, возведенного несколько лет назад. Сейчас, летом, уровень воды в реке был довольно низким, и на опорах моста виднелась широкая корка засохшей грязи, где гнездились небольшие птицы и роились насекомые. То ли лягушка, то ли рыба плюхнулась в воду, когда копыта лошадей застучали по деревянному настилу.

Посреди моста они увидели деревню, расстилавшуюся перед ними, — ее по-прежнему называли деревней, хотя теперь это был настоящий город с крепкими домами из дерева и камня. Вечерний ветерок донес аромат жареного мяса от походных костров и у воинов заурчало в животе.

— Валка! — простонал Кулл, выпрямляясь в седле. — Как же я мечтаю о том, чтобы поесть и отдохнуть!

Они подъехали к селению и вскоре ворота распахнулись, чтобы впустить наемников. Едва лишь Кулл с Мантисом въехали во двор конюшни, как к ним поспешил один из воинов.

— Теринас желает говорить с вами.

— А нельзя ли сперва выкупаться и перекусить?

— По-моему, с тобой, атлант, он желал увидеться немедленно. Я получил приказ привести тебя к нему сразу по возвращении.

Со вздохом Кулл спешился, разминая ноги.

— Увидимся позже, — бросил он Мантису и последовал за солдатом.

— Да, позже, — повторил Мантис, глядя в темнеющие небеса.

* * *

Теринас у себя дома сидел за столом. С ним было еще несколько молодых воинов и старейшина Актор, единственный, кроме самого Теринаса, выживший глава селения с той давнишней поры. Теринас знаком пригласил Кулла сесть напротив него. На столе стояла миска с жарким и кувшин молодого вина.

— Угощайся, атлант, — предложил Теринас.

Кулл кивнул и опустился на скамью, довольный тем, что здесь обходятся без лишних церемоний.

Десять лет непрерывающихся военных действий, напряжения и руководства все увеличивающимся войском превратили Теринаса из всыльчивого и недалекого сельского старосты в уравновешенного закаленного старого вояку. Длинные белые волосы, которые он ни разу не стриг со дня падения Звезды, он заплетал в косу и завязывал кожаной лентой на затылке. Бороду и усы старейшина стриг коротко; глубокие морщины вокруг глаз и у рта говорили скорее о перенесенных тяготах и лишениях, нежели о преклонном возрасте. Выражение его лица, манера себя держать, — все выдавало в нем прирожденного вождя...

И все же Теринас был человеком, который мог прожить тихую незаметную жизнь, если бы

стечение обстоятельств не выдвинуло его на первый план. Это же стечение обстоятельств навсегда избавило его от горячности и порывов молодости.

Пока атлант с удовольствием поедал жаркое, запивая его вином, Теринас внимательно и сурово изучал его. Он дождался, пока Кулл осушит до дна кружку с вином прежде, чем заговорить.

— Я надолго не задержу тебя, — заверил он атланта глубоким звучным голосом, в котором сквозила усталость. — Я знаю, как тяжело тебе пришлось, и что сейчас больше всего ты нуждаешься в том, чтобы принять ванну и как следует выспаться. Однако, я немало слышал о тебе, Кулл, со дня твоего появления среди нас, и подумал, что мне и моим командующим было бы полезно узнать твое мнение о ведущихся здесь военных действиях и об этой осаде.

— Что же ты узнал обо мне? — недоверчиво поинтересовался Кулл, хотя слава атланта бежала далеко впереди него, он отнюдь не стремился к ней и зачастую предпочел бы оставаться незамеченным. Увы, это редко ему удавалось.

— Все утверждают, что ты необычайно искусен во владении топором и мечом... А также что ты был наемником во многих армиях и участвовал во множестве битв.

— Это правда, — неохотно признал атлант. — Однако, здесь, среди вас, я пробыл совсем недолго, и едва ли смогу сказать тебе что-то такое, чего ты не знал бы сам. — Кулл, не таясь, встретился взглядом с Теринасом.

— И все же я постараюсь дать тебе совет, если это будет в моих силах.

— Какой тебе видится наша осада? — поинтересовался Теринас. — Мы не требуем немедленного ответа. Возможно, завтра или послезавтра тебе придет какая-нибудь свежая мысль, которой ты пожелаешь с нами поделиться. Тогда не стесняйся, заходи сюда в любой час, мы всегда будем рады тебе.

Кулл откинулся спиной к стене. Подкрепившись, он почувствовал, как силы возвращаются к нему, и даже сонливость понемногу отступает. Утерев губы тыльной стороной ладони, он спросил Теринаса:

— И все-таки что так беспокоит тебя?

— Вот уже десять лет, как мы осаждаем пирамиду, — отозвался тот. — Уже после первого года мне стало ясно, что колдуны в храме, хотя и вынуждены отступать, но готовы защищаться до последнего. Тем не менее, они не собираются предпринимать никаких ответных действий, словно дожидаясь, пока мы окончательно истощим свои силы. Осознав это, я разработал тактику, при которой мои люди могли продвигаться вперед с наименьшими потерями. Более того, время от времени я нанимал собственных колдунов и предсказателей, в надежде, что они помогут мне там, где окажутся бессильны клинки. Именно от них я узнал, что жреца, стоящего над всеми прочими в цитадели, именуют Тха-Бнаром и называют верховным магистром ордена Алого Солнца. Ты немало путешествовал по свету, Кулл, и сра-

жался с колдунами. Не доводилось ли тебе прежде слышать об этом человеке?

— Это верно, с колдунами биться мне доводилось... Но никогда я ничего не слышал ни о каком Тха-Бнаре...

— Наемные колдуны мало чем смогли мне помочь. Я знаю имя жреца, но больше ничего. Если он могущественный маг, то, полагаю, он хорошо защищает свою обитель. Вот почему так долго длится наша осада... Но и, разумеется, наемные колдуны много говорили мне об упавшей звезде.

— Так, значит, все эти легенды правдивы?

— Это не легенды. Я сам и еще несколько человек в этой комнате своими глазами видели, как звезда врезалась в гору десять лет назад. Мои напятые маги заявили, что, вероятно, эта звезда была посланием от темных богов, которым поклонялся Тха-Бнар и его орден. На то, чтобы раскрыть все ее тайны, должно уйти немало времени... Если Тха-Бнар вообще на это способен. Вполне возможно, что напротив, звезда сама поработила Тха-Бнара, и теперь сеет вокруг себя зло. Не знаю. Однако, я верю своим колдунам, когда они утверждают, что это послание черных богов или демонов. За десять лет, что длится осада, я видел, как меняется земля: поля умирают, гибнут животные, воины становятся слабее, а их жены страдают всевозможными недугами. Хуже того, все больше детей рождается мертвыми, больными или увечными. Я обнаружил также, что вода в источниках и ручьях близ

храма отравлена; люди, которые пьют ее слишком часто, слабеют и умирают ужасной смертью. Я видел это своими глазами. Тха-Бнар повинен в этом или небесная звезда — сие мне неизвестно, однако я знаю точно, что мы не выдержим еще десяти лет осады.

— Так ты хочешь поскорее закончить войну?

— Да, и чем быстрее, тем лучше. Мы с нашими командующими испробовали все возможные приемы и стратегии, о которых только могли помыслить. Теперь мы спрашиваем совета у опытных наемников. В поисках пути скорейшего окончания этой войны.

Кулл понимал, чего ждет от него старейшина. У него тут же возникло не меньше дюжины различных предположений, однако все их он отверг столь же быстро, ибо, наверняка, Теринас уже испробовал все это.

— Мне нужно время, чтобы как следует поразмыслить, — промолвил атлант.

— Ну, разумеется. Я знаю, что ты наделен живым умом и обладаешь огромным опытом, ибо сражался во многих войнах. Если ты сможешь придумать хоть что-то новое или это будет какая-то разновидность нашей прежней тактики, — дай мне об этом знать. Я хочу прекратить осаду. Я хочу своими руками отсечь голову Тха-Бнару, надеть ее на свой клинок и вышвырнуть проклятую звезду с нашей земли.

— Твое желание справедливо, — кивнул Кулл, сочувственно глядя на Теринаса. Он поднялся на ноги. — А теперь, надеюсь, ты простишь меня.

Теринас потянулся вперед и протянул руку в перчатке. Воины обменялись крепким рукопожатием.

— Отдыхай как следует, — сказал атланту Теринас. — И приходи ко мне завтра же, если придумаешь хоть что-то нам в помощь. Даже самую нелепую идею мы готовы будем обсудить.

— Разумеется. — С этими словами Кулл попрощался с собравшимися и вышел из дома.

Когда дверь за атлантом закрылась, Теринас обвел взглядом своих приспешников. Не глядя ни на кого в особенности, он проронил:

— Он опытный воин. Он не бросается словами и не пытается судить о том, чего не знает. Ничего не принимает как данность и старается получить те сведения, что ему необходимы для принятия решения... Этот человек непременно поможет нам!

Старейшина потянулся, утомленный тревогой и бесконечной работой, а затем потянулся налить себе вина. После этого он пододвинул к себе лист пергамента, где был начертан план храма, — то немногое, что было им доподлинно известно и большая часть догадок и предположений, — и принялся изучать карту, как делал это уже на протяжении многих недель, месяцев и лет, пытаясь перехитрить защитников зиккурата.

* * *

Солнце опустилось за горизонт, улицы и здания деревни освещали масляные светильники и

горящие факелы. Слышались голоса мужчин, занятых работой, матерей, бранящих детишек, доносился лай собак из темных проулков. Кулл, сказав себе, что подумает над просьбой Теринаса не раньше, чем как следует выпиться и отдохнет, решительно направился к своей хижине, где размещался вместе с дюжиной других наемников.

Как атлант и ожидал, в доме было полно народу: все собрались посреди главного помещения за столом, играя в кости и попивая вино, а заметив вошедшего, многие дружески кивнули ему, но никто не обратил на атланта особого внимания.

Мантис лежал на своей постели и при виде приятеля, не поднимаясь, спросил:

— Чего от тебя хотел Теринас?

Атлант пожал плечами, расстегнул перевязь, скинул легкую кольчугу и сложил все это на лежанку ближе к стене.

— Просто хотел поболтать немного. Он обсуждает стратегию военных действий со своими помощниками и пожелал услышать мое мнение. Но мне пока нечего ему сказать. Я здесь слишком недавно.

— Десять лет — долгий срок, — пробормотал Мантис, разглядывая потолок.

— Верно, — рассеянно согласился Кулл, мысленно возвращаясь на десять лет назад, когда он был еще наивным юнцом, не столь давно вынужденным бежать с родных островов...

Больше всего сейчас ему хотелось бы выку-

паться, но усталость была слишком велика; принять ванну можно будет и утром.

Обернувшись, Мантис уставился на атланта.

— Ну и?

— Что? — переспросил Кулл. Он извлек меч из ножен и внимательно принялся рассматривать лезвие. Поутру нужно будет смазать его маслом и отполировать...

— Он ведь хочет закончить войну, верно? Здесь вся земля попорчена колдовством.

Кулл сдвинул брови.

— Да, ты прав...

— Возможно, есть способ помочь ему, — заговорщицким тоном прошептал Мантис. Впрочем, никто вокруг и не прислушивался к их разговору: наемники были слишком заняты болтовней и игрой в кости.

— О чем ты ведешь речь, Мантис?

— Колдовство. Нужно сражаться с магией при помощи другой магии.

— Он уже нанимал колдунов. Но они ему ничем не помогли. Защитники храма слишком уж сильны.

Мантис отвернулся.

Кулл с лязгом вдвинул меч в ножны.

— Похоже, у тебя есть какой-то план?

Мантис не отзывался.

— Мантис?

Юноша уселся на койке, скинул ноги на пол и покосился на приятеля.

— Ничего конкретного. Просто... подумал кое о чем.

— Будь ты неладен, Мантис, скажи, наконец, к чему ты клонишь.

Но тот лишь покачал головой.

— Да нет, ничего, все это глупости. — Он лукаво улыбнулся атланту, вновь примеряя на себя маску наивного беззаботного мальчугана, который толком сам не понимает, что творится вокруг него. Затем он поднялся с места. — Надо мне-пойти подышать воздухом. Увидимся поутиру...

Кулл слишком устал, чтобы спорить, — да и какое ему дело до того, что задумал этот юнец. Мрачным взглядом он проводил того, а затем подошел к наемникам, сидевшим за столом.

— Кружку вина напоследок перед сном? — предложил ему один из игроков.

Хотя Куллу не слишком-то хотелось пить, но он все же присел ненадолго с ними и разделил вино и пару грубоватых солдатских шуток.

Все было как обычно, и эта комната ничем не отличалась от сотен других шатров и барачков, где доводилось ночевать атланту перед бесчисленными сражениями.

Такие же наемники окружали его и тогда, и сейчас. Слышались все те же шуточки, так же лилась кровь, и никто не знал, увидится ли завтра вечером с приятелями и все ли вернутся живыми из битвы.

И все же в этот раз что-то было по-другому. Что-то было очень и очень неладно. Больше всего Кулл желал бы выяснить, что именно... И одновременно страшился это узнать.

* * *

— Не убивайте его, — предупредил Тха-Бнар жрецов, когда вопли раненого воина стали слышаться слишком уж громко. — Его смерть нам ни к чему. Если мы от него ничего не узнаем, то его нужно будет отпустить.

— Хорошо, господин. Но, по-моему, он уже достиг своего предела выносливости. Еще немного — и ему конец!

Пленный одиорукий воин содрогнулся и застонал, выгибаясь на колесе. При беспощадном свете факелов было видно, как кровь сочится у него изо рта, а слезы обильно орошают поросшие щетиной щеки.

Тха-Бнар подошел ближе, тронув костлявой рукой спутанные влажные волосы пленника. Несколько мгновений он стоял неподвижно, затем закрыл глаза, и волна дрожи прошла по всему его телу. Наконец, он с брезгливой гримасой убрал руку.

— Я не чувствую ничего. Ничего! Это просто мелкая сошка. Ему нечего нам сказать.

— Так вы желаете, чтобы мы отпустили его, господин?

— Да, снимите его с колеса, затем дайте напиться отвара из листьев чота. Это ненадолго придаст ему сил. Я хочу, чтобы он сумел на своих ногах вернуться к своим.

— Вернуться?

— Да. Мы отошлем его в лагерь к осаждающим. Проживет он недолго и ничего не сможет

им рассказать. Однако, помочь его раскаленным клеймом. Это внушит страх тем ублюдкам внизу.

— Слушаюсь, магистр Тха-Бнар.

Жрец ослабил путы, связывающие воина, и вместе с помощником перенес его на деревянную лежанку. Тха-Бнар тем временем покинул пыточные покои и стал подниматься по темной лестнице, озаренной отблесками рыжевато-го пламени факелов.

Глава 2

Клинки против Зла

Рассвет на равнине был теплым и туманным. Один за другим гасили факелы и светильники в селении Теринаса, окатывали водой и затапывали ночные костры. Солдаты, отстоявшие на крепостных стенах ночную стражу, вернулись в свои бараки или разошлись по домам, чтобы на скорую руку позавтракать и отправиться ко сну. Другие заняли их место, поднимаясь по лестницам на дозорные посты, откуда открывался превосходный обзор на скопище каменных домишек и небольших крепостей на равнине... А также на пугающую пирамиду зиккурата на склоне горы.

Храм-пирамида сейчас выглядел несколько иначе, чем десять лет назад. Там, где прежде верхние уровни не соприкасались с горным склоном, теперь они были привязаны к нему густой сетью стен и укреплений. Никто не видел, как

появилась эта странная конструкция восемь лет назад, во время недели гроз, столь сильных, что пришлось даже на время приостановить осаду. Когда же штурм возобновился и воины Теринаса прорвались на нижние уровни загадочной постройки, то оказалось, что верхние ее ярусы пронизаны туннелями, ведущими прямо в недра горы. Однако атакующих защитники зиккурата изгнали прочь со столь беспощадной яростью, неся при этом ужасающие потери, но продемонстрировав столь пугающее колдовство, что с тех пор больше никогда осаждающие не предпринимали попыток захватить эти странные укрепления. Несколько нападений на эти верхние стены все же было предпринято с течением лет, но это были лишь случайные вылазки, обернувшиеся полным крахом. Судя по ярости защитников верхних уровней зиккурата, Теринас догадался, что звезду держат где-то в храме, венчавшем пирамиду, — в точности как и утверждал один из нанятых им магов.

В Теринаскаде городская площадь стала местом сборищ для всех, как жителей деревень, так и наемников, которые нуждались в хорошей компании, чтобы провести время за болтовней и узнать свежие новости. Площадь была странной формы, ведь десять лет назад на ее месте находилась всего лишь тропинка, ведущая за пределы деревни к жилищу Теринаса. Но теперь здесь образовался центр города. Тут находились каменные скамьи и источники питьевой воды. Здесь же были и выложенные камнями ямы с

вечно тлеющими углями, защищенные навесами от снега и дождя. На памяти селян огонь здесь никогда не прекращал гореть.

Кулла пробудили первые звуки нарождающегося утра. Он натянул сапоги и тунику, привычным движением нацепил меч и вышел из длинного дома-барака по протоптанной тропинке к купальне, расположенной чуть поодаль от центральной площади. Купальня отнюдь не представляла собой какое-либо изысканное строение: всего лишь два небольших помещения, возведенных вокруг природного теплого источника, — одна комната для женщин и другая для мужчин. В хорошую погоду, как сегодня, купание происходило под открытым небом; когда же лето заканчивалось и наступали холода, то на крышу натягивали длинное полотно, а поверх укладывали промасленные шкуры.

Войдя внутрь, атлант прошел в мужское отделение купальни. Народу там было совсем немного ввиду раннего часа, — в большинстве своем наемники, отстоявшие ночной дозор да пара стариков, местных жителей, привычных вставать ни свет ни заря. Поприветствовав их всех, Кулла стянул с себя тунику и с наслаждением погрузился в теплую воду источника. Он как следует отскреб тело песком, затем окунулся с головой. Служитель купальни выдал ему глиняный горшочек с маслом, чтобы завершить купание. Запах у масла был слегка кисловатый, но очищало оно на славу; к тому же никаких иных средств у этих селян все равно не было. Наконец, Кулла

ещё раз окунулся в воду, чтобы смыть с себя остатки масла, вытерся насухо и вновь натянул тунику. Когда он вышел из купальни, солнце поднялось уже высоко и, судя по шуму, доносившемуся с центральной площади, город окончательно пробудился.

Вернувшись в барак, атлант натянул на себя кольчугу, причесал и заплел в воинскую косу свои длинные волосы. Мантис по-прежнему спал, и атлант не стал будить его; также снали и все прочие обитатели барака. Лишь один наемник сидел за столом, лениво ковыряя ложкой в миске с кашей.

— Он поздно вернулся ночью? — спросил Кулл, кивая на мирно спящего Мантиса.

Он и сам не мог понять, что побуждает его так покровительственно относиться к этому юнцу. Обычно мало кто вызывал у одиночки, каким всегда считал себя суровый сын Атлантиды, желание покровительствовать и заботиться о себе. Но все же Мантису, как видно, удалось затронуть какую-то струнку в суровом сердце островитянина.

— Да уж почти под утро, — отозвался наемник с кривой ухмылкой. — Я вроде слышал, как он вошел после трех ударов гонга.

Кулл кивнул. И впрямь поздновато. Чем же занимался Мантис всю ночь, и где он мог так вымотаться?

— Я уже таких видел и прежде, — пробормотал пожилой наемник.

В этих словах Куллу почудился какой-то уп-

рек или скрытая насмешка, и он тут же нахмурился.

— О чем ты ведешь речь?

Тот продолжал ковыряться в миске с кашей.

— Глупые мальчишки, слишком много думают. Надеются, что найдут ответы на все вопросы и спасут мир.

— Это ты про Мантиса? Думаешь, он был занят именно этим?

Наемник ухмыльнулся.

— Да, или якшался с местными девицами.

Кулл усмехнулся, ощущая неожиданную досаду, которую, впрочем, постарался не показать. Подойдя ближе, он склонился над миской и понюхал кашу.

— Что они сюда кладут? — поинтересовался он.

— В кашу-то? Один Хотат ведает. На вкус — супчая мерзость.

Атлант поджал губы.

— Нет, все-таки, должно быть, дело не в каше.

— Ты о чем это? — солдат перестал есть и застыл, не донеся ложку до рта.

— Да я видал и прежде таких, как ты, вечно недовольных и осуждающих всех вокруг, — пояснил ему атлант. — Но я думал, это им в еду подсыпают что-то особенное. Выходит, ошибался...

Озадаченный, наемник уставился на атланта. Кулл с ухмылкой похлопал его по плечу и двинулся наружу.

На площади был установлен длинный стол для общего завтрака. Встав в очередь, Кулл получил миску и ложку. Прямо перед ним оказался пожилой воин с коротко подстриженной седеющей бородой. Когда он узнал атланта, то пожелал ему доброго утра и поинтересовался, как движется сражение в зиккурате: было ясно, что Кулл только что вернулся со своей смены.

— Прирезал пару ублюдков, — сказал ему атлант. — А в остальном все по-прежнему.

— Ничего, похоже, с места не движется. Да?

— Да, судя по всему, так и есть. А как у тебя дела, Соран?

Кулл был знаком с этим пожилым наемником с того самого дня, как прибыл сюда, и между ними мигом завязалось некое подобие дружбы, еще более окрепшей с течением времени. Соран немало повидал на своем веку; подобно самому Куллу и многим другим, здесь он был обычным наемником. На многие вещи они смотрели одинаково. Соран сражался во множестве битв. Он любил рассказывать о них ночами у дозорного костра, — о войнах, в которых сражался, о тех людях, рядом с которыми служил. У них даже наплось немало общих знакомых, и они подолгу вспоминали те места, куда забрасывала их судьба.

Однако, Соран был не просто воином. Если бы судьба сложилась иначе, его жизнь могла бы быть совсем другой. У него были манеры благородного человека, возможно, даже поэта или философа. Хотя он запросто мог сразиться на меч

и одержать победу над худшими сорвиголовами в этом войске, но куда приятнее ему было сидеть и болтать у костра, рассказывая бесконечные истории или размышляя над тайнами жизни и смерти. Однако, в открытую с Сораном мало кто сходил. Он не скрывал, что предпочитает мужчин, а в этих краях это мало у кого вызвало добрые чувства. Кулл с первого же дня сумел дать Сорану понять, что никакое подобное сближение между ними невозможно, но Соран и не делал ни малейших поползновений, довольствуясь ролью друга и никогда не навязывая своего общества. К тому же, как он сам со смехом заявил атланту, он предпочитал мужчин помоложе и со светлыми волосами...

Пожилый воин наполнил миску кашей, взял кружку травяного настоя и отошел к скамье на краю площади. Кулл также получил свой завтрак и последовал за ним.

— Что-то ты нынче притихший, Соран, — заметил атлант.

Наемник не поднял головы, изучая что-то у себя под ногами.

— Я в печали сегодня.

— С чего же это?

И в тот же миг, когда Кулл задал этот вопрос, он словно заранее понял, каким будет ответ и пожалел, что спросил.

— Спорос, — просто промолвил наемник. — Его убили два дня назад.

Спорос... Возлюбленный Сорана, крепкий добродушный паренек и отличный воин...

— Сочувствую тебе, Соран.
Тот покачал головой.

— Я слишком часто был свидетелем того, как боги поражают смертью моих любимых и близких, чтобы тосковать о нем слишком долго. Ты считаешь, я бездушный человек, Кулл?

— Нет, ты просто трезво смотришь на вещи.

— Я лишь ощущаю усталость из-за того, что смерть никак не берет меня самого, — доверительно промолвил наемник, глотая ароматный травяной настой. — Разумеется, я не хочу умирать, если это принесет печаль кому-то из тех, кого я люблю, но и сам ненавижу печалиться, когда умирают те, кто мне так дорог... Они умирают, умирают и продолжают умирать. Неужто я проклят, атлант?

— Нет, Соран, нет. Ты просто живешь, как жили и твои друзья. Просто они ушли раньше тебя.

— Наверняка все не так просто, — пробормотал воин, не отрывая взгляда от миски.

Атлант хлопнул его по плечу.

— Сейчас мы с тобой сидим здесь, набиваем животы, чтобы вскоре поскакать через равнину и вновь принять бой на стороне этих безумцев... Впрочем, не буду так жесток к ним, ведь они все же нас кормят... Но, в общем, буду помогать им сражаться с колдунами ради того, чтобы завладеть упавшей с неба звездой! Вот и все, Соран. Что здесь тебе кажется слишком сложным?

Воин медленно поднял голову и на лице его появилась печальная улыбка.

— Твои слова просты, но несут утешение. Воистину, в тебе я ощущаю мудрость, несвойственную обычным людям. Тебя ждет великая судьба, Кулл. Хотя, будь ты чуть моложе и светловолос...

— О, нет, только не это! — захохотал атлант.

— Неужели теперь с тобой я не смогу чувствовать себя в безопасности?

Вдоволь нахохотавшись, мужчины принялись за еду.

Мимо них по площади проходили наемники, женщины, дети, домашний скот. В стороне мелькнул Теринас в сопровождении своей свиты и о чем-то перемолвился со стражниками у стены, а затем удалился вновь. Завидев его, Кулл вспомнил о своем обещании придумать какой-нибудь способ, как одолеть защитников зиккурата.

Он уже хотел было заговорить об этом с Сораном, как вдруг странная фигура появилась на площади. Это был юноша лет всего лишь шестнадцати или семнадцати. У него не было меча, но на поясе висели пустые ножны; также не было у него ни кинжала, ни иного оружия. Он шел сутулившись, от него несло запахом давно не мытого тела. Жирные волосы свисали длинными сосульками, изо рта текла струйка слюны. Время от времени он принимался взмахивать руками, когда вдруг оступался на пути. Приблизившись к столам, где был накрыт завтрак, чтобы поесть холодной каши, он уронил две деревянные миски прежде, чем смог, наконец, ухватить третью.

Женщина, заведовавшая кухней, была преис-

полнена ласки и сочувствия и положила юнцу щедрую порцию каши. Тот, однако, не взял в придачу ни травяной настойки, ни даже ложки для еды и двинулся прочь, неуверенно подпрыгивающей походкой к стоявшей поодаль скамье, где уселся и принялся по-звериному лакать прямо из миски. Большая часть каши расплескивалась по сторонам. Кое-что он собирал пальцами и тоже заталкивал в рот.

— Глядеть больно, — с печалью в голосе промолвил Соран.

— Ты об Урине? — переспросил Кулл.

— А ты его знаешь?

— Только по имени. И что он стал таким, как сейчас, после раны, полученной в бою.

— Да, его ударили по голове, — пояснил Соран. — То ли дубинкой, то ли каким-то колдовским оружием. Он повредился в уме, но все же не погиб.

— Может, смерть была бы для него и лучшим выходом, — промолвил атлант.

— Этого мы не знаем наверняка. Возможно, сами боги ниспослали ему такое испытание.

— И все равно смерть была бы предпочтительнее, — возразил Кулл. — Куда лучше погибнуть, чем жить вот так, получеловеком, полуживотным.

— Нет, нет, не следует так говорить, — возразил Соран. — Наверняка во всем этом должен быть какой-то смысл.

Кулл покачал головой.

— Вероятно, именно это меня и восхищает в

тебе, Соран. По крайней мере, это одна из причин.

Пожилой наемник вопросительно уставился на своего более юного собеседника, пытаясь дознаться до скрытого смысла его слов.

— Тебе пришлось испытать куда больше всяческих бед и потерь, чем мне, Соран, — пояснил атлант. — И все же это не ожесточило тебя. Ты по-прежнему веришь, что в мире есть некий смысл и порядок. Не так ли?

— О, да, я в это верю, Кулл, потому что верю, что виной всему ограниченность наших крохотных жизней. Мы видим лишь мельчайшую толику того, что следовало бы увидеть. Мы способны испытывать, изучать и познавать лишь досадную малую часть великого Целого, и все же в большинстве своем люди убеждены, что знают все на свете.

— Возможно, так оно и есть. Возможно, они и впрямь знают то, что следует знать, — предположил Кулл.

— Нет, ты не прав. Мы способны лишь воспринимать то, что случается лично с нами и судить о вещах, с которыми сталкиваемся напрямую. Ты когда-нибудь наблюдал за лягушками, атлант? Если положить лягушку на землю и хлопнуть рядом по земле рукой, то лягушка подпрыгнет. Это от удивления. И если ты стукнешь по земле второй раз, и третий, и четвертый, всякий раз лягушка будет удивляться в точности так же, как и в самый первый. У нее не появляется никакого опыта, она не может

представить, что удары способны следовать один за другим.

— Стало быть, люди должны накапливать опыт? Ожидать нового удара?

— Возможно, так. А, возможно, и нет. Что, если ты будешь ожидать удара, а услышишь вместо этого музыку? Если ты ждешь удара, то и музыку воспримешь всего лишь как новый удар. И чья в том вина? Если ты вырос в окружении врагов, то будешь всех вокруг воспринимать как своих противников. Если ты использовал нож лишь для убийств, то как научить тебя резать им хлеб... или вырезать прекрасные произведения искусства из дерева?

— Но люди все же не лягушки.

— Совершенно верно, совершенно верно, — заверил собеседника Соран. — Но в таком случае зачем же заранее готовить себя к чему-то, что может никогда не произойти. Зачем гадать и строить предположения? Зачем пытаться заглянуть за доступный нам горизонт?

— Все это очень любопытно, — отозвался Кулл, которого на самом деле этот слишком уж ученый разговор начал порядком утомлять. — Но я не вижу в твоих словах особого смысла. Какое отношение все это имеет к Уриму? Я что, должен гадать, не является ли он чем-то иным, нежели выглядит? Какое отношение это имеет к тебе, ко мне или к осаде, которую Теринас ведет против логова колдунов Алого Солнца?

— Так значит, для тебя, атлант, все на свете должно иметь практическую ценность?

— А почему бы и нет?

— Ну, разумеется, тебе это известно не хуже, чем мне. Наш разум практичен. Даже наши мечты и грезы бывают обоснованы... Они должны быть таковыми, должны корениться в земле, иначе мы просто не станем удерживать их. Эти мечтания ведут нас к великим целям и свершениям. А ты, я так понимаю, спрашиваешь, какое отношение мои доводы имеют к реальной жизни? К тому, с чем мы столкнулись здесь? Тогда послушай меня внимательно. Все, к чему стремится Теринас, это предвидеть, предусмотреть и, возможно, предотвратить новый удар. В этих краях повсюду в самом воздухе ощущается затаенный страх. А разве ты и сам, атлант, не чувствуешь, что совсем рядом с нами гигантская рука, которая вот-вот ударит о землю?

Рассуждения Сорана прервало какое-то столпотворение на крепостных стенах. Солдаты размахивали руками и оживленно перекинулись. Несколько человек поспешно спустились по лестнице и бросились через площадь по направлению к жилищу Теринаса. Люди на площади: наемники, женщины и дети, — вмиг прекратили все разговоры, отставили миски и кружки, не сводя взглядов с дозорных на стенах. Некоторые из них жестикулировали что-то пытались объяснить находящимся внизу.

Кулл поднялся с места.

— Наемники приближаются, — произнес он вслух.

Соран также поднялся, исподволь наблюдая

за атлантом, который, вмиг забыв их недавний разговор, позабросил всякую философию и досужие рассуждения ради непосредственных нужд этого мгновения и устремился разузнать, что происходит.

Со временем Кулл вспомнит слова Сорана и будет долго размышлять над ними, крутить их в голове, пытаться проникнуть в скрытый смысл. Но сейчас... сейчас он был еще слишком молод.

— Кто они такие? — спросил атлант у солдата, стоявшего у подножия стены.

— Северяне, — отозвался тот. — Пока мы больше ничего не можем сказать. Они будут здесь через час.

— И много их?

— Я бы сказал, вполне достаточно, чтобы на славу укрепить наше войско, если только Теринас согласится их принять.

— Лето уже на исходе, — напомнил наемнику Кулл. — Им понадобится крыша над головой и еда на зиму.

— Верно, верно. И к тому же они могут оказаться такими глупцами, что попытаются напасть на нас... Не сейчас, но зайдя с другой стороны. Тогда нам придется отражать их атаки, одновременно поддерживая осаду.

Почему-то эта мысль заставила Кулла воспрянуть духом, — он и сам не мог понять, почему мысль об убийстве, о сражениях и пролитой крови внезапно вызвала в нем такое почти звериное возбуждение. Сражаться... Сеять смерть... Он вовремя заставил себя успокоиться, вспом-

нил о безумной настойчивости Теринаса и ему показалось, что он вот-вот поймет нечто очень важное, имеющее отношение ко всему происходящему здесь, в этой обезумевшей степи...

— Наемники? — поинтересовался Соран, который пересек площадь и подошел ближе к ним.

Кулл вздрогнул от неожиданности, но все же ответил:

— Да, будут здесь через час.

Соран прервал его размышления, и мимолетное ощущение ускользнуло. Рано или поздно атлант также вернется к этому, как и к словам, высказанным самим Сораном, но это случится не сейчас. Не сейчас...

Теперь же им оставалось лишь в напряжении ждать появления отряда наемников у ворот поселения.

* * *

Вождя наемников звали Остором. Это был смуглый гигант с темно-русыми волосами в тяжелой кольчуге, с таким количеством кинжалов и прочего вооружения, что этого хватило бы на трех бойцов; лицо его было изуродовано шрамами прошлых сражений.

Теринас, давно знакомый с этим наемником, вмиг приказал открыть ворота и впустил внутрь Остора с дюжиной его приспешников. Затем Теринас с Остором удалились в дом, дабы обсудить условия их возможного соглашения относительно найма всего отряда, а спутники Остора

рассыпались по площади, привлекая к себе внимание всех собравшихся там.

Большинство среди них, как заметил Кулл, составляли пикты, и это вмиг насторожило его. Обычно эти островитяне, испокон веков враждовавшие с атлантами, никогда не забирались так далеко от родных мест. Впрочем, он тут же припомнил, что, кажется, слышал об этом отряде, который порой именовали Диким Отрядом. Кулла никогда не доводилось воевать с ними вместе или даже иметь их в противниках, но он был наслышан о звериной жестокости, с которой сражались эти дикари.

Сейчас, пока Теринас вел переговоры с вождем наемников, прочие пикты расхаживали повсюду с таким видом, словно они были истинными хозяевами этого города. Тут и там они вскорости принялись задираť хорошеньких женщин, сопровождая слова и похабные шутки грубыми жестами. Поначалу они еще опасались солдат на площади, но заметив, что жители селения не осмеливаются им противостоять, стали вести себя еще более дерзко, осыпая всех вокруг ругательствами, как делают всегда дикари, не привычные к иному обществу, кроме своего собственного, дабы самоутвердиться и почувствовать себя увереннее.

Стоя поодаль, Кулл молча наблюдал за происходящим, за тем, как пикты пытаются внушить страх всем вокруг. Столкновение было неминуемым, — как только эти ублюдки опознают в нем атланта... А Кулл был слишком замет-

ным представителем своего племени, чтобы это могло остаться незамеченным. Он мог бы уйти прочь, но сейчас вся душа его жаждала жаркой схватки, алкала кровопролития, и ему совсем не хотелось бежать с поля боя еще до начала сражения.

Ощутив на себе подозрительный взгляд одного из пиктов, Кулл горделиво расправил плечи, готовясь к неизбежному.

Дикарь тем временем толкнул локтем в бок своего спутника, слишком уж занятого тем, что пытался прижать к ограде колодца хорошенькую селянку, которая испуганно пыталась отбиваться от этого натиска. Пикты взволнованно принялись переговариваться, то и дело косясь в сторону Кулла. По счастью, девушка воспользовалась этим, чтобы ускользнуть. Дикари, тем временем, развязной походкой направились в сторону атланта.

— Нет, ты взгляни, не обманывают ли меня глаза? — обратился к своему спутнику тот, что помоложе, с лицом, обильно украшенным татуировкой.

Оба пикта остановились в пяти шагах от Кулла, меряя его изучающе-презрительными взглядами. Атлант стоял не шевелясь, положив ладонь на рукоять меча и готовый в любой миг принять бой.

— Да, парень, ты не ошибся. Это и впрямь грязный вонючий атлант, — поддержал своего приятеля второй пикт с густой черной бородой. Это было удивительно, ведь обычно у его сопле-

менников борода либо не росла вовсе, либо они сбрасывали жалкую растительность на подбородке, гордясь гладкостью своей кожи. Должно быть, этот воин был изуродован в сражении и отрастил бороду, чтобы скрыть старые шрамы...

— Верно, верно! — захохотал татуированный. — Грязный дикарь атлант, это ты верно подметил, Ржавое Копье! Как его занесло так далеко от дома? — Он обратился напрямую к Кулле. — Небось, от страха сбежал, да, атлант? Понял, что скоро мы захватим ваши жалкие острова?

Кулл по-прежнему хранил молчание, меряя противников взглядом ледяных серых глаз. Ему было любопытно, как далеко те намерены зайти, и как долго еще будут разогревать себя, сыпля оскорблениями и насмешками, прежде чем решатся перейти к делу.

— Ну что, трусливый дикарь! — принялся подначивать его чернобородый. — Раз уж ты такой трус, так и быть, мы отпустим тебя, беги дальше, беги быстрее, пока мы не передумали. Только отдай нам свой меч. Не годится дикарю носить такой славный клинок!

Он потянулся к поясу, на котором у Кулла висел меч в простых потертых ножнах. Атлант мгновенно ощерился.

— Убери руки, пиктский ублюдок. Мой клинок не про тебя. Если ты и увидишь его, то в тот миг, когда он отведаст твоей крови. Только боюсь, что после этого ты уже не увидишь вообще ничего.

— Ба! — захохотал глумливо татуированный

— Наш дикарь умеет говорить! Ты посмотри, Ржавое Копье, чему выучились эти варвары, они теперь уже болтают совсем как люди!

Кулл заставил себя успокоиться. Едва ли Теринас будет благодарен одному из своих наемников, если тот затеет свару с приезжим отрядом. Как бы все ни обернулось у них, но стычка обозлит наемников Остора и может нарушить планы военачальника. Как бы Кулл ни отнесся лично к Теринасу и осаде, которую тот ведет, но куда Теринас платил ему деньги, следовало поддерживать в войске порядок.

— Вы заявили сюда, — размеренным голосом произнес он, обращаясь к пиктам, — и ведете сюда так, словно купили весь город. Но это неправда. Вы всего лишь болтаете здесь без дела и ждете, пока ваш хозяин не вернется и пинками не загонит вас обратно в седла. Так что помните, что здесь вы просто гости. Вы гости, а не свиньи. Так что не мните, будто у вас есть право вести себя подобно свиньям, как вы привыкли на своих паршивых островах.

— Заткнись! — завопил бородач. — Заткнись, или я...

— Нет, вы определенно свиньи. Впрочем, от пиктов вряд ли кто и ждет чего-то иного.

— Заткнись! — поддержал своего приятеля татуированный, угрожающе хватаясь за меч.

Но Кулл по-прежнему стоял неподвижно, скрестив руки на груди, и лишь в глазах его появился недобрый блеск.

— Только посмей обнажить клинок, — ров-

ным тоном произнес он, — и твоему приятелю долго придется отскребать твои кишки с земли.

— Таких оскорблений я не потеряю ни от кого, и уж тем паче от какого-то грязного дикаря атланта. Возьми оружие и сражайся!

— Подумай, у тебя еще время уйти прочь, — предупредил его Кулл. — Еще не поздно.

— А я сказал, мы будем драться!

Вся площадь притихла, и люди устремили взоры на двоих поединщиков. Бородач отступил, предоставляя право действовать первым своему татуированному приятелю... Похоже, он был больше горазд на угрозы и оскорбления, но отнюдь не жаждал сразиться с этим рослым мускулистым атлантом. Похоже, он был слишком наслышан о воинских способностях этого племени. Кулл внезапно вспомнил, что у обитателей одного из островов атлантического архипелага есть обычай вырезать кресты, дабы пометить взятых в плен врагов, которых затем по какой-то причине пришлось отпустить. Вот, должно быть, что за унижительные метки скрывает пикт под густой бородой...

И все же атлант не шевелился.

— Ну же, давай, обнажи свой клинок, — подначивал его татуированный. — Я хочу видеть, какое оружие скоро станет моим. Надеюсь, этот меч достоин того, чтобы получить, наконец, хорошего хозяина! Защищайся или я проткну тебя как рыбу на вертеле!

Переходя от слов к делу, пикт начал извлекать оружие из ножен, — и в тот же миг другой

клинок, взметнувшись, словно стальная змея, устремился к нему, остановившись на волоске от паха и замер там в неподвижности.

Кулл по-прежнему невозмутимо наблюдал за происходящим. Озадаченный, татуированный пикт обернулся и уперся взглядом в жесткое, словно высеченное из гранита, лицо Сорана.

— Прекрати эти штучки, дикарь, — велел ему Соран. — Если не хочешь свести счеты с жизнью. В отличие от меня, атлант щадить тебя не станет. Не доводи дело до того, чтобы он обнажил клинок.

— Соран! — прорычал пикт; пот струйками стекал у него по щекам. — Ах ты, старый извращенец! Еще жив? И похоже, нашел себе нового любовничка?

— Ты слышал, что я сказал? Заткнись и убирайся прочь, пока еще жив...

Татуированный широко ухмыльнулся.

— Нет, правда, я не ожидал увидеть тебя в живых, старый ублюдок. У нас на островах таких, как ты, сажают голой задницей на муравейник... — Выпрямившись, он убрал руку с клинка. — Да, твои вкусы еще больше изменились к худшему с тех пор, как мы встречались в последний раз. Раньше ты хотя бы предпочитал мужчин, но теперь, судя по всему, имеешь дело лишь с животными, — он кивнул на атланта.

— Довольно, Боевой Топор. Я могу убить тебя прямо сейчас или отойду в сторону и позволю Куллу самому завершить это дело. В любом случае, ты проиграл. Твои штучки зашли слишком

далеко, и пора тебе заткнуться и попридержаться язык, пока не вернется Остор. Ты понял меня?

Боевой Топор, которому отнюдь не по душе было признавать свое поражение, не произнес ни слова.

— Вижу, ты правильно понял меня, — промолвил Соран. Очень медленно он отвел свой клинок в сторону.

Миновало несколько томительных мгновений.

Сейчас Боевому Топору очень хотелось отпрыгнуть назад, обнажить меч и прирезать сперва этого старика, а затем и ненавистного атланта, — но он сдержался. Роковое мгновение миновало. Все внезапно обернулось в другую сторону и теперь уже стало ясно, что драка так и не состоится, ибо по дорожке на площадь возвращались Теринас с Остором.

Они также видели, что произошло в их отсутствие, но не сказали об этом ни слова. Подобные вещи нередко происходили между будущими врагами, а порой и между будущими друзьями. По выражениям их лиц Кулл сделал вывод, что переговоры не принесли успеха. Либо Теринас не смог достаточно заплатить Остору, либо то, что Остор мог предложить Теринасу, не удовлетворило деревенского старейшину. В любом случае то, как быстро они вернулись из жилища Теринаса, служило доказательством бесплодности их переговоров.

Остор запрыгнул в седло и велел своим спутникам последовать его примеру. Никаких особых прощаний между двумя командующими не

было: Остор просто отдал приказ своим людям и вместе с ними выехал за ворота. Через пару минут облако пыли поднялось вслед скачущим галопом лошадям, и войско наемников стремительно поскакало прочь и скрылось за горизонтом.

Теринас вместе со своими советниками вернулся в дом. Кулл безучастно посмотрел на землю, на то самое место, где сейчас, если бы события пошли чуть по-другому, мог бы лежать труп Боевого Топора. Невозмутимо, но с ноткой печали, он бросил Сорану:

— Да, вот поэтому я и восхищаюсь тобой...

Затем он улыбнулся и направился к своему бараку.

Но в то же время Кулл понимал, что необходимо срочно что-то предпринять: в воздухе росло напряжение и ощущение безумия становилось все более сильным...

* * *

Мантис уже проспался, но по-прежнему валялся на своей лежанке, закинув руки за голову и пялясь в потолок. Атлант устроился рядом на своей койке, задумчиво прикусив губу, а затем обратился к приятелю:

— Друг мой, если это правда, и тебе известен какой-то способ поскорее завершить это сражение, чтобы я мог двинуться дальше своей дорогой, я был бы признателен, если бы посвятил меня в свои планы.

К его вящему удивлению, Мантис вдруг произнес:

— Ладно, я готов это сделать.

Перекатившись на бок, Кулл приподнялся на локте.

— Что?

— Я готов помочь.

— Ты готов помочь? Хотел бы я знать, о чем ты ведешь речь...

— Я размышлял над этим всю прошлую ночь, — каким-то замогильным голосом произнес Мантис. — Я это сделаю. Мы закончим осаду.

— Мантис...

Юноша уселся на койке и принялся патыгивать сапоги. Затем взглянул Куллу прямо в глаза и промолвил:

— Дай мне сперва искупаться и перекусить, договорились? Затем вместе мы пойдем к Теринасу.

И не дав атланту возможности больше задать никаких вопросов, этот странный юноша поднялся и вышел из барака наружу.

* * *

Но пока Мантис завтракал в укромном уголке, где порой любил прятаться от назойливой толпы, заполнявшей центральные улицы и площадь, на крепостных стенах возникла новая суета. Лошадь появилась вдалеке... Нет, целых три всадника. Нет, два всадника, поддерживавшие третьего с обеих сторон.

— Известите Теринаса! — закричал стражник. — Там случилось что-то скверное.

Военачальник тут же прибыл вместе со свитой, в тот самый миг, когда отворились ворота, чтобы принять всадников. И солдаты, и обитатели селения собрались там, глядя на происходящее с болью и яростью и ругаясь вполголоса; но всадники лишь молча и без лишних эмоций сняли с седла своего товарища и уложили на землю.

— Принесите вина! — крикнул один из них зевакам.

Мальчишки-конюхи увели прочь лошадей, чтобы выходить, а затем напоить и вычистить их. Тем временем один из всадников опустился на корточки рядом с несчастным раненым, тряпичей вытирая мокрое от пота лицо. Другой же подошел к Теринасу, отдал ему честь и промолвил в ответ на незадачный вопрос:

— Он толком ничего не смог нам сказать, господин. Он был ранен во время боя и его бросили, сочтя мертвым. Он только бормочет что-то странное. Насколько мы смогли уловить, его пытали Тха-Бнар и прочие колдуны.

В жестком взгляде Теринаса появилась лишь тень, намекавшая на ярость, владевшую им внутри.

— Есть ли хоть какой-то шанс, что он выживет?

— Никакого.

Теринас подошел к раненому, подождав, пока одна из женщин передаст раненому флягу с вином. Раненый закашлялся, когда жидкость по-

текла ему в горло, но все же питье слегка оживило его. Он даже попытался сесть, но ему это не удалось. От усилия на лице и теле открылись свежие раны, заметные сквозь прорехи в одежде, и из них начала сочиться кровь. Раненый неловко повалился набок и выпрямиться ему помог один из всадников.

Мангис оказался здесь же поблизости, молча наблюдая за происходящим. Завидев его, Кулл подошел ближе.

Склонившись над несчастным воином, Теринас заботливо спросил его:

— Это Тха-Бнар сделал с тобой такое, парень?

— Да, господин, они... Они пытали меня. Но я ничего не сказал.

— Отдыхай. Мы отнесем тебя внутрь, и женщины выйдут тебя.

— Мой господин, я им ничего не сказал. Но звезда... пожирает нашу боль и страх... Тха-Бнар владеет звездой, но и та в свою очередь владеет им. Он безумен, он...

— Отдыхай. Успокойся. Женщины тебе помогут.

Несчастный раненый в изнеможении рухнул наземь, и кровь оросила землю. Поднявшись на ноги, Теринас приказал солдатам соорудить носилки и перенести этого человека в его собственный дом, где тот сможет отдохнуть и набраться сил. Но едва лишь наемники принялись связывать между собою щиты, чтобы сделать носилки, как раненый содрогнулся в последний раз, широко раскрыл глаза и рот, словно в ужасе перед

неким зрелищем, явившимся ему одному, а потом глаза его закатились, и он обмяк, упав замертво.

В толпе женщины принялись плакать и затопились развести детей по домам.

Теринас долго стоял над трупом, молча глядя на него. Затем он обернулся к Актору. Воины не обменялись ни единым словом, но в глазах их вспыхнул гнев. Бок о бок они двинулись в дом Теринаса.

— Колдуны не делали ничего подобного уже очень, очень давно, — со страхом произнес один из всадников, указывая на странный знак, выжженный на лбу у мертвеца.

Кулл обернулся, ощутив за спиной чье-то присутствие. Это оказался Соран.

— Это правда, — прошептал тот. — Какое-то время назад колдуны нередко возвращали нам искалеченные трупы, помечая их меткой Алого Солнца, словно чтобы дать предупреждение. Порой они сбрасывали их со стен, а один раз отправили подобно стае птиц по воздуху, и тела рухнули прямо посреди равнины. Это было ужасно...

Кулл сглотнул. Его терзали дурные предчувствия.

— А теперь, похоже, все началось по новой, — негромко произнес он. — Одно дело — погибнуть в бою, даже ради безумной цели, но эти бессмысленные пытки...

Солдаты тем временем поднимали безжизненное тело однорукого воина. Многие из них не скры-

вали своего страха и ярости. Похоже, для многих горячих голов увиденное оказалось последней каплей, переполнившей чашу терпения. Один из селян вскинул руки, призывая толпу прислушаться к его словам. Понемногу все прочие воины собрались вокруг него.

— Как долго станем мы мириться с этой мерзостью? — завопил мужчина. — Взгляните... Взгляните на вашего погибшего собрата! А сколько еще человек умрет в этот день? А сколько подвергнутся пыткам этих бездушных безумцев? Давайте же покончим с этим раз и навсегда! Давайте сделаем наше войско таким сильным, что оно будет неподвластно никакому колдовству, и устремимся на штурм пирамиды в единой, всесокрушающей атаке!

Тут же поднялся хор восторженных голосов. Оратор продолжал разглагольствовать, призывая всех к кровопролитию, и все больше народу собиралось вокруг него. Развернувшись, Кулл, Мантис и Соран двинулись прочь.

Кулл обратился к Мантису:

— Если у тебя есть какой-то план, хоть что-нибудь... то лучше бы нам поговорить об этом с Теринасом прямо сейчас.

— Верно, — кивнул тот. — Ты совершенно прав.

Он двинулся дальше, погруженный в свои мысли, а Кулл ненадолго задержался рядом с Сораном.

— Я расскажу тебе, как только узнаю что-то новое, — пообещал приятелю атлант. — Но нель-

зя же позволить этим безумцам совершить самоубийство, пойдя на приступ.

— Разумеется, нет, — поддержал его Соран. — Желаю вам с Мантисом удачи.

Кулл похлопал наемника по плечу, а затем поторопился через площадь, чтобы догнать Мантиса и вместе с ним явиться в жилище Теринаса.

Глава 3

Темные корни

Старейшина Теринас сидел в своем полутемном жилище вместе с Актором и еще несколькими своими приспешниками. Все они расположились за столом, попивая вино и разглядывая начертанную на пергаменте карту. Здесь же стояли миски с остывшей едой, на которую никто не обращал внимания.

Один из воинов Теринаса поигрывал ножом, — он сидел в кресле и раз за разом ронял кинжал острием вниз, так, чтобы тот вонзался в деревянную боковину. Кулл прекрасно понимал, что за чувства владеют сейчас этим человеком.

Завидев вновь вошедших, Теринас выпрямился в кресле и подался им навстречу. Наемники, сопровождавшие Кулла с Мантисом, поклонились и вышли наружу.

— Слушаю тебя, — обратился к атланту Теринас. — Прошу вас, садитесь оба.

Кулл так и сделал, и Мантис опустился рядом на лавку, тут же потянувшись, чтобы налить себе вина. Он, похоже, нервничал, и все вокруг замечали это. Куллу такое поведение не пришло по душе: совсем иначе следует вести себя, когда пришел к командующему войском излагать свой план битвы.

— Вчера мы говорили с тобой о возможных военных стратегиях... — напомнил атлант Теринасу.

— Да, верно, — торопливо закивал тот.

— У моего друга Мантиса появился какой-то план. По крайней мере, так он мне сам сказал.

Теринас недоуменно покосился на юношу.

— У тебя и правда есть какой-то план, Мантис?

Молодой человек уставился в кубок, полный вина.

— Это не столько план, — поправил он, — сколько просто некая... возможность. — Он, наконец, заставил себя оторваться от созерцания бокала и встретился взглядом со старейшиной. — Я не могу обещать тебе успех; но даже для того, чтобы просто начать действовать, вынужден просить тебя о помощи. Речь идет... о многих вещах разом, Теринас. И если я прав в своих предположениях, то я решу все твои затруднения... А возможно, и свои собственные.

Теринас нахмурился.

— Твои речи мне не ясны, — заявил он Мантису. — Прошу тебя, скажи напрямик, что ты задумал.

Юпоша выпрямился в кресле, покосился на Кулла, затем обвел взглядом всех остальных присутствующих и уперся руками в столешницу.

— Мне кажется, я знаю, как отыскать оружие, способное уничтожить Тха-Бнара и его приспешников.

Теринас постарался сдержать овладевшее им возбуждение.

— Расскажи мне об этом подробнее. Я пошлю целый отряд на поиски этого оружия.

— Увы, но я и сам толком не знаю, где искать. Вот почему мне поначалу не хотелось делиться с тобой своими планами.

— Если есть хоть малейший шанс на успех, то это стоит затраченных усилий, — заверил Теринас Мантиса.

— Ты и впрямь уверен в этом? — переспросил тот, глядя в упор на старейшину. Похоже, в этом простом вопросе таилось куда больше скрытого смысла, чем можно было предположить, и речь шла не об обычных военных действиях против врага.

Теринас потянулся за вином и предложил Мантису наполнить его кубок. Тот согласился.

— Поведай мне все, что можешь, о своей тайне, — попросил старейшина. — Я хочу знать, чем рискую.

— Лично ты не рискуешь почти ничем, — возразил Мантис. — Разве что на время потеряешь двоих воинов... Точнее, троих: Кулла, меня самого и еще одного человека. Мы должны уехать отсюда, и я постараюсь обнаружить это...

тайное оружие. Когда же мы отыщем его, то я вернусь, и ты получишь силу, способную уничтожить зиккурат.

— Ты вновь говоришь загадками, Мантис, — перебил его атлант. — Почему бы тебе не высказаться напрямую...

— Прошу тебя, — взмолился Мантис. — Сейчас я вынужден просить о том, чтобы вы уважали мое молчание.

Кулл и Теринас неохотно согласились на это.

— Поверьте, я не играю с вами в игры, — с горячностью заверил их юноша. — Хотя я еще очень молод, но я много странствовал и скитался по свету и многое узнал во время этих путешествий. В моем прошлом имеются тайны, на которые я желал бы отыскать ответ, и когда я сделаю это, то сумею помочь и вам также.

— Похоже, речь идет не только о сражении на мечах, — напряженным тоном предположил Теринас.

— О, да, военачальник, мечи тут вовсе ни при чем.

— Колдовство...

— К несчастью, да.

Теринас нахмурился.

— Я уже нанимал колдунов. Они ничем мне не помогли. Никакая магия не способна одолеть Тха-Бнара и его приспешников.

— А вот здесь ты ошибаешься, уверяю тебя. Но сейчас я не могу рассказать тебе всего, что знаю. Согласен ли ты с этим, Теринас? Послушай меня, ты и впрямь нанимал магов, но это

были лишь шпарлатаны, слабаки, гадатели... Нечто в этом роде. Они засыпали тебя лживыми обещаниями, чтобы выманить побольше денег. Но я говорю не о каких-то жалких чарах и видениях, я говорю о подлинной магии, той же самой, что использует против тебя Тха-Бнар... Это магия истинной мощи, и если я добьюсь успеха, то уничтожу жрецов.

— Тогда все наше войско поддержит тебя, — пообещал Теринас, — если только ты сможешь убедить меня в правоте своих слов.

— Войско мне ни к чему, Теринас. Я желаю только, чтобы со мной отправился атлант Кулл и еще один человек. То есть, разумеется, если Кулл пожелает поехать со мной и сопутствовать мне в поисках?

— Разумеется, ты можешь на меня рассчитывать, — заверил друга атлант.

— Тогда выбери третьего, кто поедет с вами, — предложил Теринас. — Возьми самого лучшего, самого крепкого воина, одного из моих телохранителей...

— Увы, но их сила будет мне бесполезна, — возразил Мантис, — хотя, разумеется, я отнюдь не ставлю под сомнение их боевые качества. Вместо этого, Теринас, я желал бы взять с собой этого недоумка Урима.

Теринас поднял брови.

— Да ты шутишь?!

— Нет, я не шучу. Твои воины непревзойденные мастера меча, но меч мне не понадобится там, куда я пойду, а Урим принесет куда больше

пользы. Он был ранен и кажется безумным, но на самом деле он сохранил разум... И когда он использует его, то порой видит странные вещи. И хотя он говорит редко и бессвязно, но порой в его словах таится глубинный смысл. Вот почему я нуждаюсь в его помощи.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Кулл, обращаясь к Мантису, — что Урим, получив рану в голову, каким-то образом изменился и теперь способен понимать то, что недоступно чувствам большинства людей?

— О, да, ты совершенно прав. Я говорил с ним... Кое-что смог разобрать из его бормотания.

Кулл припомнил их разговор с Сораном, состоявшийся совсем недавно.

«Наверняка во всем этом есть какой-то смысл.»

— Прости меня за прямоту, — обратился к Мантису Теринас, — но чем больше я слышу о твоём замысле, тем меньше и меньше я ему доверяю...

— В любом случае ты ничем не рискуешь, — усмехнулся Мантис. — Просто отпусти сегодня нас троих: меня, Кулла и Урима. У тебя останется еще много сотен воинов, ты даже не заметишь нашего отсутствия. А когда мы вернемся...

— И когда же это случится?

— Возможно, через неделю или через месяц, но наверняка не больше месяца.

— Тогда ступайте, — заявил Теринас. — Иди и делай что задумал, а тем временем я буду продолжать осаду и вести войну против колдунов.

Кулл обратился к нему:

— А кстати, я видел, что на площади твои люди были сильно огорчены видом изуродованного воина. Теперь они все собираются броситься в отчаянную атаку на зиккурат.

— Я поговорю с ними и попытаюсь успокоить людей, — пообещал Теринас. — Сейчас нам меньше всего нужно, чтобы в самоубийственном натиске погибла большая часть наших солдат.

Покинув жилище военачальника, Кулл обернулся к Мантису:

— Ты вел себя весьма странно. Надеюсь, ты хоть сам понимаешь, что ты задумал.

— Ты не обязан ехать со мной, если не хочешь, атлант, — обиделся юноша.

— Ну уж нет, — усмехнулся тот. — Должен же кто-то присматривать за тобой, юный глупец. От меня ты так просто не избавишься!

— Тогда, — негромко промолвил Мантис, — мне также остается лишь надеяться, что я понимаю, во что мы все ввязались.

* * *

Урим не желал сидеть близко к огню. Вот уже третий день они были в пути, и третий вечер подряд он располагался на ночь как можно дальше от горящего костра, разложенного Куллом и Мантисом, молча наблюдая за ними и пускавая слюни подобно голодному щенку, пока двое наемников поджаривали мясо над огнем.

Мысли его блуждали. Когда солнечный свет

гас над полями, постепенно переходившими в лесостепь, Урим склонял голову, прислушиваясь к переключке вечерних птиц так внимательно, словно способен был понять их голоса. Порой он принимался почесываться, а затем пристально изучал свои пальцы и ладони. Время от времени посасывал ногти или пытался изловить жучков, кишаших на земле или в коре деревьев.

Вечером за ужином Кулл то и дело косился на Урима. Глотнув еще вина, он спросил у Мантиса:

— Может, хоть теперь ты скажешь мне, наконец, зачем потащил с собою этого безумца?

Мантис ничего не ответил, словно пропустив слова атланта мимо ушей.

— Ладно, — тот сменил тактику. — Может, ты хотя бы скажешь мне тогда, что именно мы ищем?

— Ты говоришь так, словно в чем-то меня подозреваешь.

— Но как я могу тебе доверять, если я согласился тебе помочь, а ты даже не желаешь поделиться со мной своими тайнами?

— Я попросил Теринаса уважать мое молчание, и он...

— Но я не Теринас. Мы с тобой, Мантис, провели вместе немало времени, мы путешествовали и сражались бок о бок. Я достаточно доверяю тебе, чтобы согласиться на это безумное предприятие, и я верю, что ты не пытаешься завести меня в какую-то ловушку или что-то в этом роде. Но порою я все же гадаю, вполне ли ты соз-

наешь, что ты задумал. Подумай вот о чем: чем больше тайн ты хранишь от меня, тем медленнее будет моя реакция в тот момент, когда тебе будет нужна моя помощь. И в любом случае я хочу знать правду. Так уж я устроен. Лучше тебе привести убедительные доводы, что такая скрытность необходима. Иначе я просто не поеду с тобой дальше. Я жду объяснений с того самого мига, как мы сели в седло.

Мантис глубоко вздохнул.

— Ты совершенно прав, Кулл. Если уж я не могу доверять тебе, то кому же мне тогда вообще верить?

— Я не напрашивался на похвалу с твоей стороны, мне просто нужно знать, зачем мы здесь и что собираемся делать дальше.

— Твои стремления вполне понятны.

— Ты хоть сам знаешь, куда мы направляемся, Мантис?

— Очень смутно. Мне известно, что нам следует держать путь на запад. В двух или трех днях пути отсюда лежит болото. То, что я ищу, находится где-то там.

— Что? Что именно мы ищем?

— Не что, а кого. Моего отца.

— Твоего отца?! — Кулл нахмурился. Он выпрямился, пытаясь разглядеть выражение лица Мантиса в цвете лагерного костра. — Но ты же говорил, что твой отец погиб.

— Нет, это неправда.

— Проклятье, ты сам утверждал...

— Я просто говорил, что его больше со мной

нет. Разумеется, все это лишь словесные увертки, но я думал в ту пору, что так будет проще. Но теперь я прошу прощения за свой обман. И все же я не знал тогда, могу ли я доверять тебе... И следует ли мне вообще доверяться кому бы то ни было.

— Твой отец живет на болоте? Но почему? Он что, какой-то преступник? Что он...?

— Кулл, — Мантис обернулся к атланту. На лице его была гримаса страдания. — Мой отец — колдун.

Долгое время они не произносили ни звука, слушая, как шипит жир, падающий с жарящегося мяса на угли костра.

— Колдун? — осторожно переспросил, наконец, Кулл.

— Да. Ты и правда... хочешь узнать всю мою историю?

— Если ты желаешь мне ее поведать.

— Историю моего незаконного рождения? То, как была изнасилована моя мать? Как я рос, ощущая на себе это проклятие?

— Если ты желаешь поведать мне это, Мантис, — спокойным тоном повторил атлант. Эти простые слова, во многом объяснявшую ауру отчуждения, всегда окутывавшую Мантиса, вызвали у Кулла сочувствие. Он и сам когда-то ощущал себя изгоем, вынужденным бежать с родных островов, и теперь мог понять те чувства, что владели душой его юного спутника.

— О, да, я хотел бы рассказать обо всем. Истина сжигает меня изнутри. Я должен поделить-

ся... хоть с кем-нибудь. Возможно, тебе многое станет яснее, мой друг. Возможно, ты лучше поймешь меня самого. Ты очень мудр для обычного наемника, атлант, ты много странствовал и много знаешь.

— Возможно, в моей душе также скрывается боль, Мантис, — негромко произнес Кулл, сам поражаясь тому, каким близким другом внезапно для него сделался этот юноша... Настолько, что и сам атлант, всегда очень скрытный и замкнутый, сейчас был готов поделиться с ним самыми сокровенными своими тайнами, — тем, чего он не рассказывал никому на свете.

Однако природная осторожность и сдержанность взяла верх. Поднявшись, он принялся проверять, хорошо ли прожарилось мясо. Занимаясь этими будничными делами, он показывал своему спутнику, что предлагает на сегодня завершить тягостный для обоих разговор. Возможно, позже они еще вернутся к нему, но сейчас едва ли стоило продолжать терзать себе душу. Куда проще было найти убежище в повседневных заботах и простых радостях походной жизни.

Несколько долгих мгновений Мантис пристально наблюдал за атлантом.

— Возможно, ты и прав, — пробормотал он наконец и принялся помогать другу резать мясо.

Вокруг уже сгустилась ночь. Чуть поодаль, положив голову на камень, заснул Урим. Стало холоднее и, подбросив дров в костер, Мантис с Куллом завернулись в теплые накидки. Лишь теперь юноша нашел в себе достаточно сил, что-

бы поведать атланту свою историю. Как он стал тем... кем он стал. Историю жизни, не похожей на жизнь других людей...

* * *

— Так стало быть, ты не видел своего отца лет с четырех или с пяти?

— Верно, — негромко отозвался Мантис. Слово для того, чтобы иметь возможность взять себя в руки после рассказанной им истории, он поднялся и подбросил еще немного сучьев в умирающее пламя, посмотрел, как разрастается костер и принялся к дыму. Затем, обернувшись, Мантис взглянул на спящего безумца. Урим мирно посапывал во сне. Пока Мантис наблюдал за ним, Кулл пристально вглядывался в лицо юноши и заметил на нем странное выражение. Была ли то грусть или зависть? Недоверие или сомнение? Он не смог бы сказать наверняка. Выражение было мимолетным и вскоре исчезло, так же быстро, как меняется рисунок теней на стене, отброшенных пламенем очага. Юноша обернулся к атланту.

— Как я уже сказал, моя мать не занималась моим воспитанием, потому что ей это было не под силу. Племя усыновило меня, но несмотря на то, что люди старались относиться ко мне терпимо, для них я всегда оставался чужаком. Отец мой, который все глубже погружался в изучение колдовских наук, постепенно стал вызывать у жителей деревни страх и неприязнь, и

однажды он навсегда покинул селение. Он больше не вернулся, и тогда люди обернулись против матери и казнили ее за совершенное преступление: за то, что она влюбилась в этого странного человека. Они боялись убить ее, пока он был там, но я сбежал на следующую ночь после того, как исчез отец и стал искать его. Вот почему я бродяжничал столько лет, встречался с разными магами, колдунами, обучился владению мечом и сделался наемником. Но сколько бы я ни пытался забыть о прошлом, мне так и не удалось отделаться от него. Возможно, теперь мне удастся с какой-то пользой применить свое наследие.

— Так стало быть, тебя ведут просто... грезы? Мечты?

— Да, грезы... Ты можешь называть их так, если хочешь. Но скорее, мне кажется, что это видения... Ответ на годы поисков, которые я вел наяву и во сне. И я сын колдуна. Мой отец был не вполне человеком, хотя на вид и не отличался от остальных людей, так что я тоже наделен магическими силами, хотя и с трудом владею ими. Я никогда не могу рассчитывать на эти свои способности и все же опускаю, как они делаются все более сильными по мере того, как я становлюсь старше. Это правда, Кулл, я колдун и сын колдуна. Все, чего мне не достает, это возможности обучиться магическому искусству и применить его. Я словно мальчишка, наделенный дарованием художника, которому в руки еще не дали кисть или перо...

Кулл помолчал.

— Я верю тебе, Мантис, — промолвил он, наконец.

Эти слова показались юноше странными.

— А с какой стати ты мог бы мне не поверить? — Он присел на поваленное дерево.

— Я хочу сказать, что *верю* тебе, — поправился атлант. — Точнее, верю *в тебя*.

С теплой дружеской улыбкой Кулл протянул руку Мантису. Тот растерянно заморгал, словно пытаясь смахнуть с ресниц непрошенные слезы. Как видно, юноша, немало пострадавший за свою недолгую жизнь, не привык к такому искреннему и теплomu отношению, и сейчас доверие старшего друга тронуло его до глубины души. Несколько мгновений он разглядывал крепкую ладонь атланта, словно видел величайшее сокровище в своей жизни, а затем крепко стиснул ее обеими руками в немом благодарном рукопожатии.

Некоторое время спустя они расположились у костра, завернувшись в одеяло. Какое-то время Кулл прислушивался к звукам ночного леса, к прерывистому дыханию Мантиса, но думал он сейчас совсем о другом. Во тьме он искал глазами Урима, свернувшегося под покрывалом, словно в коконе. Какие же тайны таит в себе этот раненый безумец? У них у всех были свои секреты. Это был мир, полный тайн, мир темных болот и колдунов, мечей и странных звуков, храмов и воинов... И все они скрывали какие-то тайны.

Кулл заснул наконец, нимало не успокоенный...

* * *

— Чем-то эти болота кажутся мне знакомыми, — объявил Мантис на следующее утро, когда они вновь двинулись на запад в розоватых лучах рассветного солнца.

— Каким образом это возможно, Мантис? — поинтересовался Кулл. — Ты уже бывал здесь прежде?

— Нет, это все было в моих снах. У меня такое чувство, словно я... дома... Или вернулся в какое-то знакомое место, но где все странным образом изменилось.

Урим скакал между ними и, косясь на него, атлант вспомнил о том вопросе, который задал накануне Мантису и о чем оба они позабыли во время дальнейшего разговора: этот вопрос касался присутствия рядом с ними несчастного безумца. Сейчас Куллу не хотелось вновь говорить об этом, и он не стал ни о чем спрашивать своего спутника, но все же в душе продолжал терзаться сомнениями.

Болота, окружавшие их, были сырыми, серыми и казались почти одушевленными, столь густой была здесь влажность и теши, и висящие шупальца зелени с ветвей и искривленных корней. Повсюду так густо рос мох, что деревья словно задыхались в затхлом воздухе. Где-то поодаль слышался какой-то свист и плеск, — это вскиды-

вались какие-то испуганные зверьки, остающиеся невидимыми. Солнце проглядывало лишь изредка сквозь плотный покров облаков, бросая отблески на влажный мох или зеленую поросль на искривленных деревьях.

Копыта лошадей утопали в жидкой грязи тропинки. Кулл пытался держать свою лошадь поближе к середине дороги. Он старался постоянно держаться начеку, ибо знал, что болотам неведома пощада, и здесь достаточно одной-единственной ошибки, чтобы погибнуть без всякого шанса на спасение. Любая оплошность могла стать смертным приговором и для лошади, и для всадника. Трясина никогда не выпускала своих жертв.

Несмотря на несомненную разницу в опыте и возрасте, Кулл с удивлением для себя самого обнаружил, что послушно следует по пятам за Мантисом, словно признавая его главенство в этом походе. Тот вел в поводу лошадь Урима, и атлант следовал за ними. Это озадачивало и раздражало его. Однако, внутреннее чутье редко обманывало атланта, и если сейчас он был готов смириться с тем, чтобы лидерство взял на себя другой человек, — ну что ж, значит, так тому и быть.

И вновь мыслями Кулл вернулся к Уриму и его непонятному присутствию здесь, с ними, — и в тот самый миг, когда атлант подумал о нем, безумец приподнялся в седле, с потрясенным видом озираясь по сторонам. Серебристые нити слюны свисали у него с подбородка и пятнали

одежду; в глазах Урима Кулл узрел нечто похожее на панический ужас, охватывающий животное, которое чувствует близкую опасность.

Атлант покосился на Мантиса. Тот не смотрел на безумца, какова бы ни была опасность, всполошившая Урима, Мантис ничего не подозревал об этом. Еще мгновение спустя страхи сумасшедшего полностью оправдались, — и Кулл перестал гадать, с какой стати они взяли с собой эту обузу.

Ибо Урим внезапно тоненько взвизгнул, и тогда Мантис рывком обернулся к нему, затем метнул взгляд на Кулла и, наконец, натянул поводья лошади. Атлант тотчас последовал его примеру.

— Взгляни, — Мантис ткнул куда-то вперед своим мечом. Твари падали на них прежде, чем Кулл успел толком разглядеть, что там движется среди теней, — такими ловкими они были, такими подвижными и не имели ничего общего с привычным людям миром. Это были истинные порождения проклятого болота.

Лапа с желтыми когтями нанесла молниеносный удар; конь под атлантом отчаянно заржал и загарцевал на месте, и воину пришлось с силой натянуть поводья, чтобы успокоить своего скакуна и не позволить ему сбросить всадника наземь.

Болотные твари — гули, ожившие мертвецы... кем бы они ни были, — лишь отчасти напоминали своими очертаниями людей. Из-под слоя грязи, слизи и болотной жижи проглядывала обна-

женная белая плоть. Все члены их были уродливо искривлены, и лапы заканчивались острыми когтями, а на головах красовались острые рога.

Пялясь мертвенно-белыми глазами в пустоту, они надвигались медленно, но верно, — и вот уже два монстра набросились на лошадь атланта. Третий, сыркнувший с висячих лохмотьев мха, упал прямо на Мантиса и станцил юношу наземь. Тот с отчаянными воплями принялся отбиваться и вскоре смог избавиться от нападавшего.

Лошадь атланта с испуганным ржанием попятилась, когда первая тварь ударила ее по морде когтями. Выругавшись, Кулл нагнулся вперед и ударил клинком. Меч, вспыхнув на солнце, поразил тварь прямо в шею, и грязная уродливая голова отлетела прочь. Кривые лапы вслепую забили воздух, а обезглавленное тело, попятившись, рухнуло навзничь. Направив лошадь вперед, атлант заставил ее копытами сбить монстра с дороги прямо в трясины.

Он вновь выругался, осознав, что из раны твари не вытекло ни капли крови.

Второй монстр оказался куда более осторожным, чем его незадачливый брат. Он приближался, низко пригибаясь, очень медленно, — но намерения его, несомненно, были столь же кровожадными. Вновь скакун атланта попятился и, внезапно развернувшись, пустился в галоп, когда порождение болота накинулось на него. С отчаянным воплем Кулл наклонился вбок и сыркнул с седла. Где-то поблизости, не переста-

вая, визжал Урим, которого также нападающие сбросили наземь. Теперь он лежал ничком в грязи, лишь время от времени приподнимая голову, чтобы вновь закричать, глядя, как приближается к нему болотная тварь. Он пытался отползти подальше, но лишь еще глубже зарылся в болотную жижу.

Кулл бросился к безумцу, проклиная грязь, цепляющуюся за сапоги, которая изрядно замедляла движение. Но меч был его третьей рукой, а порождения трясины не представляли собой особой угрозы, если только человеку удавалось избежать их острых когтей.

Кулл бросился вперед. Тварь развернулась, размахивая в воздухе лапами. Меч зацепил ее. Когтистая кисть, полутрубленная, повисла на запястье, скрепленная с ним лишь полоской кожи. Однако, тварь по-прежнему ползла вперед, словно и не ощущая боли, с каждым движением разбрызгивая вокруг себя грязную жижу. Кулл встретил монстра с мечом в руке и безмозглая тварь пронзила себя сама, напорвшись на острие клинка ключицей. Атлант налег посильнее, с яростью дернул клинок вверх, вкладывая в этот удар всю свою силу, затем вырвал лезвие наружу.

Тварь пошатнулась, потеряла равновесие, рухнула назад. Атлант вновь нанес удар, отсекая голову, и монстр, наконец, повалился в дурно пахнущую зеленоватую жижу, и вскоре целиком погрузился в трясину... Причем конечности его до последнего мгновения продолжали судорожно

подергиваться. Вскоре на мутной поверхности остались лишь бурые пузыри, да виднелись сквозь грязь белесые пятна тонущей плоти.

Едва отдышавшись, Кулл обернулся к Уриму и обнаружил, что тот в безопасности, и Мантис уже ухаживает за пареньком, утирая ему грязь с лица. За спиной у Урима под крепкой корявой ивой, пустившей корни глубоко в болото, лежал разрубленный на две половины болотный монстр, — причем пальцы твари все еще шевелились. Мантис тоже неплохо владел клинком.

Кровь еще стучала в висках у атланта, когда он вытер свой меч и, вложив его в ножны, обратился к приятелю:

— Как ты полагаешь, Мантис, они еще появятся?

Тот поднял голову.

— Понятия не имею.

— Тут этих тварей может быть полным-полно. Они, вероятно, таятся где-нибудь поблизости и следят за нами.

— Не сомневаюсь в этом.

— Тогда скажи, что нам...

— Да не знаю я! — в ярости закричал тот.

Кулл, выведенный из себя, рявкнул.

— Будь ты пеладен, Мантис, это ведь твое болото!

— Неправда, это не мое болото!

— Так что же ты тогда...

Внезапно атлант осекся. В задумчивости он уставился на Мантиса, читая в его глазах ярость и жажду крови, так похожие на его собственные.

Лишь сейчас Кулл осознал, откуда пришел к нему этот гнев.

— Я помню это ощущение... ненависти, — проронил он более спокойным тоном.

— Да, и я тоже.

Атлант нахмурился.

— То же самое было, когда мы сражались с этими ожившими трупами в зиккурате.

— Точно, как я сразу не догадался? Так все и было. Это не обычный бой. В воздухе всегда ощущение злобы, ненависти, и это заставляет нас чувствовать то же самое...

Атлант приблизился к Мантису с Уримом.

— Он в порядке?

— По-моему, да. Просто перепугался.

— Ну что ж, он прав, что боится.

Мантис покосился на атланта.

— Да, он прав. — Взгляд его сделался каким-то странно-задумчивым.

Кулл отвернулся, обнажил клинок, заметил на нем еще несколько пятен грязи, тщательно вытер клинок об сапог, а затем вновь бросил его в ножи.

Перепуганные лошади убежали не слишком далеко, и атланту не составило большого труда привести обратно их с Уримом скакунов. Вновь усевшись в седло, они проехали еще немного вперед, пока не оказались на поляне, которая находилась на небольшой возвышенности. Здесь болотная жижа вновь уступила место твердой сухой земле, а болотные растения-уродцы сменились обычным редколесьем. Мантис предложил

сделать привал и первым спешился, подавая пример своим спутникам. Затем, к удивлению Кулла, он принялся собирать сухие палки и сучья и вскоре набрал их достаточно для небольшого костра.

— Мантис, что ты задумал?

— Я хочу вернуться, — пояснил тот атланту. — Ты побудешь пока с Уримом?

— Ничего не понимаю. Что у тебя на уме, парень?

— Прошу тебя, последи за ним, пока я не вернусь.

— Но зачем? Куда ты собрался?

— Назад, на болота. Это ненадолго.

— И хочешь оставить меня с тремя лошадьми и этим... с Уримом?

— Говорю же... я скоро вернусь. — Затем, словно догадавшись, что может тревожить атланта, он поспешил успокоить его: — Даже если они следят за нами, то все равно не решатся напасть, потому что у нас есть мечи, и мы уже убили трех этих тварей.

— Неужто ты думаешь, что я боюсь остаться один против этих монстров? — Кулл с презрением сплюнул.

Мальчишка и впрямь воображает о себе слишком много. На болоте он убил всего одну тварь, тогда как Кулл сразил сразу двух, а теперь он ведет себя как защитник и покровитель, без которого все будут трястись от страха, как малые дети...

— Если я и беспокоился, то только за тебя,

парень. Какого демона тебя несет обратно в это болото?

— Возможно, я сумею отыскать там защиту получше, чем обычные мечи.

— Защиту?

— Хватит спорить, Кулл. Лучше последи, чтобы с Уримом ничего не случилось.

Не дожидаясь ответа, юноша развернулся и двинулся прочь, сойдя с тропы, по которой они сюда прибыли.

С недовольной гримасой Кулл подошел к Уриму. Паренек спокойно сидел на земле, а заметив приближающегося атланта, поднял на него глаза, полные боли и страха. Кулл пристально взглянул ему в лицо, чувствуя, что в этом взгляде таится что-то еще... В точности как когда Урим ощутил приближение болотных тварей, которые следили за ними и, наконец, решились напасть.

— Что там такое? — негромко спросил Кулл у безумца, глядя тому прямо в глаза.

Но сумасшедший лишь пускал слюну и то-ненько хныкал, а потом затих. Не в силах больше сдерживаться, ибо эти отвратительные места действовали ему на нервы, атлант с силой потряс безумца за плечо.

— Ну же, Урим?! Говори, в чем дело! Что ты чуешь? Да скажи же ты, наконец!..

Разумеется, никакого ответа он не получил.

Вдалеке, там, где тени смешивались с тусклым солнечным светом, что-то тяжелое плюхнулось в воду и отголоски эха разнеслись далеко в воздухе,

пропитанном ядовитыми испарениями. Однако, Мантиса не было ни видно, ни слышно. Неизвестно, с какой целью он отправился на болота, но теперь казалось, что трясина поглотила его.

* * *

Однако юноша сдержал слово, и вскоре вернулся, бережно неся что-то в ладонях, сомкнутых лодочкой.

Тем временем Кулл успел расстегнуть седельные сумки и жевал вяленое мясо вместе с какими-то ягодами, которые успел собрать поутру. Он предложил перекусить и Уриму, но недоумок словно бы и не заметил, что перед ним лежит еда, а продолжал неподвижно сидеть на краю болота, глядя на летающих повсюду стрекоз. Завидев Мантиса, приближающегося из-за деревьев, Кулл торопливо прожевал остатки мяса, вытер руки об тунику, поднялся и двинулся тому навстречу.

— Что это у тебя?

Мантис загадочно усмехнулся, по-прежнему прижимая руки к груди.

— Найди мне камень, — попросил он. — Лучше плоский... И, по возможности, тонкий.

Оглядевшись по сторонам, Кулл обнаружил требуемое и вручил камень Мантису.

— Да, это подойдет...

Присев на корточки рядом с собранными ранее сучьями, юноша выложил свою ношу на плоскую поверхность камня.

Кулл внимательно наблюдал за действиями Мантиса. Оказалось, тот принес какие-то корешки и листья, — вот и все. Они показались ему незнакомыми, но все же это были просто листья и корешки. Мантис разжег костер, затем заозирался в поисках чего-то еще. Он подобрал небольшой камушек и принялся растирать свою добычу, а затем поднял плоский камень над огнем, чтобы высушить раздавленную массу.

— Это завтрак или обед? — полюбопытствовал атлант.

Не поднимая глаз, Мантис отозвался:

— Магия.

Кулл поджал губы.

— Ну да, я так и думал...

Урим застонал. Встревожившись, атлант обернулся к нему. Паренек сидел в той же позе, что и прежде, что-то бормоча себе под нос и разглядывая болотную воду, где, должно быть, заметил лягушку или какую-нибудь змею. Сквозь спутанную листву деревьев проглянуло солнце, на миг окружив голову паренька ослепительно-белым ореолом. Оглушительно жужжали насекомые... Кулл вновь перевел взгляд на Мантиса. Тот что-то соскребал с плоского камня, и теперь рядом с ним оказалась уже небольшая горстка серовато-бурого порошка.

Действовал юноша очень быстро и уверенно, словно выполнял привычные заученные движения, и ему не раз приходилось толочь в порошок какие-то неведомые травы...

— Солнце уже высоко, — коротко заметил ат-

лант, глядя, как поемногу увеличивается горка порошка рядом с Мантисом.

Тот кивнул.

— Скоро мы тронемся в путь.

— А ты не хочешь рассказать, что за магией ты занимаешься?

Юноша покончил с последними листьями и корешками.

— Надеюсь, она нам поможет против этих болотных тварей.

Поднявшись, он размял ноги, чихнул и вытер нос двумя пальцами, а затем снял с пояса небольшой кожаный кошель и аккуратно сгреб сухой порошок внутрь. Наконец, он завязал кошель шнурком и вновь повесил его на пояс.

— Эта магия может помочь нам против болотных тварей, вот и все, — повторил он, с улыбкой глядя на Кулла.

Затем он выбросил в болото оба камня; звук, с которым они ушли под воду, встревожил Урима, который вскочил с места и направился к воинам.

— Ну что ж, кажется, все готовы трогаться в путь, — заметил Мантис.

Кулл кивнул, оборачиваясь к безумцу.

— Садись в седло, Урим.

Но парнишка туло стоял на месте, пялясь куда-то в сторону болот.

— Нет, только не это, — пробормотал себе под нос атлант, и рука его привычно легла на меч.

Мантис покосился на него, затем пристально

взглянул на Урима, — и внезапно у того за спиной глубоко в лесу заметил какую-то движущуюся белую тень.

— Еще один! Еще! — внезапно завопил Урим. Он бросился к атланту, оступился в грязи, рухнул и поднялся на четвереньки, не переставая кричать: — Еще один! Не позволяйте им больше мучить меня! Не позволяйте им больше мучить меня в большом доме! Только не в большом доме!

Атлант обнажил меч, жестом велел Уриму встать у него за спиной и держаться поближе к лошадям. Безумец, как ни странно, повиновался и, трясаясь от страха, отбежал прочь, наблюдая подобно Кулле и Мантису, за приближением нового порождения болот.

Прошло довольно много времени, прежде чем несуразная высокая, перепачканная в грязи фигура приблизилась из-за завесы колышущегося тумана. Хлюпающие шаги по грязи отмечали путь монстра.

Мантис с Куллом оглянулись по сторонам, чтобы убедиться, не ожидается ли нападения с другой стороны. Встретившись взглядом с атлантом, Мантис заметил ярость в его зоре и увидел, как рука его судорожно сжимает оружие.

Затем он посмотрел на приближающегося чужака. Как ни странно, тот протягивал вперед руки в знакомом и привычном людям жесте миролюбия.

Растянув завязки кожаного кошель, который он не столь давно прицепил к поясу, Мантис

взял в правую руку немного серого порошка, затем он сделал пару шагов вперед, бросив Куллу через плечо:

— Позволь, я с ним поговорю.

— Мантис, какого демона!..

— Нет, дай мне с ним поговорить. Доверься мне. — Он сделал еще шаг вперед навстречу болотной твари.

Кулл не спускал руки с меча. У него за спиной Урим по-прежнему бормотал:

— Не надо... не надо... Не давайте им больше мучить меня...

Глава 4

Болото погибших душ

Существо было высоким, — почти таким же высоким, как Мантис, — и явно мужского пола. Оно было уродливым, но не столь безобразным, как те твари, с которыми прежде довелось сразиться двум воителям. И оно было наделено даром речи.

— Уходите, — заявил монстр Мантису хриплым голосом, словно задыхаясь в болотном воздухе. — Уходите сейчас же. Мы не хотим, чтобы вы оставались здесь.

— У нас была причина явиться сюда, — возразил Мантис. — И мы не уйдем, пока не добьемся своей цели.

Кулл оглянулся по сторонам, желая убедиться, не пытается ли какая-то другая тварь напасть на них исподтишка сзади или сбоку. Он не сомневался, что они прячутся повсюду вокруг, за каждым кустом и корягой... Сделав пару ша-

гов вперед, атлант ощутил на себе взгляд пустых белых глаз болотной твари.

— Я хочу отыскать Илиссу, — заявил Мантис.

Монстр оскалился и замахал грязными лапами, словно пытаясь отогнать незримое зло.

— Убирайтесь, иначе мы...

— Отведи меня к ведьме Илиссе, — ровным тоном повторил Мантис. — Или я силой заставлю тебя сделать это.

— Прочь! Прочь, зло! — шипело существо, размахивая лапами. — Уходите, или мы убьем вас! Уходите, или...

Пришав это за приглашение к действию, Мантис вскинул правую руку, разжал кулак и швырнул порошок прямо в лицо твари.

Существо захлебнулось, когда облачко пыли окружило его. Мантис отступил на пару шагов, чтобы не вдохнуть порошок самому. Порождение болота заозиралось вслепую, едва не упало на колени, и тогда Мантис вновь метнулся вперед и положил правую руку на грудь существу прямо под сердцем.

— Не надо! Не надо! — закричал монстр. Он пытался вырваться и оторвать руку Мантиса... Но все его попытки оставались тщетны.

— Теперь ты принадлежишь мне, — шепотом заявил ему юноша. — Ты должен ответить на мои вопросы. Твой разум больше не в твоей власти, и Илисса больше не владеет тобой.

Внезапно тварь исторгла из себя рыдание.

— Ты заколдовал меня! — слезы катились по

его грязным щекам. — Да, да, я буду повиноваться тебе.

— Тогда отведи нас к Илиссе.

Вновь слышались рыдания и мольбы... Но смертоносное порождение болота оказалось бесильным перед странной властью порошка Мантиса. Юный колдун оглянулся на Кулла, который встал у него за спиной с обнаженным мечом в руке.

— Садись в седло, — сказал Мантис атланту. — И помоги Уриму.

Кулл молча повиновался и подвел Мантису его коня. Тот также сел в седло.

— Ты меня заколдовал, — обвиняющим голосом пыл болотный монстр. — Заколдовал...

— Веди нас, — велел Мантис. — Или я уничтожу тебя. Ты против нас бессилен.

Что-то пришепечывая и хрипя, тварь развернулась и медленно двинулась по краю болота, а затем углубилась во мрак леса. Мантис покачал головой, ибо, похоже, он отнюдь не собирался идти этим путем.

Кулл направил свою лошадь так, чтобы оказаться с Мантисом бок о бок, и вместе они медленно двинулись вперед.

— Илисса? — коротко поинтересовался он.

— Да, — кивнул юноша. — Это колдунья.

— Я так и понял.

— Приятельница моего отца.

— Вот как?

— Я только знаю, что прежде она жила на этом болоте. Если эта тварь приведет нас к ней...

Он не договорил.

— Тогда мы сможем отыскать твоего отца? — уточнил Кулл.

Мантис лишь пожал плечами, затем перевел взгляд с атланта на Урима, который следовал позади.

В этот миг Кулл ощутил странную дрожь дурных предчувствий, хотя сам толком не мог понять, почему...

* * *

Это был настоящий островок посреди болота, — довольно большой остров, покрытый деревьями и густым зеленым мхом, окруженный широкой рекой, медленно несущей свои мутные воды. Шествовавшая перед воинами зачарованная болотная тварь прошла прямо к берегу реки, затем обернулась к Мантису.

— Дальше я идти не в силах.

— Я понимаю, — отозвался юноша. — Как нам перебраться на тот берег?

— Вон там. — Монстр указал на огромный дуб, чьи мощные корни уходили в стоячую зловонную воду. — Ступайте от этого дерева прямо к такому же, что растет на острове. Можно пройти лишь этой тропой. Если оступитесь, то упадете в воду и погибнете.

Мантис спешил, не сводя взора с мощного дуба на противоположном берегу. Болотному монстру он коротко бросил:

— Спасибо тебе.

Тварь покачала головой и понятилась, скрываясь в болотных тенях.

— Вы все умрете, — пробублькала монстр на прощанье. — Илисса украдет ваше сердце и скормит его демонам или превратит вас в таких, как я...

Раздался глухой всплеск и все стихло. Урим встревоженно ерзал в седле.

— Я боюсь, — прошептал он.

Атлант покровительственно улыбнулся ему.

— Теперь тебе нечего бояться, паренек. Все худшее уже позади.

— Нет, м-м-м... — замычал тот, мотая головой и отмахиваясь от окруживших его насекомых. — Плохое впереди, плохое...

Мантис повел свою лошадь вперед. Та опасно шагнула в воду с берега. Прямо под непрозрачной поверхностью воды оказалась твердая земля. Мантис перевел своего скакуна, в качестве ориентира не сводя глаз с дуба на противоположном берегу.

Проследив за ним взглядом, Кулл подтолкнул Урима.

— Теперь твоя очередь, ступай.

— Я боюсь.

— Ступай, я тебя не брошу, Урим.

Безумец взглянул на атланта с таким неожиданным доверием, что в сердце воина невольно всколыхнулось такое давно забытое чувство как жалость и стремление защитить этого несчастного. Сострадание... Так, кажется, это называют.

Кулл сглотнул.

— Пойдем, Урим. Иначе мы скоро потеряем Мантиса в этом тумане.

Кулл направил свою лошадь вперед, и Урим последовал за ним. Очень осторожно они перебрались через воду, — казалось, их скакуны падают прямо по поверхности воды.

На другом берегу Мантис уже поднимался по глинистому склону небольшого холма и сверху окликнул Кулла:

— Здесь какая-то хижина... На поляне.

Затем он поспешил вперед. Проводив его взглядом, атлант также направил своего коня вперед, двигаясь достаточно медленно, чтобы Урим не слишком отставал.

— С тобой все в порядке, парень?

— Я... не люблю воду.

— Да, вода здесь странная, согласен. — Атлант и сам чувствовал себя довольно скверно. Казалось, под поверхностью здесь могут таиться любые кровожадные твари.

— С тобой я не боюсь, — внезапно заявил Урим атланту.

Тот усмехнулся.

— Вот и славно.

— Там... Там какой-то дом?

— Похоже на то.

Урим следовал за Куллом по пятам.

— А кто... кто там живет?

— Илисса. Помнишь?

— Колдунья, — кивнул Урим.

Выбравшись из реки, они вскарабкались по глинистому берегу. Там и впрямь посреди поля-

ны обнаружилась хижина, сложенная из дерева и камня. Вздернув подбородок, Урим словно бы стал принохиваться к чему-то в воздухе.

- Колдунья тут.
- Откуда ты знаешь? — удивился атлант.
- Она здесь...
- Похоже, ты не слишком ее боишься.

Лошадь его замотала головой и нервно заплесала на месте; Урим едва не вылетел из седла. Кулл вовремя успел перехватить поводья и успокоить скакуна. Наклонившись вперед, паренек потянулся к голове лошади и что-то принялся шептать ей на ухо. Через несколько мгновений кобыла вновь спокойно потрусила вперед.

Мантис уже спешил и стоял рядом со своим скакуном в ожидании Кулла с Уримом. У него за спиной дверь хижины приоткрылась. Атлант незаметно подал Мантису знак, чтобы предупредить его. Тот развернулся и увидел перед собой Илиссу.

Ведьма была невероятно хороша собой, что сбило юношу с толку, и она казалась совсем молодой, — едва ли старше двадцати весен. У нее были пышные золотистые волосы и сверкающие зеленые глаза. Изящное стройное тело было облечено в короткую юбку из грубой шерсти с разрезами по бокам и зашнурованный на груди кожаный жилет, едва прикрывавший грудь. На ногах у ведьмы были замшевые сапожки; никаких украшений она не носила. Мантису все это показалось удивительным. Он ожидал найти здесь уродливую старуху, омерзительную и наряжен-

ную подобно какой-то дикарке, как и подобает существу, обитающему в сердце заколдованного болота.

Кулл проникся ненавистью к Илиссе с первого взгляда, — разумеется, не из-за красоты этой женщины, и не потому что Мантис утверждал, будто она колдунья, но просто повинаясь инстинкту. Он внезапно осознал, что несмотря на кажущуюся юность эта женщина невероятно стара и таит в себе огромную силу, столь же грозную, сколь и прихотливо неуправляемую. Поблизости от Илиссы сам воздух казался насыщенным какой-то страшной энергией и, подобно тому, как атлант своим варварским чутьем ощутил это, то же самое почувствовал и Урим.

Паренек остался в седле еще несколько мгновений после того, как атлант спешил, затем медленно, словно опасаясь, что земля может внезапно разверзнуться перед ним или превратиться в кишасщее змеями поле, он сполз с седла, не сводя настороженного взора с ведьмы.

Илисса по-прежнему стояла в дверях. Мантис сделал пару шагов вперед, остановился, разглядывая ее, и, наконец, подал голос.

— Я ищу своего отца. Мое имя — Мантис.

— Ну да, разумеется. — Илисса усмехнулась. У нее был звучный низкий, чуть хрипловатый голос.

— Мой отец — колдун Одрат.

— Ну конечно же. Я знала, что ты придешь.

— Я должен отыскать его, Илисса. Мне нужна твоя помощь.

— Ну, разумеется. Вот только Одрат давно умер.

Мантис застыл на месте. Кулл заметил, что юноша даже пошатнулся от такого удара, затем он выпалил напряженным голосом:

— Умер? Нет, не может быть... Ты лжешь! Я точно знаю, что ты лжешь!

Хрустальный смех Илиссы разнесся по болоту, лёгкий и звенящий, а затем она вновь игриво улыбнулась юноше.

— Да, может, я и лгу. Может быть, Одрат жив.

Кулл хмыкнул. Похоже, эта ведьма наслаждалась, мучая своих жертв. Однако, похоже, в атланте она чуяла достойного противника и не репалась пока задира́ть его, ограничиваясь более уязвимым Мантисом.

Остановившись рядом с атлантом, Урим встревоженно засопел носом, и Кулл успокаивающе похлопал паренька по плечу, призывая к осторожности.

— Зачем ты лжешь?! — воскликнул Мантис, стискивая кулаки. В ярости, но терзаемый неуверенностью, он шагнул вперед, ощущая одновременно страх и тревогу.

Илисса тряхнула головой, ненадолго надула губки, а затем вновь улыбнулась. Ее зеленые глаза блеснули, словно она радовалась какой-то удачной шутке.

— Войдем в дом, Мантис. Твой отец жив. Я солгала... Или, возможно, я лгу тебе сейчас! Не обращай внимания на мои прихоти и пойдем во-

внутрь. — Лишь теперь она в упор взглянула на Кулла с Уримом. — Это твои друзья?

— Да, это мои хорошие друзья, ведьма. — Теперь Мантис говорил твердым, уверенным голосом. — Могу ли я довериться тебе? Ты не причинишь им зла?

И вновь послышался смех.

— О, ну входите же, входите, — воскликнула она, отменяя все опасения Мантиса. — Входите все в дом. Я знала о том, что вы появитесь здесь. Прости меня и забудь эту глупую шутку. Одрат жив, Мантис. Ты его сын, тут не может быть никаких сомнений... Эти глаза и линия подбородка...

Внутри обстановка хижины была столь же убогой, как и ожидал атлант по внешнему виду этого жилища. Здесь имелся деревянный стол, пара табуретов, свечи, расставленные здесь и там, соломенный тюфяк на полу, какая-то грубая одежда, — вот, в общем-то и все, если не считать нескольких кухонных принадлежностей над очагом на стене. Также имелось здесь несколько книг и свитков, а в углу возвышался огромный, окованный железом сундук. Это было настоящее жилище отшельника.

По крайней мере, оно выглядело таким. Кулл опустил еще при входе, как его пробирает дрожь, и сейчас ему не стало спокойнее. Он обшаривал комнату глазами, одновременно прислушиваясь к болтовне ведьмы, готовый увидеть ловушку в любом жесте или звуке.

Урим также явно чувствовал себя не на мес-

те. Но в то время, как Кулл медленно начал по кругу обходить жилище, разглядывая его в подробностях и пристально изучая столь обыденные предметы, как деревянные ложки и принадлежности для письма, паренек уселся прямо на пол рядом со столом, подтянул колени к подбородку, обнял их руками, не сводя взгляда с Мантисса и Илисса, поглощенных своей беседой.

— Твой отец — злой человек, — заявила ведьма Мантису. — Да, он еще жив, но для мира все равно что мертв. Он ни с кем не поддерживает связей. Так что, как видишь, я не вполне солгала тебе. Одрат поставил перед собой великую цель. Насколько мне известно, он пытался войти в контакт с Иномирными Сущностями. Время от времени я открывала свои зеркала и пыталась отыскать его дух. Но он так хорошо защищает себя, что я не в силах отыскать его даже с помощью своих приспособлений... Несомненно, именно этого он и желал: чтобы его оставили в покое.

— И тем не менее я обязан отыскать его.

— Наверняка ты унаследовал часть его способностей. Я в этом уверена, — промурлыкала Илисса, с улыбкой глядя на юношу. — Не так ли, Мантис?

— У меня свои причины искать его, — ответил тот, избегая взгляда ведьмы.

— Хм, да, — продолжила Илисса, словно в ответ каким-то собственным невысказанным мыслям. — Тебе бы сейчас эти способности очень пригодились, верно?

— Ты должна мне помочь найти его, — твердо заявил Мантис.

— Должна?

— Тебя можно подкупить, я это знаю. Или убедить, или заставить.

— И кто же сделает это? — поинтересовалась Илисса. Теперь в ее голосе не осталось ни следа бывшего добродушия. — Этот недоумок, которого вы привели с собой? Или этот тупой дикарь-атлант?

Если ведьма намеревалась вывести Кулла из себя, то ей этого не удалось. Тот давно научился держать себя в руках, и сейчас он лишь вперил в колдунью немигающий взгляд своих серых глаз. Та невольно поежилась и неожиданно улыбнулась атланту.

— Как тебя зовут, красавчик?

— Кулл, — просто ответил тот.

— Это интересное имя...

— Я и сам — интересный человек.

Усмешка Илисса медленно стерлась с лица.

— И я тоже. Я тоже...

Внезапный образ возник в сознании атланта: он видел, как вспыхнула сталь в его руке, как покатилась с плеч снесенная голова ведьмы... Что угодно, лишь бы покончить со всем этим притворством и издевками... Но Илисса уже отвернулась, вновь обратившись к Мантису, и Кулл растерянно сжал какую-то тряпку, оказавшуюся случайно под рукой, недоумевая, что же на него нашло.

— Ты должен поведать мне, Мантис, почему

тебе так важно отыскать отца. — Илисса указала на свой стол. — Прошу тебя, присядь. Не желаешь ли вина?

— Нет, благодарю.

— А ты, Кулл?

Атлант выпустил из рук лоскут ткани и уверенно взглянул ведьме в глаза.

— Нет.

Всё же он подошел к столу и уселся рядом с Мантисом напротив Илиссы. Урим, застывший рядом с очагом, пристально наблюдал за ними и с таким интересом прислушивался к разговору, словно понимал его смысл.

Илисса развела руками, упираясь в столешницу и несколько мгновений барабанила по ней пальцами, с интересом разглядывая свои длинные ногти, а затем взглянула Мантису в лицо.

— Так расскажи же мне, зачем ты хочешь отыскать отца.

В душе Мантис, вероятно, понимал, что, хотя и не следует полностью доверять этой женщине, но отчасти он вынужден сказать правду, — поведать ей о своих замыслах, о том, что известно ему самому. В этот миг меч казался ему очень слабым оружием, и не могла его защитить даже гордыня и чувство самодостаточности.

Вот почему он коротко поведал колдунье о битве, что идет к востоку от болота, о жителях деревни, которые вот уже десять лет воюют с колдунами, обитающими в зиккурате на склоне горы.

Он рассказал ей о Тха-Бнаре, загадочном жре-

це, который был магистром ордена Алого Солнца, и о его силе, рожденной звездой, упавшей с небес, и о том, как появление этой звезды привело к войне между селянами и колдунами, порождая ненависть, и смерть, и разорение, распространявшиеся по всей степи. Он вкратце поведал и о собственных годах бродяжничества, и о том, как случайно встретился с Куллом, и они стали друзьями и сражались бок о бок... Как ради того, чтобы подзаработать денег, они решили наняться в войско, осаждающее пирамиду... И как отчаяние воюющих передалось и им, заставив Мантиса искать какой-то способ прекратить бессмысленную бойню... Он поведал и о том, как решился, наконец, сделать то, о чем думал уже многие годы: попробовать отыскать своего отца-колдуна.

Покуда Мантис продолжал свое повествование, Кулл пристально наблюдал за Илиссой, которая ни разу не подала голос и не перебила юношу. Атлант заметил, что по мере того, как Мантис вел свой рассказ, черты лица Илиссы незаметно изменялись. Казалось, ведьма сбросила маску капризной красотки и теперь слушала Мантиса с полным вниманием и, кажется, лучше него самого понимала, о чем он ведет речь. Когда Мантис, наконец, закончил, и отзвуки его голоса затихли в комнате, Илисса промолвила тихим свистящим шепотом, в котором ощущались ногги страха и даже обреченности:

— Да, ну конечно! Разумеется, ты оказался связан с этой звездой! Почему же еще ты стал

искать своего отца, если бы не из-за этой звезды, что сводит весь мир с ума?

Кулл наклонился вперед.

— О чем ты говоришь, ведьма?

Похоже, колдунью ничуть не задел оскорбительный тон атланта, однако, обращалась она по-прежнему лишь к Мантису:

— Когда десять лет назад звезда упала на землю, то многие из нас, адепты тайных искусств, восприняли это как важный знак. С помощью магии мы пытались установить с ней контакт, понять, по какой причине она появилась здесь и какое послание несет с собой. Мы узнали, что небесный камень попал в руки Тха-Бнара. Вот почему магистр ордена и его приспешники до сих пор не смогли разделаться с простыми смертными, что осаждают их пирамиду: все это время они вели куда более суровую и яростную битву с другими... Колдунами, магами, ведьмами, что самыми разными способами пытались украсть эту загадочную силу у Тха-Бнара или вызнать секрет его звезды. Однако, и это не все. Тха-Бнар большую часть энергии небесного посланца отдал на какую-то совсем иную цель, познать которую мы оказались не в состоянии. Небесный посланец, кем бы он ни был на самом деле и с какой бы целью ни явился сюда, дал знать о себе всем нам, кто способен ощутить его присутствие... Но сейчас он понемногу похищает жизнь и разум у всех окрестных существ. С помощью своих магических способностей мы, адепты, в состоянии так-

же понять, что эта звезда творит с самим Тха-Бнаром. Прежде он был человеком ученым и наделенным немалыми талантами, хотя и вступил на темный путь. Однако, с тех пор, как он завладел этой проклятой звездой, он сделался совершенно безумен.

— Мы должны уничтожить его! — с горячностью воскликнул Мантис. — И его, и эту звезду!

— Уничтожить Тха-Бнара? — Илисса невесело хмыкнула. — Да... Разумеется, это возможно. Но вот звезду? Мы ведь даже не знаем, что это такое, и не ведаем, способны ли смертные вообще познать ее природу.

Кулл подал голос:

— А разве для того, чтобы ее уничтожить, нам нужно это знать?

Илисса распахнула глаза и уставилась на атланта с мрачной усмешкой, после чего пробормотала задумчиво:

— Ого... А я-то думала, что ты — простой громила с мечом, но без капли мозгов. У тебя точно нет магических способностей? Ты уверен в этом?

— К чему ты клонишь? — раздраженно поинтересовался Кулл.

Усмешка медленно стерлась с лица Илиссы.

— Возможно, ты все же обычный громила, — промолвила она. — Просто ткнул мечом наугад и случайно угодил в цель...

Мантис нетерпеливо вмешался:

— Я уже сказал тебе, зачем мы здесь, — напомнил он Илиссе. — Я намеренно явился, что-

бы отыскать тебя и попросить о помощи. Ты должна помочь мне найти отца.

— Возможно, я сумею сделать это, Мантис. Если пожелаю...

— Так начинай же! Прошу тебя, Илисса, поставь меня на путь истинный. Дай мне хоть какой-то намек, иначе...

Ведьма вскинула руку.

— Это возможно. Я и прежде пыталась найти твоего отца, хотя никогда не осмелилась бы потревожить его. Я отнюдь не стремлюсь свести счеты с жизнью столь страшным образом, и все же для того, чтобы отыскать его, нам понадобится могущественная магия.

— Но ведь у тебя есть могущество, — возразил Мантис. — И у меня тоже есть сила.

— Это я знаю. Но нам необходимо оружие.

Едва лишь колдунья произнесла эти слова, как в комнате наступила тишина. После недолгого молчания Мантис повторил:

— Оружие?..

— Да.

Кулл ощущал растущее напряжение. Кажется, он что-то упустил из происходящего. Затем он уловил взгляд Илиссы, метнувшийся в сторону Урима, а затем вновь остановившийся на Мантисе.

— Я... Так я и думал, — негромко проронил юноша.

Атлант вскочил на ноги.

— Эй, погодите! — прорычал он, хватаясь за меч. — Какое еще оружие вам нужно?

Илисса с Мантисом подняли на Кулла глаза, но ни один из них не произнес ни слова.

Атлант демонстративно оттолкнул в сторону табурет, подошел к Уриму и велел тому подняться. Мантис, не вставая, развернулся к ним.

— Кулл!

Не обращая на него внимания, атлант велел безумцу:

— Ступай на улицу и проведи наших лошадей. Хорошо, Урим?

Тот проворчал, глядя в глаза:

— Они голодные?

— Может быть. — Тот потрепал паренька по плечу. — Пойди и проверь. Я не уверен в том, что... наши лошади... будут здесь в безопасности. Договорились?

Безумец опустил голову, бормоча что-то себе под нос, затем заковылял к двери, открыл ее, вышел наружу и затворил дверь за собой.

В тускло освещенной комнате Кулл обернулся лицом к Илиссе с Мантисом.

— А теперь скажите мне еще раз, — проворчал он. — Какое вам нужно оружие?

Мантис, нервно потирая руки, отвел взгляд.

— Давай без глупостей, Кулл. Этот парень никому не нужен, даже сам себе. А так...

— Но он же живой человек! — рявкнул Кулл. — Если бы это ты, Мантис, оказался на его месте? Если бы тебя ударила в голову молния, хотел бы ты, чтобы твоя душа была погублена какой-то мерзкой магией?..

— С его душой ничего не случится, Кулл! —

воскликнула Илисса с вызовом и поднялась с места.

Серые глаза атланта сощурились, и он недобро усмехнулся.

— Вот как? Я видел этих несчастных уродцев на болоте... С их душами тоже ничего не случилось, да, ведьма?

Илисса побледнела.

— Это совсем другое. Ты не понимаешь заведенного порядка вещей.

— Прошу тебя, избавь меня от объяснений! Я понимаю достаточно. Мантис, ты... ты мне отвратителен. Потасил с собой этого несчастного безумца, чтобы погубить его душу...

— Да ничего с его душой не случится! — настойчиво воскликнул Мантис. Оттолкнув назад табурет, он вскочил, прижимая к бокам трясущиеся руки. — Он не пострадает! Наоборот, он обретет свободу! Он должен был погибнуть в том бою, но выжил, а теперь у меня нет иного выхода, кроме как...

— Меня от тебя тошнит!

— Даже *целое войско* не отыщет моего отца! — выкрикнул Мантис. — Но в этом нам может помочь всего одна жизнь... К тому же и без того безнадежно искалеченная... которую следует принести в жертву Великой Силе...

— Я убивал людей на поле боя, — ледяным тоном отвечивал атлант. — И мужчин, и даже женщин. И я видел, как ублюдки-наемники калечили и убивали детей и даже младенцев. И мне всегда это было отвратительно. И те, кого я

застал за этим грязным делом, жестоко поплатились за свою гнусность. Я видел немало смертей и колдовства, Мантис, и не потерплю, чтобы ты у меня на глазах спровадил этого несчастного безумного мальчишку в пасть к демонам лишь потому, что Теринас со своими солдатами не может одолеть какую-то крепость.

— Теринас не имеет к этому никакого отношения.

— Ну да, я вижу, что для тебя вообще все на свете потеряло значение, кроме собственных желаний! Ты, незаконный отпрыск проклятого бога колдуна...

С яростным воплем Мантис ударил кулаком по столу. Рука его метнулась к оружию и стиснула рукоять.

— Ну же, давай, обнажи клинок, Мантис! — выкрикнул атлант. — Вытаскивай меч, сын колдуна, и никакая магия не спасет тебя от моего клинка!

Но юноша, весь дрожа, во власти внутренней душевной борьбы, не пошевелился. Он молча смотрел в ледяные глаза атланта.

— Я... не могу, — с горечью прошептал он, наконец. — Я никогда не подниму меч против тебя, мой друг.

Кулл сурово посмотрел на него.

— Сын колдуна!

— Боги Ахерона! — выругался Мантис в отчаянии. — Разве ты не можешь взглянуть на все это с моей точки зрения, Кулл? Что, если бы у тебя была надежда, совсем маленькая, крохотная

надежда отыскать *твоего* отца, которого ты давно считал погибшим? Разве для тебя цена имела бы значение?

Кулл мрачно уставился на взволнованного юношу, и ему показалось, что у того в глазах сверкнули слезы.

Гнев внезапно оставил атланта.

— Будь ты неладен, — пробормотал он с досадой. — Будь ты неладен, сын колдуна!

Кулл взглянул на ведьму, которая молча наблюдала за ними обоими, затем, развернувшись на каблуках, распахнул дверь и вышел наружу.

Когда дверь за ним захлопнулась, Мантис вновь с силой ударил кулаком по столу, затем вцепился в столешницу с такой силой, что побелели костяшки пальцев и застыл на месте, весь дрожа и скрежеща зубами.

— Ну почему... почему со мной всегда так происходит? Почему я теряю и близких, и друзей? Неужели я и впрямь проклят и ни один человек не желает принять меня таким, какой я есть?!

Илисса с сочувствием посмотрела на него.

— У твоего друга чистая душа и горячее сердце, — промолвила она. — Но порой таким, как этот воин, трудно понять других людей, с их слабостями и постыдными тайнами...

Они вдвоем помолчали, думая каждый о своем. Волна темного отчаяния захлестнула юношу. Он едва слышал последние слова ведьмы, произнесенные вполголоса:

— Впрочем, возможно, еще не все потеряно...

* * *

Выйдя на улицу, Кулл сперва нигде не мог обнаружить Урима: его не было ни рядом с домом, ни у лошадей. Наконец, он заметил парнишку на краю поляны, у поваленного дерева. На землю опускались сумерки. Вокруг болотный лес заполнялся клочковатым туманом, пронизанным янтарным светом солнца.

Атлант медленно подошел к Уриму. Он знал, что чувствует сейчас, но не ведал, как это выразить... И стоит ли это делать вообще. Подобно Мантису, сейчас он ощущал себя словно между молотом и наковальней.

Заслышав звук шагов, Урим неуверенно поднял голову. Он сидел в грязи, играя с камешками. Мятые штаны и поношенные сапоги были перепачканы, и так же все руки его были в болотной жиже.

Кулл взглянул на юного безумца, затем уставился вдаль.

«Я мог бы убить его прямо сейчас... Предать его, но зато избавить от мучений... И обмануть этих ублюдков-колдунов...»

— Как там напши лошади, Урим?

Тот равнодушно пожал плечами.

— Опи... в порядке. Я не... ничего не нужно...

Кулл склонился к нему.

— Они... Мантис и эта ведьма... Они хотят освободить твою душу, Урим.

Безумец поднял руки, но ни искры понимания не зажглось в его глазах.

— Проклятье! — выругался атлант. — Они хотят убить тебя, Урим! Ты разве не понимаешь? Ты им нужен, чтобы они могли уничтожить то зло, которое поразило тебя, ту звезду, и людей в храме, в большой комнате.

На глаза безумца навернулись слезы.

— Урим! Ты понимаешь, что я говорю? Они хотят убить тебя, но все это ради того, чтобы...

Боги! Валка и Хотат! О чем он говорит? Неужто он и впрямь верит во все эти глупости? Зачем он повторяет эти лживые речи? Может, Илисса с Мантисом заколдовали его? Валка! Валка! О, проклятие! «Я мог бы убить его прямо сейчас и обмануть этих ублюдков.»

— Нет! — воскликнул он вслух. — Урим! Взгляни на меня! Ты ведь не хочешь, чтобы они тебя убили, правда? Скажи мне, что ты этого не хочешь, и клянусь всеми богами, я им не позволю!

Урим промычал что-то нечленораздельное. Внезапно глаза его распахнулись, и что-то странное начало твориться с ним, — он словно пробуждался, как дитя после долгого сна, или приходил в себя, словно после долгой болезни.

В тот же миг где-то вдалеке на болоте возникло облачко голубоватого сияния. Кулл мигом заметил это и словно бы ледяная рука сжала его сердце. Он уставился на болотный лес, глядя, как ширится и разрастается в воздухе голубое свечение. Он с трудом удержал изумленный возглас, рвущийся с губ, — ибо это сияние было ему знакомо. Оно явилось Куллу в ту ночь, когда проклятый всем своим племенем, он был

вынужден бежать с родного острова. Тогда ему казалось, что сами боги говорили с ним и предсказали дальнейший путь...

То же самое голубое свечение.

С уст Урима внезапно слетели слова, отчетливые, но какие-то неживые:

— Я все понимаю, Кулл. Доверься мне. Я понимаю, что происходит... И все, что творилось со мной до сих пор.

— Урим? Что?..

Голубое сияние по-прежнему висело над болотом и делалось все ярче. Где-то далеко, в самых недрах его, возникла странная фигура, не то мужчины, не то женщины, — бога или богини, или может быть, демона, или воплощение самой судьбы... Существо не издало ни единого звука, но Урим продолжал говорить, тогда как атлант слушал его с растущим изумлением, гадая, что же происходит вокруг.

— Да, я знаю все про зиккурат, про это болото и ведьму, живущую здесь. Ты должен позволить им освободить мою душу от этой брэнной оболочки, мой друг. Послушай: мы всего лишь крохотные частицы Великого Целого... Ты и я, и эта колдунья, и даже безумец Тха-Бнар с его грезами о безграничном могуществе. Да, даже эта звезда — часть Великого Целого. Поэтому не страшись за мою судьбу. Я...

— Урим, это безумие... Чистейшее безумие... Они задумали какую-то злую шутку...

Говоря это, Кулл не сводил взора с загадочной фигуры в сердце голубого свечения, которая

была одновременно совсем рядом с ним и бесконечно далеко...

— Я останусь собой, мой друг, ничего не изменится, поверь. Они лишь на время принесут мою жизнь в жертву силам Внешнего Мира. В этом нет никакого зла: пусть используют для своих целей пустую оболочку. Их магия освободит меня и в то же время поможет вам достичь благой цели. Ты можешь доверять Мантису, Кулл!

Синеватое свечение начало пропадать. Далекая фигура также исчезла, унося с собой остатки сияния. Теперь вокруг виднелся лишь белесый туман, — зловещее порождение болота.

— Постой! — выкрикнул Кулл. — Кто ты такой? Ты бог или демон? Вернись, во имя Валки!

Но у Урима изо рта вновь потекла слюна. Голубое сияние исчезло окончательно, и Кулл остался стоять на краю поляны во власти сомнений и головокружения, словно очнувшись от странных видений.

— Урим!

— Я не... лошади в порядке...

Атлант мигом взял себя в руки и насторожился, заслышав за спиной шум шагов. Он обнажил клинок и обернулся к Мантису с Илиссой. У Мантиса в руках был факел.

— Так, значит, это тоже было ваше колдовство? — сурово уставился на них атлант.

Илисса в изумлении воззрилась на него.

— О чем ты говоришь?

— Ведьма, ты прекрасно знаешь, о чем я го-

ворю! То, как Урим говорил со мной... И этот свет во тьме!

Илисса нахмурила брови:

— Кулл, если что-то и случилось здесь, то я понятия не имею...

— Ложь! Ты лжешь, ведьма! — клинок взметнулся в его руке.

— Остановись, Кулл! — выкрикнул Мантис. — Мы не понимаем, что ты имеешь в виду!

— Тогда я спрошу у тебя, Мантис, и ответь мне чистую правду, или, клянусь челюстями Хотат, я прикончу тебя на месте! Не творили ли вы с Илиссой сейчас какого-то колдовства в этой хижине, чтобы Урим заговорил как нормальный человек, и голубой свет возник посреди болота.

Мантис несколько мгновений молча взирал на атланта, затем уверенно произнес:

— Нет, клянусь тебе, ты можешь мне не верить, но мы не использовали никакой магии ни против тебя, ни против Урима.

Как ни странно, атлант поверил ему.

— А что здесь случилось? — заинтересовался Мантис. — Расскажи мне.

— Не имеет значения. — Кулл вложил клинок в ножны. Ему не хотелось говорить о происшедшем с Мантисом... Тем более, при ведьме! — Вы пришли, чтобы сделать то, что собирались?

— Нам нужно пройти на болота, — объявила Илисса. — Для этого колдовства у меня есть особое место близ трясины.

— Ну еще бы! — мрачно усмехнулся Кулл. — В логове нечисти.

Ведьма и сын колдуна не обратили на эти слова внимания. Илисса протянула руку:

— Урим?

Безумец поднялся, подошел к ней и взял колдунью за руку. Затем он обернулся и на краткий миг в его глазах Куллу почудился отблеск голубоватого огня. Сейчас Урим вовсе не казался сумасшедшим... Но это тут же прошло. Он стал таким, как прежде.

Илисса повела Урима к болоту, а Мантис последовал за ней с факелом в руке.

— Я пойду с вами, — заявил Кулл, придерживая меч рукой.

— Полагаю, это лишнее, — возразила Илисса.

— Я пойду с вами, — отрезал атлант. — Будьте вы прокляты... Я все равно в это замешан и видел на своем веку довольно колдовства, чтобы понять, во что я впутался на сей раз! Тебе не удастся ничего сохранить от меня в тайне, ведьма.

Илисса с презрением взглянула на атланта, однако Мантис проронил:

— Он прав, Илисса. И он куда крепче духом, чем даже те из простых смертных, кто пытается заниматься колдовством. Пусть идет с нами.

— Ну что ж, да будет так. — Илисса недобро усмехнулась. — Может, он и впрямь не просто громила с острым мечом? Прекрасно... Пойдем же с нами, Кулл.

Мантис возглавил маленькое шествие, и его факел осветил путь сквозь сгущающийся болотный туман.

Глава 5

Сын колдуна

огда они, наконец, достигли места, где Илисса творила свою магию, луна поднялась высоко в небо. Три дерева отмечали небольшую поляну, — огромные, искривленные, они устремлялись ввысь, и их грубая кора поблескивала, словно влажная инкура морского зверя под серебристым лунным светом; мох свисал с ветвей, тянувшихся к облакам, словно когтистые лапы, раздирающие брюхо жертвенного животного.

Гигантские корни вылезли из влажной почвы и разрослись по кругу, образовав внутри небольшую площадку диаметром около пяти шагов. Прямо на этих корнях лежал плоский круглый камень толщиной с руку, изрезанный какими-то странными изображениями и рунами. Никакая болотная живность не осмеливалась приблизиться к этому алтарю, даже растения словно стара-

лись держаться подальше от колдовского круга. Болотная вода также не доходила сюда, и лишь луна своими лучами касалась искореженных ветвей и серебрила высеченные в камне изображения.

— Это здесь, — заявила Илисса, вскидывая руку.

Урим прошел вперед. Словно повинуясь негласным указаниям, он встал прямо на круглый камень, а затем лег на него спиной, раскинув руки и ноги и глядя в небеса. Тут же ветер поднялся на поляне, — влажный, зловонный, словно напитанный испарениями самой преисподней.

Кулл с тревогой наблюдал за происходящим, опущая вполне естественную для простого смертного неуверенность перед лицом черного колдовства. Мантис, похоже, ощутил его смятение. Приблизившись на пару шагов, он прошептал:

— Молю тебя, друг мой, не вменяйся, как бы сильно ни ужаснуло тебя то, что должно вскоре произойти.

— Не думаю, что испытаю ужас, — возразил атлант. — Скорее — отвращение.

Обернувшись, Илисса поманила к себе Мантису; тот вручил ей факел. Высоко держа горящую ветвь, ведьма приблизилась к распластавшемуся на алтаре Уриму. Она не смотрела на юношу, запрокинув голову к небесам и не сводя взора с луны. Ветер сделался сильнее, и теперь факел осыпал искрами всю небольшую поляну.

Урим застонал.

Илисса не обратила на него ни малейшего

внимания. Продолжая высоко держать факел, она широко расставила ноги, подняла вторую руку и пронзительным голосом принялась выкрикивать слова, недоступные пониманию Кулла:

— *Дот-Абру! Э сокасса те хохелес Дот-Абру! Сеи карамас хохелес, Дот-Абру! Дот-Абру келес! Тодбура!..*

— Во имя преисподней, что она говорит? — прошептал Кулл Мантису.

— Она призывает... — тот запнулся, ибо внезапно все вокруг начало стремительно меняться.

До сих пор Кулл был уверен, что колдунам перед сотворением любой магии необходимо долгие дни или целые недели проводить в бдениях и подготовке к темным таинствам, и теперь он поразился, насколько легко творила свое ведовство Илисса. Едва лишь последние звуки сорвались с уст колдуньи, как внезапно факел словно ожил у нее в руке, взорвавшись столпом пламени, устремившимся к самой луне. Оранжево-алая колонна огня поднялась до самых небес с негромким шипением, а затем закружилась, все удлиняясь и удлиняясь, после чего оголь спиралью двинулся вниз, к распростертому на алтаре Уриму.

Илисса выкрикнула очередное загадочное заклинание.

Теперь болотный ветер превратился в ураган, который разметал волосы атланта и едва не сбил его с ног. Столп пламени, застывший в воздухе, задрожал на ветру. Внезапно он превратил-

ся в шар, а потом в некое подобие маски, личины чудовища или демона, — в хохочущего монстра с пылающими глазницами и разверстыми ртом, изрыгавшим искры и языки пламени.

— *Дот-Абру! Дот-Абру!*...

Мантис шумно выдохнул. Он неподвижно застыл рядом с Куллоу, и тот почувствовал, как юношу бьет крупная дрожь.

— Демон, — едва слышно выдохнул он. — Бологный демон...

Затем огненная личина исчезла. Вновь появился огненный столп, обернувшийся водопадом пламени, который вскоре поглотил и каменный круглый алтарь, и лежащую на нем жертву. Урим пронзительно завопил от ужаса и попытался отползти прочь, но было слишком поздно. Он издал последний приглушенный стон... Теперь свет был столь ярким, что ослепленному Куллоу пришлось отвести глаза.

Когда он вновь смог взглянуть на алтарь, то там уже не было ничего, кроме обуглившихся останков Урима, которые, однако, продолжали содрогаться, словно наделенные собственной жизнью. Вдувшаяся почерневшая плоть трепетала на ветру, подобно сгоревшему пергаменту и, наконец, разлетелась лепестками золы, оставив на алтаре лишь почерневшие кости.

Но это был еще не конец. Кости, дымясь, таяли и собирались воедино, покуда не образовали комков размером не больше кулака. Это странная живая масса колыхалась еще некоторое время, но, наконец, застыла, — а затем начала светить-

ся все ярче и ярче. Атлант едва сдержал изумленный возглас. Теперь на алтаре, озаренный радужным светом, лежал удивительный сияющий кристалл.

Илисса отшвырнула прочь факел, и тот с шипением погрузился в трясину. Ведьма прошла к алтарю, встала на него и, нагнувшись, подняла кристалл. Затем она вновь обернулась, сошла на землю и преподнесла свою добычу Мантису. Самоцвет отбрасывал во все стороны мерцающие блики, терявшиеся в густых тенях.

На лице Мантиса отразилась боль и смятение, и все же он протянул руку, чтобы принять дар колдуньи.

— Я... Я и представить не мог...

— Ты же хотел найти отца, — сказала ему Илисса. — Ты знал, что для этого необходима человеческая жертва. Ты не ведал, каким образом боги пожелают принять ее и даровать тебе желаемое. Я тоже не имела об этом представления. Возьми же...

Глядя на растерянное лицо Мантиса и усмехающуюся ведьму, Кулл вновь испытал желание выхватить меч и сразить Илиссу на месте... Но Мантис уже крепко сжал в кулаке сверкающий кристалл, — было слишком поздно...

— Используй это как амулет, — велела юноше Илисса. — Он приведет тебя к отцу.

Мантис с шумом сглотнул.

— Но... как я узнаю?

— Ты ведь сын колдуна. Этот кристалл приведет тебя к Одрату. Положись на него.

С этими словами ведьма с невозмутимым видом двинулась обратно по тропинке, ведущей к ее жилищу.

Кулл с негромким рычанием наполовину обнажил свой меч, в ярости уставившись в спину ведьме.

Мантис молча взглянул на атланта, но выражение его глаз заставило Кулла сдерживать свой гнев. Во взоре Мантиса была смертная мука... И страх... И удивление. Но в пальцах своих он сжимал сверкающий талисман и в сиянии его было видно, как по щекам юноши катятся крупные слезы.

* * *

Вслед за Илиссой они вернулись к хижине, не приближаясь к ведьме, но стараясь и не терять ее из вида, чтобы не заблудиться на болоте. За все время пути Кулл с Мантисом не обменялись ни единым словом.

Уже совсем рассвело, когда они, наконец, отыскали своих лошадей и сели в седло. Илисса наблюдала за ними, стоя в дверях хижины. Она даже предложила угостить их завтраком. Атлант лишь рассмеялся в ответ.

Мантис, все еще во власти пережитого потрясения, направил свою лошадь к Илиссе и, склонившись в седле, с мрачным видом спросил ее:

— И какую же плату ты потребуешь с меня, колдунья?

— Плату?

— Разумеется, ты сделала это не из простой любезности.

Та невозмутимо улыбнулась.

— Я знаю тебя. Я знаю твоего отца. Ты уже распылился со мной, Мантис, когда пришел ко мне со своей просьбой. В день твоей смерти я возьму твою душу, и тогда ты отплатишь мне... Отплатишь мне сполна...

Вокруг все замерло в неподвижности. Озаренный первыми лучами солнца лес был влажным и серым... Мантис ощутил, как его пробрала дрожь.

— Так, значит, я проклят? — спросил он.

— Ты сын колдуна, который пришел просить о помощи ведьму и Древних Богов, — отозвалась Илисса, глядя ему в глаза. — Живи и набирайся знаний, Мантис кос-Одрат.

— Будь ты проклята... — слова, сорвавшиеся с его губ, были тяжелы, как сталь или камень. Сейчас он мог бы ударить ее кулаком или обнажить клинок, или направить лошадь, чтобы затоптать ведьму... Но не сделал этого.

Перед глазами у Мантиса по-прежнему стояла мрачная усмешка Илиссы. Он развернул своего скакуна и направил его прочь, спрятав за пазухой сияющий амулет.

Не оглядываясь, Кулл также двинулся следом, ведя в поводу лошадь Урима. По пути он старался по приметам запоминать дорогу, чтобы, если возникнет необходимость, вновь добраться сюда.

К полудню они достигли незнакомой части

болот, направляясь куда-то на северо-запад, куда вел их Мантис, — или так выбирал его амулет, ибо он попросту отпустил поводья коня, дав тому возможность идти куда пожелает. Вокруг повсюду, насколько хватало глаз, виднелись огромные деревья, густой кустарник и заводи с грязной водой. Даже солнечный свет казался каким-то рассеянным и серым.

Бeadники привязали лошадей, затем разлеглись на камнях на небольшом холме и перекусили засохшими лепешками и ягодами, которые нашли у себя в седельных сумках. Кулл медленно жевал и глотал безвкусную еду, глядя прямо перед собой.

Похоже, его молчание начало тревожить Мантиса.

— Ты, должно быть, теперь ненавидишь меня, атлант?

Тот неохотно отозвался:

— Нет. В моем сердце нет ненависти к тебе, Мантис.

— Я подозревал заранее, что ей может понадобиться... Вот почему я взял его с собой. Возможно, я был неправ.

— Тебе не стоит просить прощения у меня, я лишь надеюсь, что ты сможешь и дальше жить, памятуя о том, какую участь ты уготовил Уриму. И надеюсь, что я также смогу жить с этой мыслью.

Мантис задумчиво уставился на атланта. Тот вздохнул.

— Я просто пытаюсь понять, как я впутался

во всю эту мерзость. Мне совершенно незачем быть здесь.

— Но Кулл...

— Это правда, — возразил тот. Сейчас он не чувствовал ничего, кроме горечи и усталости. — Какое мне дело до тебя или до твоего отца? Да даже, собственно, и до Урима? И какое мне дело до того, сможет ли Теринас со своими недоумками одолеть жрецов Алого Солнца?

— Это неправда, ты так не думаешь!

— Ну вот еще! — Кулл с решительным видом обернулся к своему спутнику. — Я прошел множество дорог, дрался в бесчисленных битвах, побывал в каких-то гнусных, всеми богами забытых, местах, где нет ничего кроме безумия... И все ради чего? Ради чего, скажи мне, Мантис?

— Послушай, я понимаю, что так мучает тебя...

— Заткнись, парень. Просто заткнись и оставь меня в покое.

Тот с обиженным видом уставился на атланта.

— Я впутался в очередную авантюру, — рассеянно продолжал атлант, — и никак не могу понять, зачем. Во имя Хотат! Я сижу на каком-то проклятом болоте с сыном колдуна... Я имел дело с безумной ведьмой, а до того — с какими-то демонопоклонниками в храме... Во имя всех богов, ради чего?

— Послушай, Кулл...

— Нет, оставь меня в покое и дай спокойно поразмыслить.

Внезапно голос Мантиса изменился.

— Кулл!

Он тут же вскочил, обнажая меч.

Атлант метнул на него быстрый взгляд, затем обернулся в ту сторону, куда смотрел Мантис, и так же стремительно вскочил, на ходу выхватывая клинок из ножен.

Вокруг на болоте повсюду мелькали страшные уродливые тени... Это, скрежеща зубами и размахивая когтистыми лапами, подбирались к путникам болотные твари.

Стреноженные лошади жалобно заржали, пытаясь вырваться на свободу. Кулл попытался успокоить их, затем сошел с камней и двинулся в сторону болота, ощущая, как увязают во влажной земле сапоги. Торопливо обернувшись, он убедился, что за спиной не таится никаких чудовищ, и вновь двинулся вперед, наблюдая за противником. Тварей было шесть... Нет, вот и седьмая показалась из-за деревьев.

— Кулл!

Он обернулся рывком. Мантис уронил меч и, схватившись одной рукой за живот, другой тщетно пытался что-то нащупать в складках туники.

— Кристалл, он горячий! — Но тут же юноша пришел в себя, убрал руку от живота, поднял меч и подбежал к атланту.

— В чем дело? — сердито спросил его Кулл.

— Это все кристалл... Амулет... Он внезапно стал горячим, как уголь. Но я почуял кое-что еще...

— Что именно?

— Это... Илисса. Проклятье, я же знал, что она не отпустит нас так запросто! Эти твари, Кулл, что готовятся напасть на нас... Это души людей, пойманных Илиссой и помещенные ею в тела оживших мертвецов. Ты понимаешь? Кулл, если эти твари убьют нас, то ведьма получит и *наши* души! Мы в ловушке!

— Будь она проклята во веки веков! — взревел Кулл. — Эти ублюдки не подойдут ко мне ближе, чем на длину клинка! — Обернувшись, он заметил большой дуб, что рос по левую руку от Мантиса. — Беги к тому дереву! Держись к нему спиной!

— А как же лошади? Они ведь нападут и на лошадей тоже!

— Балка и Хотат! Ну же, шевелись!

Мантис метнулся к дубу как раз в тот миг, когда на него набросилась одна из болотных тварей. Он в отчаянии взмахнул мечом, словно серпом. Монстр повалился навзничь и истошным воплем, раненый в грудь, и принялся судорожно дергаться и извиваться в болотной жиже.

Мигом за ним последовал другой, но Мантис уже успел прижаться к дереву спиной и, отчаянно сыпая ругательствами, тыкал острием меча вперед, бросая вызов омерзительной твари.

Двух лошадей Кулл успел освободить от пут и хлопнул их по крупу, чтобы они могли спастись бегством, — но когда он достиг лошади Мантиса, один из болотных монстров оказался уже слишком близко. Разъяренный, Кулл взмахнул мечом, нанеся твари рану в бок. Та заголо-

сила, пытаясь зажать зияющую дыру в грудной клетке, и отступила, но в тот же миг другой монстр напал на лошадь Мантиса. Скакун поднялся на дыбы и заржал, пытаясь отогнать нападавшего, но тот принялся рвать несчастное животное на части когтями и клыками. Кулл набросился на мерзкую тварь.

— Проклятый урод! — взвыл он.

Монстр обернулся, скаля зубы, с которых капала кровь. Атлант яростно взмахнул клинком и одним ударом отсек чудовищу голову. Описав полукруг, та упала в заводь с грязной водой, продолжая скалиться. Обезглавленное тело покачнулось, а затем рухнуло наземь, продолжая молотить в воздухе лапами.

Итак, на трех меньше... Нет, на четырех, — ибо в это же самое время Мантис совершил бросок, нанес удар и из рассеченного брюха твари вывалились внутренности прямо к ногам юноши. Монстр хрипло завопил.

Мантис вовремя оттолкнул его, чтобы встретить пятого из нападавших...

...А еще двое набросились на атланта. Отпрыгнув назад и пригнувшись, тот схватил с земли увесистый камень и швырнул вперед. С глухим треском булыжник ударил первую тварь прямо в лоб. Оглушенная, та покачнулась. С боевым воплем атлантов Кулл напал на ее сородича. Монстр размахивал лапами с длинными когтями, сиюсь зацепить врага за руку или шею. Сверкнул клинок, и одна лапа отлетела прочь. Тварь завизжала. Воин метнулся в сторо-

ну, как раз вовремя, чтобы избежать броска монстра. Когти уцелевшей лапы сомкнулись в том самом месте, где только что была голова Кулла, — но тот уже нанес смертельный удар сбоку и сзади, метясь в затылок твари. Зловонные мозги расплескались по траве.

С торжествующе-яростным криком Мантис набросился на последнего из нападавших, и вскоре тот рухнул наземь с перебитым хребтом. Он продолжал извиваться на влажной земле, слабо подергивая головой и конечностями.

Но теперь поднялся тот монстр, которого Кулл поразил камнем, и набросился на своего врага.

— Продай свою душу ведьме, да? — прорычал атлант. — Ах ты, погань! Болотное дерьмо! Ну же — иди сюда и попробуй достать меня!

Мантис наблюдал за схваткой, дивясь ярости, владевшей его другом в этот миг. Похоже, не только порождения трясины приводили атланта в такое бешенство... Нет, какая-то боль и ярость таились у того глубоко в душе.

Болотная тварь с ненавистью взирала на своего противника и злобно шипела, пялясь на Кулла белесыми глазами.

— Ах ты, зловонная мерзость! — выкрикнул атлант.

Тварь взмахнула лапой с выставленными когтями. Кулл исторг яростный вопль. Двумя ловкими ударами клинка он отсек монстру одну лапу и пронзил его в пах.

Тварь повалилась наземь, завывая и скребя

когтями землю. Кулл нанес третий уверенный удар и отсек противнику голову.

Наступила напряженное тяжелое молчание, прерываемое лишь зудением комаров. Кулл слышал, как кровь стучит у него в ушах.

Мантис опасливо приблизился к нему.

— Все кончено?

Кулл покосился на своего спутника.

— Ты уверен, что она больше никого не пошлет против нас?

Тот хмуро усмехнулся и пожал плечами.

— Не думаю... О, боги! — Он смотрел куда-то поверх плеча Кулла.

Атлант развернулся. Лошадь Мантиса, раненая, лежала на подстилке из мха, истекая кровью, и отчаянно била копытами. Из рта текла пена, глаза затянулись грязно-белой поволокой. На глазах у Кулла с Мантисом оскаленные зубы благородного животного покрыла липкая пленка слюны, повисшая длинными блестящими клыками. Затем неожиданно глаза лошади загорелись желтым огнем. Медленно и неуверенно она начала подниматься на ноги... А затем зарычала, — как неспособна была рычать ни одна лошадь.

— Я должен ее убить, — заявил Мантис атланту. — У нас нет выбора.

Он шагнул вперед, остановившись рядом с несчастным животным и резко обрушил клинок ему на шею. Лошадь завизжала. Хлынула алая кровь. Движения ее замедлились, безумный огонь в глазах потух... И наконец она умерла, высвободив свою жизненную силу.

Мантис оглянулся.

— А что с остальными лошадьми?

Без единого слова Кулл смотрел куда-то вдаль.

— Эй, приятель, как там наши лошади?

Когда атлант наконец поднял голову, в его глазах читалась ненависть.

— Проклятье, Мантис, что мы делаем здесь? Посмотри на это! Ты только посмотри на это! Скажи мне, будь ты неладен, кто же ты такой?

Вложив в ножны меч, юноша подошел к атланту.

— Кулл... Где наши лошади?

Тот глубоко вздохнул и несколько мгновений пристально изучал свой меч, а затем также укрыв его в ножнах.

— С остальными лошадьми все в порядке, Мантис.

— Вот и славно, — отозвался тот. — Славно. Больше сейчас меня ничего не интересует.

Он неуверенно протянул руку Куллу для дружеского рукопожатия.

Но тот то ли и правда не заметил этого жеста, то ли просто сделал вид...

* * *

С наступлением ночи они, наконец, покинули болото и оказались на сухой земле, в лесу, где воздух был достаточно свеж, а деревья росли в удалении друг от друга, так что среди густых крон даже виднелись звезды и луна.

Путники разожгли костер, — сейчас их ни-

чуть не волновало то, что кто-то посторонний может заметить огонь. Некоторое время они молча сидели в темноте под звездами, каждый думая и вспоминая и тревожась о чем-то своем, и вдруг неожиданно Мантис заговорил об Илиссе и Уриме, а затем о роке и смерти, о путях и выборе, о неуверенности... Обо всем, что может случиться, когда звезда падает с небес и заражает все окрестные земли безумием.

Говорил он медленно, то и дело прерываясь, чтобы подыскать самые подходящие слова, а порой и просто замолкал надолго, погружаясь в какие-то собственные раздумья и, во время одной из таких пауз, заговорил доселе молчаливый Кулл. Отчасти сейчас, после этих откровенных признаний его спутника, он ощутил, как народившийся ледок в душе понемногу начал таять и дружеские чувства, что он испытывал к этому странному юноше вернулись вновь. Вот почему он решился поделиться с ним тем, что пережил накануне вечером.

— Неужто это было только вчера? Да, а кажется, так давно... Так вот, вчера вечером, когда вы с Илиссой были в хижине, а я оказался снаружи вместе с Уримом... — Кулл рассказал своему спутнику о том, как страшно звучал голос безумца, какие глубокие истины и пророчества он изрекал, и о том голубом сиянии, что объяло лес.

Мантис весь обратился в слух.

— То же самое загадочное существо, — поведал атлант, — явилось мне много лет назад, в ту

ночь, когда я стал изгоем в собственном племени. Ты можешь вообразить себе нечто подобное, Мантис? Что все это означает?

— Я... Я не уверен...

— Но ведь это не плод моего воображения, хотя порой за прошедшие годы я и пытался убедить себя в этом. И вот сейчас, спустя столько времени, когда я был твердо уверен, что знаю о себе все, знаю, куда иду и к чему стремлюсь, и кто такой я сам, — это существо появляется вновь и говорит о вещах, которые я не могу понять или принять... О том, что противоречит всем моим убеждениям и надеждам... И теперь я словно воюю сам с собой, пытаюсь осознать все это.

— Так вот в чем причина твоего сегодняшнего гнева? — догадался Мантис.

— Да, пожалуй ты прав... Илисса... Урим... Не стану отрицать, что все это вывело меня из себя. Но есть что-то большее у всех этих событий есть некий сокровенный смысл. У меня ощущение такое, словно мир вокруг нас меняется бесповоротно и безвозвратно!

— Да, ты прав, мой друг. Мир изменился, — шепотом подтвердил Мантис и с надеждой взглянул на Кулла, сиюсь в полумраке разглядеть его лицо. — Но ведь мы по-прежнему остаемся друзьями? Скажи мне, что это так. Я ощущаю какую-то нить, связывающую нас, не только в этой жизни, но и во многих предыдущих воплощениях, когда ты не был Куллом, атлантом, а я Мантисом кос-Одратом... Мне больно думать,

что эта нить может прерваться именно сейчас, ведь впереди у нас множество новых жизней, когда мы могли бы оставаться друзьями, вместе противостоять всем тяготам и невзгодам, будучи частичной Единого и Вечносущего.

— Вот теперь ты и впрямь заговорил, как сын колдуна, — насмешливо промолвил Кулл.

— Правда? Мне кажется, скорее, я говорю как человек, который верит, что на свете есть вещи, недоступные пониманию простых смертных, ибо хотя я верю и в величие человека... но верю также в Высший Порядок, в Великое Единство.

Кулл с невозмутимым видом смотрел в огонь.

— А я верю только в себя, Мантис. Это существо в голубом тумане... Должно быть, оно было моим собственным порождением, созданным моим разумом и чувствами...

— Возможно, и так, — рассеянно подтвердил Мантис. — В нашей жизни возможно все.

* * *

Должно быть, в самом воздухе этой ночи было нечто особенное, потому что луна поднялась уже высоко, а двое друзей все сидели у огня и продолжали беседу. Но даже самых серьезных вещей они касались лишь слегка, то ли от усталости, то ли просто не решаясь идти вглубь.

— Я восхищаюсь твоим взглядом на мир, — заявил Мантис Куллу. — Жаль, что сам я не способен так же смотреть на вещи.

Атлант удивленно поднял брови.

— В самом деле? Что ты имеешь в виду?

— Очень просто. Разумеется, ты знаешь, что невозможно отрицать существование Единого, — и ты не отрицаешь его, — но не тратишь время на бесплодные раздумья и тревоги, а делаешь лишь то, что необходимо тебе самому для достижения собственных целей.

— Все люди поступают точно так же.

— Нет, не думаю. Не так, как *ты*. Лично я никогда не встречал человека, столь же... успешного... как ты, атлант.

— Успешного? Что за странное слово!

Мантис пояснил:

— Ты никогда не сомневаешься в себе в тот миг, когда это действительно важно. Ты полагаешься только на себя самого, ты знаешь себя и веришь в себя.

— И все же я одинокий волк.

— Но ведь это твой собственный выбор?

— Пожалуй, что да, — задумчиво протянул атлант. — Порой мне кажется, что броня, которую я ношу, защищает не только мое тело... Она словно каким-то образом призвана защитить мою душу, мою внутреннюю суть, мечты, воспоминания и надежды...

— И на что же ты надеешься, Кулл?

— Я не смогу дать тебе точный ответ. Я немало раздумывал над этим с тех пор, как был вынужден покинуть родной остров. Вся жизнь переменилась для меня в тот день. Ведь когда я жил в родном племени, все казалось четким и

определенным. Мое существование было распланировано до самого смертного мига, а потом я оказался один — во враждебном мире. Я был вынужден сам отвоевывать себе место в нем, полагаясь лишь на собственные силы. Я должен был сам решать за себя. Отныне никто не указывал мне, куда идти и как поступать. Поначалу это пугало меня, затем показалось сущим блаженством... Но прошло еще некоторое время, и я понял, что на самом деле это — небесная кара. Ведь когда ты живешь в племени, то решения за тебя принимают другие. Ты ни в чем не виновен перед богами, если блюдешь законы общины... Совсем не так, когда ты сам по себе. Любое твоё действие ложится на твою совесть. Ты за все держишь ответ перед небесами и перед самим собой. Порой эта ответственность угнетает меня. И лишь очень редко мне кажется... Хочется верить... что это сама судьба испытывает меня, закаляет, подобно стали, прежде чем выковать некое совершенно орудие для своих нужд.

Кулл замолк, утомленный столь непривычной и долгой речью. Воистину, что-то колдовское было в нынешней ночи, — что он так разговаривал с кем-то посторонним. До сих пор он ни с кем не решался поделиться этими своими тайными мыслями. Более того, он даже никогда прежде не мог облечь их в слова столь складным образом.

Мантис задумчиво смотрел в огонь. Отблески пламени придавали его чертам выражение одновременно печальное и благородное.

— Я тоже по природе одиночка, — признал он. — Порой мне кажется, что я проклят, ибо родился сыном колдуна. Этот дар, что таится в моей душе... Я не могу полагаться на него. У меня есть сила, но я не знаю, к чему приложить её. Ведьма, злая ведьма, подобная Иллисе, может насмехаться надо мной и пугать меня, и все же у меня есть скрытая мощь и порой я грежу... Почти могу вспомнить наяву какие-то вещи, что я мог бы сделать или совершить в иных жизнях... Или грезы о будущем... Все это сводит меня с ума. Я пытаюсь понять, кто я такой, осознать свою собственную природу и порой все эти мысли и страхи доводят меня до безумия. Ты — прирожденный мастер меча, Кулл, и отлично владеешь клинком. Но я, сын колдуна, каким оружием должен владеть я? Порой мне и самому делается страшно, когда я думаю о том, на что я способен и в чем бессилен. Порой мне кажется, что душа моя утратила целостность, но в то же время я в чем-то превосхожу всех прочих людей...

Некоторое время Кулл с сочувствием взирал на юношу. Он не понимал и не принимал магии, но этот сын колдуна по-прежнему был его другом...

— Это твой путь, — твердо произнес он, наконец. — Твой путь, Мантис, и ты должен пройти по нему до конца.

Глава 6

Течения

Они продолжили путь поутру, а к полудню оказались у глубокой речушки, что текла по цветущей долине. Солнце висело высоко над головой, золотистым сиянием и теплом окутывая Мантиса с Куллом и весь окружающий мир. Спутники невольно приободрились.

Воистину, должно быть, близость ядовитого болота Илиссы нагоняла на них тоску и хандру, — отсюда и все эти печальные раздумья и разговоры. Но теперь они просто наслаждались дорогой, солнцем и обществом друг друга. Даже воспоминания о гибели Урима сделались менее болезненными.

Беззаботная легкость овладела атлантом. Он даже принялся негромко насвистывать какую-то песенку, послушанную где-то в таверне. Зараженный весельем друга, Мантис начал негромко

подпевать, и они оба расхохотались, словно мальчишки...

Но внезапно юноша выпрямился в седле и уставился куда-то вдаль с ошарашенным, почти испуганным видом.

— В чем дело, Мантис? — вмиг насторожился Кулл.

— Это... амулет. — Юноша потянулся к складкам туники. — Он нагревается. Он уже очень горячий.

Атлант невольно понизил голос.

— Это Илисса? Или... твой отец?

— Отец, — упавшим голосом отозвался Мантис. — Очень скоро мы отыщем его...

* * *

Сперва это была лишь тень на склоне холма, — темная полоса, сливавшаяся с окружающим серым цветом камней и растительности, но когда всадники подъехали ближе, то единая тень распалась на несколько меньших, показывая в действительности, что же они видят перед собой: каменные колонны, длинный лестничный пролет, искривленные деревья, цеплявшиеся за склон наверху изогнутыми корнями... Солнце уже заходило, и в последних догорающих лучах заката это зрелище выглядело угрожающе-нереальным.

Затем взошла луна, заливая мир ледяными лучами. Кулл с Мантисом подъехали ближе к холму, — обители странных тепей. Теперь они окончательно поняли, что перед ними: неболь-

шая каменная хижина, колоннада и широкая каменная лестница, ведущая куда-то в недра холма.

Они подъехали еще ближе, но неожиданно лошади отказались идти дальше. Скакун Манти-са встал на дыбы и попятился; всаднику, разразившемуся проклятиями, стоило больших трудов удержать животное в повиновении. Когда они подъехали к каменной площадке, откуда начиналась лестница, — довольно просторной, выложенной потрескавшимися плитами, которым, должно быть, было по несколько столетий от рода, — Мантис распахнул тунику и неожиданно выругался.

— В чем дело? — обернулся к нему Кулл, но тут же сам догадался, что произошло. Стоило лишь Мантису извлечь наружу амулет, как сверкающий кристалл вспыхнул ослепительно-оранжевым и огненно-алым светом, отбрасывая повсюду ослепительные блики.

— О, боги и демоны! — процедил юноша сквозь зубы. — Проклятый кристалл слишком горячий, я не могу его удержать!

Он неловко сполз с седла, выронив на землю сверкающий амулет. Кулл также спешился, на миг потеряв из виду кристалл Мантиса, затем атлант услышал, как его спутник вновь выругался, — на сей раз от удивления. Подойдя ближе, Кулл увидел, что происходит.

Сверкающий амулет выпустил наружу желтоватое дымное облачко, и теперь прямо у них на глазах рассыпался на камнях в пыль. Кулл ус-

лышал громкое шипение, как будто пар вырывался из закрытого котла, — и тут же из самого сердца кристалла вырвалась искра слепящего огня и, устремившись ввысь, исчезла в ночных небесах так стремительно, что взгляду было не уследить за ней.

— Валка!..

Подбежав ближе, атлант опустился на колени. Там, где только что лежал сверкающий кристалл, теперь осталась лишь жалкая горстка пепла.

— Он вернулся к Единому, — благоговейно промолвил Мантис.

— Ты говоришь об... Уриме?

— Да, не скорби о нем больше, мой друг. Он ушел туда, где встретится с Предвечным, что существовал прежде всех миров. Куда меньше повезло нам самим и прочим людям, вынужденным претерпевать бесконечные циклы рождений и смертей.

Взглянув в темные небеса, Кулл задумчиво кивнул.

— Ну что ж, надеюсь, что с Уримом и впрямь все в порядке. Я верю тебе, Мантис... Вынужден поверить. Но сейчас мы должны следовать зову собственной судьбы. Куда же лежит наш путь?

Юноша взглянул на темный зев прохода в склоне холма.

— Полагаю, это здесь, — приглушенным голосом заметил он. — Амулет не поведет нас дальше.

Привязав лошадей к невысоким деревьям и

взявшись за рукояти мечей, воины двинулись по каменным плитам на пологую лестницу. Поднялся холодный ветер, взметнувший вихри мертвых листьев на камнях, разбрасывая камешки и песок, которые завертелись крохотными смерчками в воздухе. Луна была круглой и сверкала, подобно солнцу, из-за рваных облаков посылая на землю свои серебристые лучи.

В лунном свете была видна каждая тропинка в каменных колоннах, окружавших вход. Кажется, прежде здесь имелись ворота, но теперь от них остались лишь проржавевшие петли, и ничто не преграждало путникам дорогу в сердце горы.

Долгое время Мантис с Куллом молча взирали на открывавшийся проход. В свете луны они могли разглядеть не так уж многое, — через несколько шагов начиналась крошечная тьма, откуда не доносилось ни единого звука.

— Ну что ж... — пробормотал Мантис, шаря в своем кошельке в поисках огнива.

Но Кулл уже на шаг опередил его. Достав нож из-за голенища сапога, он срезал ветвь дерева, росшего неподалеку, в трещине среди каменных плит.

— Собери немного травы, воц там, — велел атлант Мантису. — На вид она достаточно сухая.

Юноша подал своему спутнику несколько пучков травы, и Кулл привязал ее к концу самодельного факела.

— Надолго этого не хватит, — признал он. — Но это все же лучше, чем совсем ничего. Если

только ты случайно не догадался захватить масляную лампу?

— К несчастью, как раз сегодня-то я ее с собой и не взял...

— Ну вот. — Кулл закончил работу, примотав траву кожаным пнуром. — А теперь давай зайдем в проход, подальше от ветра.

В проходе царил типина, в которой невольно чудилось что-то зловещее. Даже звуки, доносившиеся снаружи, — шорох сухих листьев, всхрапывание лошадей, — казались странно искаженными, как будто на пути преодолевали какую-то незримую завесу.

— Мантис, пожалуйста, держи факел поровнее.

— Извини...

Атлант высек искру, которая тут же подожгла сухую траву; факел, вспыхнув, осветил длинный туннель, простиравшийся впереди.

— Проклятье, — негромко выругался атлант. — Этот факел долго не протянет.

Мантис уже двинулся вперед, и Кулл последовал за ним, на шаг позади. Когда они слегка отделились от входа в туннель, факел стал гореть помедленнее, и пламя его не колебалось. Проход был высечен в природном камне и, прямой как стрела, устремлялся в недра холма.

Воины поспешили вперед. Догорающий факел плевался искрами, но в этот момент Кулл с Мантисом уже прошли достаточно далеко и успели заметить открытый коридор, начинавшийся по левую руку. Они заглянули туда, не заме-

тили ничего интересного и продолжили путь вперед.

— По крайней мере мы можем идти, пока будет свет, — заметил Мантис, — и не рискуем заблудиться. А за новыми факелами всегда можно вернуться обратно.

Кулл задумчиво кивнул, осматриваясь по сторонам, ибо этот странный туннель показался ему весьма удивительным, — и воины торопливо зашагали дальше.

Справа появился другой проход, в котором также не нашлось ничего достойного интереса; а затем и третий, опять слева. Проходя мимо, Кулл прислушался и ему показалось, что он слышит из темноты какой-то странный, очень тихий звук.

Он замедлил шаги.

— Мантис...

Но тот, опережавший своего спутника на несколько шагов, помахал рукой.

— Потеряйся, Кулл, факел скоро погаснет, но, по-моему, впереди я вижу свет.

— Что?

— Давай быстрее!

Насколько мог судить атлант, туннель шел слегка под уклон, и дальше загибался вбок; когда они прошли чуть дальше, то оказалось, что Мантис был совершенно прав. В конце туннеля виднелся свет. Теперь он понижался еще сильнее.

Наконец, факел погас окончательно; догорающая трава разлетелась во все стороны, искрами

осыпав каменные стены. Отбросив бесполезный сук в сторону, Мантис поспешил дальше, и Кулл последовал за ним.

Взволнованным голосом, все ускоряя шаги, юноша прошептал:

— Этот свет... Там какая-то комната. Ты слышишь, Кулл, там комната!

— Ладно, ладно, да не спеши ты так. Мы же не знаем, что ждет нас впереди.

Наклонный туннель внезапно расширился, и за сводами арочного прохода они увидели огромное помещение, залитой светом факелов и масляных ламп.

— Боги! — выдохнул Мантис, которому явно не терпелось подобраться поближе. — Кулл, у меня такое странное чувство... Я весь горю и меня бьет лихорадка...

— Успокойся, ты просто очень взволнован.

— У меня взмокли ладони. Там что-то есть, и оно зовет меня к себе...

Юноша сделал еще несколько поспешных шагов вперед, раскинул руки в стороны, цепляясь за колонны, ограничивающие вход, словно пытался удержаться на ногах, цепляясь за них. Он не сказал больше ни единого слова, молча глядя куда-то вдаль.

Подойдя ближе, Кулл из-за плеча Мантиса заглянул в зал. Он нахмурился. Хотя атланту нередко доводилось сталкиваться с магами и их колдовством, но увиденное поразило даже его. Кроме того, он заметил, что Мантис и впрямь весь дрожит и обливается потом, с трудом удерживаясь.

живаясь на ногах и цепляясь побелевшими от напряжения пальцами за каменные колонны.

Зал был освещен не только факелами и масляными лампами, но и куда более странными источниками света. Кристальные шары, большие и маленькие, отбрасывали повсюду пурпурные, синие, розовые и оранжевые отблески. Кроме того, здесь имелись алтари, столы и окна — окна! — прорезанные прямо в камне. Несмотря на то, что помещение это располагалось глубоко под землей, но за окнами виднелись странные пейзажи, — ветреные равнины в алых, бурых и лиловых тонах, где кишели какие-то странные существа и призрачные тени. Кроме того, в комнате повсюду горели жаровни, над которыми кипели в сосудах разноцветные жидкости, исходившие паром; лежали раскрытые фолианты, чьи страницы шевелились сами по себе, хотя Кулл не ощущал ни малейшего дуновения ветерка. Прямо на полу были высечены руны и какие-то загадочные знаки; стены и потолок были украшены самоцветами и инкрустированы драгоценным деревом, металлом и кусочками кости.

В самом центре этого странного помещения, среди всех этих загадочных предметов помещался огромный двойной круг, начертанный прямо на каменных плитах пола. По окружностям были расставлены свечи, факелы и кадила, источавшие голубоватый дымок. Внутри двойного круга сидел мужчина — рослый, очень бледный и худой, — в черном одеянии с алым плащом. У него была гладко выбритая голова, глаза,

глубоко запавшие в орбитах; он широко раскинул в стороны руки, растопырив пальцы; все тело его содрогалось, а губы шевелились совершенно беззвучно.

Колдун... обличьем своим подобный мертвецу, но все же живой, полускрытый от глаз синеватым дымом благовоний, не переставая беззвучно бормотать, уставился прямо на Кулла с Мантисом.

Содрогаясь, юноша выдохнул:

— Мой... мой отец!

* * *

Мантис, как замороженный, вглядывался в комнату, широко расставив ноги и продолжая цепляться за колонны, словно пытался противостоять неудержимой тяге. Ни на миг он не отвел взгляда от неподвижного колдуна, своего отца, в заговоренном магическом круге. Он не произнес больше ни слова, но руки его заметно дрожали.

В отличие от своего спутника, Кулл довольно быстро пришел в себя. Сперва он был потрясен тем, какая сильная магия ощущалась в этом месте, но дух зла был здесь настолько силен, что делалось трудно дышать, — и не только из-за густого дыма и запаха благовоний... Внутреннее чутье предупреждало Кулла о том, что не следует пытаться войти в этот зал; и ему по-прежнему не давал покоя странный звук, услышанный в коридоре по пути сюда.

Осторожно потянувшись вперед, атлант взял

масляную лампу, что горела на низеньком столике прямо в дверях. Порыв ветра изнутри комнаты опалил кожу странным зноем; но сама лампа была успокаивающе прохладной на ощупь. Мантис по-прежнему зачарованно взирал на магический круг, очерченный свечами и благовонным дымом. Покосившись на своего спутника, атлант, держа светильник в руках, сделал шаг назад.

— Следи за ним как следует, Мантис, — велел он, в глубине души не до конца уверенный, что тот слышит его. — Если колдун выйдет из транса, сразу предупреди меня. Я хочу кое-что проверить.

Он развернулся и двинулся обратно по туннелю, освещая себе путь неярким светом лампы.

Очень быстро он вернулся к двери, находившейся по правую руку и замер снаружи, пытаясь вновь уловить тот же страшный звук.

И он донесся вновь, — приглушенный, почти на грани слышимости, неузнаваемый... Но у Кулла теперь не осталось никаких сомнений.

Держа светильник в протянутой руке, атлант сделал шаг вперед и оказался в небольшом помещении. Второй раз за короткий период времени он испытал столь сильное потрясение. Хотя лампа больше отбрасывала теней, нежели освещала помещение, по можно было разглядеть, что это довольно просторная, высеченная в скале комната, пустая, если не считать грубо сколоченного стола и табурета, негорящих факелов на стенах, — и странного предмета посередине. На

каменном постаменте стояла огромная хрустальная сфера диаметром вдвое превосходявшая человеческий рост; изнутри ее исходило удивительное сияние.

Кулл не верил собственным глазам. Ему показалось, что нечто белое мелькнуло внутри шара, но поскольку масляная лампа давала весьма тусклый свет, а сияние сферы постоянно мерцало, то делаясь ослепительным, то неверным и приглушенным, он ни в чем не мог быть уверен. Что же это может быть? Какой-то демон? Какая-нибудь мерзкая тварь, из потустороннего мира угодившая в ловушку, расставленную колдуном?

Подняв повыше масляный светильник, атлант зажег три ближних к себе факела, а затем вновь обернулся к шару на постаменте. Его удивление не знало границ... Он подошел ближе, поставил лампу на стол и коснулся рукояти меча.

Внутри шара был заключен человек, — он словно парил среди молочно-белых облаков. Возможно ли такое?! Наверняка это какой-то обман зрения, вызванный мерцающим сиянием... Нет! Это точно был человек! Теперь его лицо вдруг оказалось совсем близко, и горящие глаза в немом отчаянии уставились на Кулла. Человек был очень стар и явно пребывал в отчаянии. Завидев атланта, он попытался кулаками пробить стеклянную грань своей темницы. Он явно бил со всей силы, но густые испарения, окружавшие его, замедляли все движения, и потому наружу

доносился лишь слабый глухой стук, — именно его-то и услышал Кулл в самом начале из внешнего коридора.

Он понятия не имел, что ему делать, и потому просто стоял и смотрел. Старик внутри шара вновь попытался подплыть ближе, — ему явно было нелегко бороться с внутренними течениями, что пытались оттолкнуть его от краев шара.

На внутренней поверхности сферы образовался легкий налет тумана, подобно тому, как испарения оседают на холодном зеркале в теплой комнате. Сейчас пленник совершил отчаянный рывок вперед и начал быстро писать пальцем на этой поверхности. На лице его застыло отчаяние. Он извивался и судорожно дергался, изо всех сил пытаясь противостоять течению, что отталкивало его прочь. Дабы завершить свое короткое послание, буквы он писал задом наперед, чтобы атланту было легче их прочесть... Мгновение спустя течение все же уволокло его прочь, прежде чем он успел довести свой замысел до конца. Но Кулл увидел достаточно, чтобы понять. Старик написал: «Освободи меня!»

Не раздумывая, Кулл взбежал по низким ступеням постамента, полный решимости прекратить мучения старика, если только это окажется в его силах. Расставив ноги пошире и изо всех сил упираясь в пол, он обхватил хрустальную сферу руками и попытался приподнять ее.

На ощупь шар был неприятно теплым. Сперва он качнулся под мощным напором атланта,

но больше, как тот ни старался, ему не удалось даже сдвинуть его с места.

И вновь близ хрустальной грани возникло морщинистое лицо с глазами, полными немой мольбы. Губы его шевелились. Разобрать слов атлант не мог, — да это было и ни к чему, он и без того понимал, чего хочет старик.

В ярости из-за того, что первая попытка оказалась безрезультатной, Кулл обнажил свой меч и, сделав шаг назад, широко замахнулся. К вящему его удивлению, клинок внезапно окружилось голубое сияние: в точности такая же синеватая дымка, как та, что висела в колдовском зале, дальше по коридору. Куллу показалось также, что этот же оттенок приняла и дымка внутри сферы... И в таком же мерцании являлись ему страшные видения в давнюю ночь изгнания и совсем недавно, на болотах...

— Валка и Хотат! — зарычал Кулл, и меч его, описав широкий полукруг, с полной силой ударился о хрустальную сферу.

Клинок отскочил. Вибрация оказалась столь сильна, что пронзила запястье и всю руку атланта невыносимой болью. Кулл свирепо выругался и, оскалившись, замахнулся для нового удара, не думая о боли, которую может испытать.

Но тут старик вновь подплыл ближе, отчаянно размахивая руками в синевато-белом тумане. Он ткнул пальцем в Кулла, затем куда-то прочь. Проследив взглядом за его жестом, атлант обернулся и увидел столик, стоявший в углу комнаты. На нем покоился какой-то предмет.

— Вот это? — выкрикнул Кулл, обращаясь к старику.

Показалось ли ему, или тот и впрямь утвердительно кивнул прежде, чем туманное течение вновь уволокло его прочь?

С яростным рыком Кулл вбросил меч в ножны, прыгнул с постамента и бросился к столу, чтобы взять лежащий на нем предмет. Это оказался камень, очень тяжелый и необычайно гладкий, почти маслянистый на ощупь. Очертаниями он напоминал большое яйцо, и на его поверхности виднелись какие-то загадочные руны или знаки, разобрать которые атлант был не в состоянии.

— И что мне теперь с этим делать? Прочитать какое-нибудь...

Первым порывом Кулла было швырнуть этот камень прямо в хрустальную сферу и, поразмыслив немного, Кулл осознал, что то, к чему подталкивала его слепая ярость, возможно, было и на самом деле неплохой идеей. Он взвесил булыжник в руке, а затем заметил, как вновь за прозрачной гранью шара появилось старое сморщенное лицо.

Умоляющим взором старик вперился в атланта, указывая на себя руками.

Ноздри Кулла затрепетали, губы растянулись в волчьей усмешке. Размахнувшись изо всех сил, он швырнул камень прямо в сферу; он еще успел заметить, как летит к цели снаряд, пущенный его меткой рукой... И тут же некое внутреннее чутье заставило его, не размышляя, бро-

ситься ничком на землю, изо всех сил прикрывая голову руками.

Мощнейший взрыв потряс комнату. На мгновение Кулла даже оторвало от пола. Когда он, наконец, смог открыть глаза и перевести дыхание, то не увидел вокруг ничего, кроме непроницаемого синего тумана и услышал слабое прерывистое дыхание человека, лежащего на каменных плитах где-то поблизости...

Затем он услышал крик.

Это был ужасающий звук, отражавшийся от стен столь мощно, что сами камни содрогнулись, — словно какое-то божество вело отчаянный бой не на жизнь, а на смерть с целой сворой демонов.

Но это кричал не старик на полу. Вопль раздался из глубины туннеля, — чудовищный, полный ужаса крик, который длился и длился до бесконечности.

Не в силах прийти в себя от изумления, атлант поднялся на ноги и потряс головой, затем сквозь рассеивающийся туман взглянул на старика, по-прежнему лежащего на каменных плитах, и обернулся к дверям.

Оттуда послышались тяжелые шаги, которые становились все громче и громче, затем в проходе возникла какая-то тень, — человек раскинул руки и, пошатываясь, ввалился в комнату, окруженный голубоватым туманом и озаренный трепещущим светом факелов на стенах.

Мантис.

Лицо его исказилось от ярости и боли. Зави-

дев Кулла, слепая ненависть вспыхнула в его глазах, он выхватил меч из ножен.

— Будь ты проклят! — завопил он. — Будь ты проклят, *проклят* тысячу раз! Будь ты проклят, исчадие преисподней! Кулл, проклятый ублюдок, сын демона и шлюхи!..

— Мантис! Во имя всех богов...

— Ты убил моего отца, негодяй! *Ты убил моего отца!*

Вскинув меч, он бросился вперед и накинута на атланта, делая широкий, смертоносный замах.

Глава 7

Договор

Рулла отскочил в сторону, едва избежав смертоносного удара клинка Мантиса. Он зацепился за стол, гневно взревел, когда острие меча слегка зацепило его, и бросился в сторону. Коленями он ударился об пол и перекатился по каменным плитам; клинок Мантиса с треском рассек деревянную столешницу. Уворачиваясь от очередной атаки обозленного юного колдуна, он все же сумел и сам обнажить клинок.

Внутренний голос велел атланту пригнуться, несмотря на то, что первым его желанием было выпрямиться во весь рост. Он вновь откатился в сторону, и лезвие меча Мантиса пропело смертоносную песнь буквально на волосок от его горла.

— Хотят тебя побори! — взревел Кулл, у которого первоначальное изумление сменилось яростью. Завидев сквозь голубоватый туман очертания

ния фигуры впереди и тень опускающейся руки с мечом, атлант выставил перед собой клинок. Лезвия столкнулись с такой силой, что даже рука у воина онемела на несколько мгновений. Мантис отскочил назад, и этих секунд Куллу хватило, чтобы подняться на ноги и встать лицом к лицу с падавшим. Туман понемногу рассеивался, и видимость сделалась более отчетливой.

— Будь ты неладен, Мантис, — прорычал атлант. — Что на тебя нашло, во имя всех богов?

— Ты убил моего отца! — прошипел тот.

— Как я мог сделать это?! — Кулл острием клинка указал на старца в белом одеянии, который с трудом поднимался на четвереньки и отчаянно тряс головой, силясь прийти в себя после всего пережитого. Вокруг повсюду валялись осколки хрустальной сферы. — Все это время я был здесь, пытался освободить этого человека из какой-то колдовской ловушки. Почему ты решил, что я мог...

— Мой отец мертв! — взвыл Мантис. — Всю жизнь я мечтал увидеться с ним, и в тот самый миг, когда это, наконец, свершилось, ты убил его! — С новым истошным воплем он опять принялся размахивать мечом и перешел в нападение.

От изумления и отвращения Кулл невольно выругался, но безошибочные рефлексы воина спасли его и на этот раз: его клинок встретил меч Мантиса с лязгом и снопом искр. Они сошлись в поединке, то атакуя, то отступая по-

очередно. Кулл делал выпады и переходил в оборону, а затем опять атаковал, — Мантис был умелым фехтовальщиком и проявил свое мастерство во многих схватках, но Кулл точно знал, что преимущество на его стороне.

Старик на полу застонал, но ни один из бойцов не обратил на него внимания.

— Мантис, у меня и в мыслях не было...

— Он умер, слышишь, ты, ублюдок!

— Я не стану убивать тебя. Мантис, сдавайся!

— Мой отец мертв! — вновь прорычал тот в перерыве между двумя столкновениями клинков.

— Проклятье, он ведь был колдуном! Хватит этих глупостей и объясни мне...

Но слепая ярость по-прежнему владела Мантисом, заставляя его наступать. Раз за разом меч его устремлялся вперед, подобно змее, и Кулл был удивлен ловкостью и сноровкой юноши. И все же, улучив момент, он умело парировал очередной удар, в который раз отводя клинок Мантиса.

Эта ссора была столь нелепой, что Кулл ощущал нарастающий гнев. Он был полон решимости прекратить эту глупость как можно скорее. Не снеха, атлант перешел в нападение, сделал шаг вперед, затем еще один, и еще, всякий раз нанося удары мечом, которые Мантис успевал отбить, в свою очередь, атакуя, но юноша допускал все больше ошибок, отступал, впадал в ярость из-за каждой неудачи. Похоже, он уже не вполне владел собой и лишь бессмысленная зло-

ба вела его вперед, заставляя желать причинить боль своему сопернику, — столь же сильную, как тот якобы причинил ему самому.

Но вот, наконец, Кулл отразил очередной выпад, и сам начал решающий замах... И удержал клинок.

В свою очередь и Мантис, уклонившись, перешел в атаку... И застыл, подобно Куллу, на полудвижении.

Старик на полу у постамента принялся кашлять и кряхтеть. Поединщики слышали его голос, хотя ни один из них даже не обернулся в ту сторону.

— Что?.. Что? — проскрипел старец, а затем внезапно в дрожащем голосе появилась новая сила: — Прекратите!

Однако, Кулл, оправившись от неожиданно объявившей его нерешительности, опять перешел в нападение.

Три ловких удара, — и вот он уже прижал Мантиса спиной к деревянному столу.

Ложный выпад, чтобы отвлечь противника...

Клинки скрестились, и меч Мантиса отлетел в сторону. Кулл бросился вперед.

— Прекратите, я сказал! Прекратите! — Они слышали, как старик неловко пытается встать на ноги.

Мантис, утратив равновесие, выгнулся спиной над столом; меч его оказался вне досягаемости, а Кулл уже нависал над юношей с клинком в руке.

И все же атлант вновь придержал оружие.

Задыхаясь, они уставились в глаза друг другу...

— Мантис!..

— Дай... дай мне подняться, Кулл.

— Если я позволю тебе сделать это, ты обещаешь...

— Моя злость... Все прошло...

Атлант недоверчиво посмотрел в глаза своему то ли другу, то ли смертельному врагу. Но сейчас во взоре Мантиса не было ничего, кроме искреннего раскаяния.

У них за спиной послышались шаги старца.

— Прекратите, прекратите! Отложите оружие, прошу вас!

Мантис покосился на старика, но Кулл не стал оборачиваться.

— Мантис? — спросил он негромко.

— Дай мне подняться, — хрипло ответил тот.

— Мой гнев пропел. Прости меня, друг...

Кулл по-прежнему не до конца доверял ему, ибо знал, сколь ненадежны могут быть доведенные до предела человеческие страсти, — и все же он отвел клинок, поднял его и сделал шаг назад, по-прежнему продолжая пристально следить за Мантисом и готовый в любой миг вновь перейти в атаку.

Юноша распрямился, затем поднял оружие с пола, одновременно тыльной стороной ладони утирая с губ выступившую на них пену.

Он медленно поднял руку, удерживая меч. Кулл отступил, по-прежнему не вкладывая клинок в ножны.

Но Мантис лишь молча стоял перед ним, сломленный, потерпевший поражение, — казалось, куда больше его угнетает собственный взрыв страстей, нежели то, что атлант одержал над ним победу в поединке.

Юнопа невысоко подбросил меч в воздух, поймал его за рукоять и вложил в ножны с громким лязгом.

— Ну вот и все, — заявил он, жадно глотая воздух.

Лишь тогда Кулл также убрал оружие и шагнул вперед; встав рядом с Мантисом, он обернулся к старику... Но по-прежнему боковым зрением продолжал наблюдать за своим недавним соперником.

— Прошу вас, — взмолился старик. — Не нужно больше жестокости! Этот человек лишь сделал то, о чем я его просил.

Он и впрямь был очень стар, но теперь, выбравшись из хрустальной ловушки, показался Куллу полным сил и какой-то внутренней энергии. На нем было белоснежное одеяние и коричневые кожаные сандалии; единственным украшением оказалось кольцо с зеленым самоцветом на среднем пальце правой руки. Голова его была совершенно лысой, но длинная белая борода и усы спускались на грудь. У него были серые пронзительные глаза.

— Не ведаю, что привело вас сюда, — продолжил старик, — но вы прибыли как раз вовремя, чтобы спасти меня, и я благодарен вам обоим. Еще немного, и вы бы безнадежно опоздали, ибо,

сдается мне, колдовство близилось к своему завершению.

— Колдовство? — переспросил Кулл. — Ради этого тебя и поместили в хрустальный шар?

Старец кивнул.

— Одрат пригласил меня сюда месяц назад. Мы с ним были давними знакомцами, и промеж нас имелись свои счеты, но он заявил, что нуждается в моей помощи. Я явился сюда с опаской и вооруженный всей своей магией, но со дня нашей последней встречи он обрел необычайную силу и быстро сумел одолеть меня и заключить в плен. Однако, прошу прощения... Мое имя — Сойан-Тан, я беглец с Востока.

— А меня зовут Кулл, я наемник.

— А твой спутник?

Мантис выступил вперед. Его голос дрожал от сдерживаемых эмоций.

— Мое имя — Мантис. Я... сын колдуна Одрата...

Кустистые брови Сойан-Тана сдвинулись. В серых глазах вспыхнул огонек.

— Хм, — пробормотал он. — Сын колдуна! Клянусь Хотат и Энлилем, я и впрямь вижу сходство между вами! Ты тоже маг, как и он? Ты явился сюда творить зло?

— Я никогда не владел магией. Подобно Куллу, я всего лишь наемник. Но сюда я явился, чтобы найти отца... Мы не виделись с ним уже очень давно. — Мантис нахмурился. — А теперь он мертв. — Отвернувшись от Кулла, он сделал шаг в сторону.

— Так это правда, что Одрат погиб? Я ощутил это, когда ты освободил меня, Кулл.

— Но что же произошло на самом деле? — удивился атлант. С печалью и сомнением он покосился на Мантиса, который намеренно отошел подальше от них обоих.

— Не знаю, — пробормотал юноша, уставившись в пол. — Мне ведомо лишь то, что его больше нет...

Сойан-Тан пристально взглянул на молодого человека.

— Я сочувствую, ибо ты потерял своего родителя, — промолвил он. — Но ты же наверняка должен понимать, что твой отец был...

— Да... я знаю. Он был искушен в черной магии, и все же я должен был найти его и о многом спросить.

— О чем именно? — полюбопытствовал Сойан-Тан. — Я не хотел бы казаться назойливым... но наверняка привести сюда вас обоих могло лишь дело чрезвычайной важности. А если все мы угодили в одни сети, те самые сети, что плетутся сами собой вот уже почти десять лет?

Изумленный, Мантис обернулся к старику.

— Ты говоришь о... звезде?

— Звезда? — повторил Сойан-Тан. — Ах, ну да, конечно, я понимаю. Вы называете ее звездой, потому что она упала с небес. Прощу меня простить, про себя я давным-давно именовал ее *эмпаки тха-бнарх*.

— Бог Тха-Бнара? — переспросил Кулл, переводя эти слова с наречия Ахерона, на котором

случайно ему довелось выучить несколько слов. Он засмеялся.

— Да, — подтвердил Сойан-Тан. — Это нечто вроде шутки. *Эмпаки тха-бнарх* — бог Тха-Бнара. *Ампак и'тха-бнарх* — зло Тха-Бнара... Так, стало быть, вы пришли сюда именно поэтому?

— Да, — подтвердил Мантис.

Кулл глубоко вздохнул.

— Это странная история, Сойан-Тан. Долгий путь со множеством лиц и множеством... событий.

— Сдается мне, — предположил старец, — что нас троих здесь свела сама судьба, и впредь нам надлежит следовать одним путем. Вы готовы?

Кулл кивнул, бросив взгляд на Мантиса.

— Да, конечно.

Сойан-Тан воздел руку, указывая на дверь.

— Тогда, возможно, предложил он, нам не повредил бы глоток свежего воздуха.

Кулл первым откликнулся на этот призыв и решительно устремился к выходу, однако в дверях задержался и обернулся назад.

— Прощу тебя, — обратился Сойан-Тан к Мантису спокойным голосом. — Я не желаю тебе зла, и ты сам это знаешь. Неважно, как и почему мы оказались вместе... Давай поговорим об этом и попытаемся осознать, что за судьба ниспослана нам, и что мы должны делать дальше.

Мантис неохотно двинулся вперед, пересекая комнату по направлению к выходу, протолкался мимо Кулла, не удостоив того ни единым взглядом.

дом и исчез в туннеле. Вскоре его шаги послышались вдалеке у выхода наружу.

Сойан-Тан также подошел к атланту, бормоча себе под нос:

— Сын Одрата! — он словно сам не верил собственным словам.

— Ты сомневаешься в этом? — поинтересовался Кулл.

— Нет, совсем нет. Одрат был необычным человеком, со множеством неожиданностей. Вероятно, его сын в точности такой же.

— В этом нет никаких сомнений, — негромко согласился Кулл. — Никаких сомнений...

И, вслед за Сойан-Таном, он вышел из комнаты.

* * *

Рассвет пока еще проявил себя лишь в виде сероватого пятна на восточном горизонте. Трое людей стояли у выхода из туннеля, ведущего в недра холма. Лошади приветственно заржали, увидев своих седоков. Подойдя ближе, Кулл потрепал своего скакуна по холке, негромким голосом успокаивая их, затем вернулся к Сойан-Тану с Мантисом, которые присели на разбитых каменных ступенях чуть поодаль друг от друга.

Подул прохладный влажный ветерок. Свежий воздух бодрил и придавал силы. Несколько раз вздохнув как можно глубже, атлант, наконец, уселся рядом с Сойан-Таном.

— Кулл, — тихим напряженным голосом обратился к нему Мантис, глядя куда-то в сторону. — Я хотел попросить у тебя прощения... Сам не знаю, что нашло на меня в тот миг.

Меньше всего Куллу сейчас хотелось обсуждать их поединок, и потому, лишь пробурчав нечто нечленораздельное, он повернулся к Сойан-Тану.

— Скажи нам, старец, как же ты попал в плен к Одрату? После этого мы поведаем тебе, зачем приехали сюда и почему упавшая с небес звезда так важна для нас.

Сойан-Тан кивнул и начал свое повествование. Ночь понемногу отступала и серый свет зари просачивался сквозь кроны деревьев. Понемногу Кулл начал понимать смысл тех событий, что так тревожили его с того самого дня, как он оказался в этих краях.

— Когда десять лет назад с небес упала звезда, — промолвил Сойан-Тан, — и Одрат, и я сам сразу осознали всю ее значимость и угрозу, что она несла с собой для людей. Одрат предложил мне, чтобы мы позабыли обо всех былых разногласиях и вдвоем попытались овладеть силой небесного посланца. Кроме того, он надеялся на расстоянии повлиять на Тха-Бнара, ограничив жреца в его безумных устремлениях. Однако, в глубине души Одрат по-прежнему таил на меня зло, и мне вскоре стало очевидно, что он желал использовать звезду в собственных недобрых целях.

Я всегда старался идти по Благому Пути и

употреблять свои способности лишь во благо людям. Я учился у многих мастеров тайных искусств и некогда, очень давно, даже был учеником самого Тха-Бнара в том самом храме, который он теперь превратил в сущий ад. Я был преисполнен решимости подчинить магию своей воле и не позволить ей покорить себя; до сих пор мне казалось, что я вполне в этом преуспел. Однако, Одрат, подобно многим другим магам, желал абсолютной власти, для чего одной человеческой жизни явно недостаточно. Он забыл, что должен умереть и вернуться, вновь и вновь повторяя цикл перерождений и неся на себе бремя прошлых жизней. Вместо этого он пожелал до бесконечности продлить жизнь нынешнюю, дабы повелевать всем миром. Вот почему он так завидовал и ненавидел Тха-Бнара и желал заполучить звезду, чье появление подстегнуло его самые честолюбивые и безумные устремления.

Преисполнившись отвращения, я расстался с Одратом. В своих поисках я попытался сам ограничить власть Тха-Бнара, используя против него всевозможные чары и заклятия. Но Тха-Бнар находился под защитой своего ордена, и энергия, сосредоточенная в храме, была столь велика, что этот противник оказался мне не по зубам.

Многие годы я странствовал по свету и по-прежнему искал способа противостоять Тха-Бнару, пока, наконец, не получил однажды ночью, мысленный вызов от Одрата. Я поверил его словам, будто он и впрямь желает позабыть все

старые обиды и разногласия и заключить новый союз... В душе я надеялся, что сумею убедить Одрата оставить черную магию и вернуться на Истинный Путь. Вот почему я прибыл сюда. Это было около месяца назад...

Старец тяжело вздохнул и продолжил:

— Одрат бессовестно обманул меня, ослепил обещаниями, которые не собирался исполнять. Но я так желал поверить ему, что даже не принял никаких мер предосторожности. В моем сердце не было зла, однако в душе Одрата предательство пустило глубокие корни. Он запер меня в этом хрустальном шаре, намереваясь принести в жертву, и начал длинный ритуал, с помощью которого надеялся передать мой дух Древним Богам в обмен на силу, которая помогла бы ему одолеть Тха-Бнара и заполучить небесную звезду. Эта страсть всецело поглотила Одрата. Он пытался перевернуть само Мироустройство, изменить порядок вещей в собственных корыстных целях. Однако, такой риск — это сущее безумие, и мне необычайно повезло, Кулл, что вы с Мантисом оказались здесь именно сейчас. Несомненно, такова была воля самой судьбы, чтобы мы встретились с вами, и вы вызволили меня из заточения!

Мантис угрюмо покосился на старого мага, но ничего не сказал.

Куллу же не терпелось побольше узнать о загадочной звезде, и потому он спросил Сойап-Тана:

— Так, значит, тебе известно происхождение

этой загадочной штуковины, которая свалилась нам на головы?

— Сдается мне, — ответил тот, — что это так называемый *азар алазват* — создание Древних Богов, призванное впитывать, а затем передавать своим хозяевам энергию всех страдающих живых существ. Должно быть, плененное Тха-Бнар, это создание многие века блуждало в космической пустоте, алчно поглощая жизненную силу живых существ. Немало поколений колдунов, предшествовавших Тха-Бнару, потратили свою жизнь на то, чтобы призвать звезду с небес, и теперь их магия привязывает ее к земле... Хотя у меня создалось такое впечатление, что Тха-Бнар не сможет вечно держать ее в плену. Возможно, мы даже имеем дело с одним из Первозданных Богов, хотя сие сомнительно, ибо сила таких созданий слишком велика для простых смертных. Однако, кем бы он ни был, но он питается жизненной энергией земли и отравляет все вокруг себя ненавистью. Он уничтожит всех нас: сперва храм, затем окрестные земли, города и королевства. Если же это и впрямь *Первозданный Бог*, то он не остановится, пока не обратит всю землю в горстку праха. Тха-Бнар должен быть совершенным безумцем, если надеется подчинить его своей воле.

— Но ведь прошло уже целых десять лет, — возразил атлант, — и власть Тха-Бнара над звездой по-прежнему нерушима.

— Но разве все это время не происходили незаметные изменения в окрестных землях? Имен-

но так действует эта магия, которая недоступна ни нынешним колдунам, ни даже демонам, ибо корнями своими она уходит в первые дни Творения. Она действует медленно, но необратимо. Что такое десять лет для того, кто существует вечно? Как может он отмерить десятилетие? Для нас это все равно, что единственная слезинка или зернышко песка. Что есть для нас целая жизнь мошки, которая длится лишь один человеческий день?

— Тогда его нужно уничтожить, — мрачно подвел черту атлант.

— Да, это возможно. Или избавить от власти Тха-Бнара, дабы отослать обратно в Пустоту. Необходимо разбить чары жреца, чтобы спасти наш мир.

— Но... как нам достичь этого? — спросил Кулл. — Если звезда столь могущественна, а Тха-Бнар и его орден управляет ее силой...

— Возможно, нам на помощь придут способности очень редкие даже среди магов, — отозвался Сойан-Тан, покосившись на Мантиса. — При жизни способности волшебника ограничиваются его тлеющей оболочкой; после смерти сила его воистину безгранична, если применить ее должным образом.

Мантис усталился на старца с изумленным видом, но в глазах его зажглось понимание. Разумеется... Зачем же еще колдуны собирают кости или прах покойников, — в особенности мертвых собратьев? Почему таким сильным подспорьем в магии может стать локон волос, обре-

занный поготь или крохотная белая косточка? Или даже пепел какого-то хипчного зверя? Или... Да — пепел!..

— Твой отец мертв, — сурово заявил Сойан-Тан Мантису.

— Да, он сгорел на месте, обратившись в огненный столп, — подтвердил юноша, — когда вся его колдовская сила вмиг обратилась против него самого.

— И все же остался его прах.

Мантис кивнул.

— И он по-прежнему излучает синеватое сияние, ибо насыщен той силой, которую он призвал себе в помощь при проведении ритуала...

— Вот этот пепел нам и нужен.

Потрясенный этим разговором, Кулл переводил взгляд с одного колдуна на другого.

— Мантис, — продолжил Сойан-Тан, — я должен получить прах твоего отца. Я использую его... Он мне необходим, чтобы уничтожить Тха-Бнара. Но я предпочел бы действовать с твоего согласия и благословения. Готов ли ты сам отдать мне прах своего отца, чтобы ты и я — нет, мы трое — заключили между собой союз, дабы освободить мир от этого зла?

Мантис задумался на несколько мгновений, но в душе он уже все для себя решил.

— Я согласен, достопочтенный. И пойду на встречу твоим желаниям, — промолвил он, наконец. — Я решил отправиться в это путешествие, дабы помочь Теринасу в его борьбе; одновременно я пустился в путь, дабы отыскать сво-

его отца. Я нашел его. Возможно, его прах и есть мой ответ... Ответ на обе причины, толкнувшие меня в дорогу.

— Я вижу в тебе мудрость и доброту, — промолвил Сойан-Тан и поклонился юношу, сложив перед собой руки в давнем как мир приветственном жесте, каким обмениваются родственные души.

— За мудрость не поручусь, — усмехнулся Мантис, — но я постараюсь ей научиться. Что же касается добра... Боюсь, ты льстишь мне, Сойан-Тан, но твоя простота и открытость покоряют меня.

— Если тебе кажется, юноша, что ты способен чему-то научиться у меня, то добро пожаловать, — проронил Сойан-Тан, — ибо, в свою очередь, я желаю многому научиться у тебя.

С этими словами старый маг поднялся, подошел к ступеньке, на которой сидел Мантис, и протянул тому руку.

Молодой человек поднял глаза, затем медленно встал и неуверенно стиснул руку Сойан-Тана чуть выше запястья, в то время как сам маг в точности повторил его жест.

Внезапная дрожь пробежала по телу Мантиса, когда он взглянул в глаза старца, но он не знал доподлинно, видит ли там истину или лишь отражение собственной усталости.

С усилием он отступил на шаг, закрывая лицо руками.

Кулл также поднялся с места. Переживания юноши тронули его до глубины души.

— Я был порождением зла, — шепотом обратился Мантис к Сойан-Тану. Голос его прерывался и дрожал. Покажи мне Путь, отец Тан. *Эмои седоли аи су дилум пос Сойан-Тан!*

— Все будет хорошо, все будет хорошо, — повторил Сойан-Тан утешающим тоном. — Ты пришел ко мне в поисках помощи, и я сделаю для тебя все, что смогу... Точно так же, как и ты в свою очередь поможешь мне.

Мантис обнял старца, и тот поверх плеча молодого человека воззрился на солнечный диск, медленно и торжественно поднимавшийся на востоке, в то время как на западе заходила луна и алая планета Нилиту.

— Взгляни, Мантис кос-Одрат, — промолвил он, бережно отстраняя от себя юношу и разворачивая его лицом сперва к востоку, а затем к западу. — Солнце, божество, дающее нам жизненную силу, посылает на землю свои лучи, в то время как меркнут луна и Нилиту, эти близнецы, порожденные тьмой и тенью. Они вечно сражаются между собой за власть над миром, и мы на своем пути должны заключить союз с одним из этих покровителей. Ты сделал свой выбор, и я сделал его также. — Старец вновь перешел на древний язык, промолвив ритуальную фразу: «Ты откроешь путь, я последую за тобой и буду шепотом указывать тебе верную дорогу.» — Он взглянул в глаза Мантису. — Сын мой...

Они вновь обнялись — крепко, по-мужски, дабы подтвердить заключенный союз.

* * *

Полутру они подкрепили силы основательным завтраком, после чего вновь вернулись в недра холма, дабы собрать там пепел, оставшийся от колдуна Одрата. Мантис настоял на том, чтобы самому сделать это. Он собрал прах отца в кожаный мешочек, туда же поместил большой синий кристалл, найденный им внутри магического круга и бережно спрятал все это под тунику.

Когда они стали собираться в дорогу, Кулл предложил Сойан-Тану сесть на его лошадь.

— Я могу идти пешком, — заявил атлант.

Каково же было его удивление, когда старик с благодарностью отказался от этого предложения. То же самое он ответил и Мантису.

— Лучше мне ступать ногами по земле, — заявил маг, — ибо именно из нее я извлекаю силу. В прежние годы я немало странствовал по свету и всегда шел на своих двоих. Отчасти в этом источник моего магического дара.

Мантис кивнул, явно приняв какое-то решение.

— Тогда и я пойду рядом с тобой, наставник.

Старый колдун улыбнулся.

— Вот и правильно, — сказал он юноше.

Кулл, будучи человеком практичным, который к тому же отнюдь не намеревался брать у земли какую-то загадочную колдовскую силу, молча сел в седло и пустил лошадь шагом рядом со своими спутниками, ведя второго коня в поводу.

— Нам понадобится нечто большее, чем просто прах Одрата, — заявил Сойан-Тан Куллу с Мантисом. — Пожалуй, не обойтись без хорошего войска.

— Вот уже десять лет такое войско пытается захватить храм, — напомнил ему атлант.

— Войско, — повторил Сойан-Тан. — Но на сей раз оно будет действовать при поддержке мощной магии.

Возможность этого была очевидна и сразу пришла Куллу на ум.

— Тогда можно взять наемников, — предложил он.

— Верно, — согласился Мантис. — Отряд наемников, чтобы подкрепить армию Теринаса. Мы могли бы уговорить солдат удачи присоединиться к нам, если пообещать им несметные сокровища, которые они захватят в храме. Многие поверят этому!

Сойан-Тан замедлил шаг и снял с плеч свой походный мешок. Открыв его, старец порылся внутри и, наконец, вытащил несколько предметов, заведя которые, Кулл с Мантисом от изумления пораскрывали рты: кубок из чистого золота, монеты, фибулы и амулеты из серебра, множество золотых и серебряных колец, браслетов и цепочек, а также целую россыпь драгоценных камней.

— Откуда это все взялось? — изумленно воскликнул Кулл.

Сойан-Тан кивнул назад, в сторону холма.

— Из пещеры колдуна. Одрат собрал множе-

ство сокровищ. Там были подземные залы, где он скрывал накопленные богатства, которые либо создал колдовством, либо украл или выменял у демонов в обмен на жертвоприношения.

— И сколько же здесь всего? — изумился Кулл.

— Хватит, чтобы купить трон... Или целое войско наемников.

— Отлично! — засмеялся атлант. — Клянусь Валкой, Сойан-Тан, для мистика и колдуна ты весьма практичный человек.

— Не забывай, что я твердо стою ногами на земле, — с улыбкой напомнил старец.

— Стоит только показать им это богатство, и наемники сбегутся к нам со всего света, — заявил Кулл.

— Тут поблизости есть деревушка, — промолвил Сойан-Тан. — Мы могли бы начать оттуда. Кроме того, всего в двух днях пути находится большой торговый город Икрахад...

— Похоже, ты все отлично продумал, наставник. Неужели этот план родился в твоей голове еще до того, как мы с Куллом появились в подземелье? — спросил его Мантис.

— Да, — отозвался тот. — Это правда. Для магов не существует никакого завтра, — лишь сегодняшний день, наполненный бесконечными возможностями. Так вот, сегодня и много-много вчера, — кажется, до бесконечности, — я изучал образы в своих зеркалах и волшебных кристаллах, и в кубках с вином, чтобы придумать, как мне одолеть Тха-Бнара. Я же говорил, что мы

были предназначены друг для друга. Наша встреча была неизбежна.

— Так ты заранее ждал именно нас? — с тревогой спросил старца Кулл. — Ты знал, что мы придем еще прежде, чем...

— Нет, — поправил его Сойан-Тан. — Как я уже сказал, никакого завтра не существует — лишь возможности каждого сегодняшнего дня. Я знал, что кто-то придет мне на помощь, но не имел понятия, успеет ли этот *кто-то* спасти мою хрупкую жизнь. Я не знал, что сулит мне рок, и сумею ли я сыграть роль в грядущих событиях. Но я надеялся... И готовился к будущему.

Некоторое время они продолжали путь в молчании. Атлант размышлял над всем услышанным.

В тот вечер они разбили лагерь на вершине небольшого холма; ниже, на равнине, на окраине леса, они заметили деревню.

После ужина Сойан-Тан удалился в лесную чащу, чтобы там предаться раздумьям и собрать магическую силу. Зевая, Кулл уселся у костра, и Мантис рядом с ним. Когда поднялась луна, юноша не сводил с нее взгляда. Долгое время они молчали, затем негромким голосом, тщательно отмеряя каждое слово, Мантис проронил:

— И вправду, рок ведет нас всех...

— Да, это так, — просто отозвался Кулл, ожидая продолжения.

— И меня, и тебя.

— Ты прав, Мантис.

— Стало быть, через месяц мы вернемся к

Теринасу, вернемся в храм Алого Солнца. Мы придем во главе армии и принесем прах... колдуна.

— Ты прав, Мантис.

— И я тоже — колдун, Кулл.

На сей раз атлант не стал даже отвечать.

Наконец, юноша не выдержал.

— Ты думаешь, это делает меня плохим человеком, недостойным твоей дружбы?

Покосившись на него, Кулл заметил в глазах у юноши слезы.

— Или я и впрямь проклят?! — воскликнул Мантис. — И обречен терять всех, кто мне дорог?

Кулл долго молчал, раздумывая, что сказать на это. Он никогда не славился красноречием и не любил попросту тратить слова, но сейчас этот взволнованный юнец ждал его ответа. Мудрость прожитых лет должна была что-то подсказать атланту.

— Ты говоришь, что рок ведет нас обоих, — промолвил он, наконец. — Это правда... но не совсем, Мантис. Человек сам хозяин своей судьбы. То, кем ты станешь, зависит лишь от тебя. — Он помолчал еще немного. — И, во всяком случае, ты всегда останешься моим другом.

Глава 8

Наемники

Аз приграничного городка Икрахада прохладным осенним утром выехал большой отряд наемников, которым не терпелось поскорее встать на путь завоеваний и обогащения, — на путь войны.

Набор солдат успешно прошел как в самом Икрахаде, так и в окрестных деревнях, ибо город этот лежал на одном из основных северных торговых трактов между Валузией и Зарфхааной. На узких улицах кишели путешественники, изгои и искатели приключений всех мастей, самых разных пародностей: высокие надменные турийцы в отличных доспехах; крепкие, коренастые зарфхаанцы, таившие острые изогнутые кинжалы под развевающимися одеждами; русоволосые воины из Валузии, светлокожие дикари из безымянных северных областей и даже размалеванные варвары с неизведанных пиктских ост-

ровов. Богатая добыча, обещанная Соян-Таном, привлекла их всех — вольных клинков, наемников и наемных убийц; хороших и злых, неповинных и грешников; бандитов, которым все равно с кем и против кого сражаться, и честных бравых вояк, а также крестьян, лишившихся домов из-за плохого урожая или налета грабителей. Не раз Кулла с Мантисом и Соян-Таном приходилось отказывать некоторым из желающих, когда выяснялось, что они не ладят с кем-то из тех, кто уже нанялся в их отряд, — во избежание кровавых разборок по пути.

Но даже подобное событие можно было обернуть себе на пользу. Мантис не переставал дивиться мудрости Соян-Тана, а также опыту и отваге Кулла и тому, как эти двое с легкостью управлялись растущим с каждым днем отрядом головорезов.

— Мы идем на войну, — говорил им атлант, — но те из вас, кто не вполне уверен в себе и не знает точно, в какую сторону могут завтра обернуться их клинки, пусть лучше уйдут сейчас и мародерствуют в другом месте.

При этих словах Кулла сопровождавший его маг молча совершал жест рукой, заставляя вспыхнуть и погаснуть огонь в очаге, либо разгореться поярче пламя факелов и тем самым внушая страх наемникам, которые отныне опасались как крепких кудачков атланта, так и колдовских способностей его престарелого спутника.

— Мы будем воевать против храма-крепости, где полно людей, способных на такие же фоку-

сы, — предупредил их Сойан-Тан. — Не могу пообещать вам, что моя магия всегда сможет вас защитить. Вы должны научиться справляться сами, точно так же, как до сих пор сумели сражаться и выживать в любых ситуациях. А когда мы одержим победу, — ибо мы непременно одержим победу, даже если кому-то из вас придется погибнуть, — тогда вы получите золото, богатство, сможете нанять собственные отряды или бросить это занятие и начать мирную жизнь. За то, что вы станете сражаться против потусторонних сил, я обещаю вам вполне реальное земное вознаграждение.

С этими словами старец показывал им золотые слитки или пригоршни серебряных монет; порой читая недоверие в глазах кого-то из наемников, он позволял тому выйти из строя вперед, дабы на глазах у всех прочих прикоснуться к драгоценностям и убедиться тем самым в их реальности. У наблюдавших за этим наемников вырывались возгласы одобрения и глаза вспыхивали алчностью; теперь они готовы были идти за Сойан-Таном куда угодно.

— Мне все равно, кто вы такие, и зачем вы пришли сюда... Какое зло вы намереваетесь исправить или, напротив, держите в своем сердце, — заявил им все старый маг. — Я нанял вас... Мы вместе с атлантом Куллом и этим юношей Мантисом наняли вас всех и теперь за все свои действия вы будете держать перед нами ответ. Если вас это не устраивает, убирайтесь прочь прямо сейчас. Иначе, если я позднее обнаружу,

что кто-то не повиновался нашим приказам, то моя магия испепелит его дотла. Такова моя справедливость. Я колдун, ваши мечи смертоносны, но не способны убить меня; ваша ярость горяча, но не способна обжечь меня; ваши руки крепки, но против меня они слабы. Помните об этом. Однако, если вы пойдете за нами, то сообщая мы уничтожим Тха-Бнара и его порождений мрака, засевших в храме. Тогда все вы сможете начать такую жизнь, как пожелаете, ибо обогатитесь после нашего похода. Но помните, пока вы идете за мной — исполняйте мои приказы... Или я убью вас. Возможно, вам кажется, что я всего лишь хрупкий старик; на самом деле сила моя неизмерима, и я мстителен, как демон, если кто-то осмеливается оскорбить меня.

Кулл с Мантисом оба знали, что в угрозах Сойан-Тана правды было немного: разумеется, никаким демоном он не был, и собирался использовать свои магические способности лишь в самом крайнем случае. Однако, он столь умело разговаривал с этими головорезами и демонстрировал им свое колдовское искусство, что внушал опаску в души этих молодцов, не привыкших повиноваться никому и ничему. В походе это могло сослужить им добрую службу.

В числе последних, кто присоединился к ним, оказался Остор со своим отрядом дикарей-пиктов. Кулл с Мантисом предупреждали Сойан-Тана, что от этих людей могут быть одни неприятности, но старый маг был преисполнен решимости нанимать всех, кто обратится к ним, без вся-

кого разбору, если только у них не было открытой кровной вражды с уже взятыми на службу наемниками.

— Если что-то не заладится между людьми Остора и солдатами Теринаса, — промолвил он, выслушав советы своих спутников, — то все это можно будет уладить впоследствии, и я лично приложу к этому руку. Однако, сейчас тревожиться не о чем. Будем справляться с трудностями по мере их возникновения.

Кулл с Мантисом куда лучше узнали Сойан-Тана за те несколько недель, что они провели в городе Икрахаде, и преисполнились уважения к этому достойному старцу. Несмотря на все свое недоверие к колдунам, слушая мудрые речи Сойан-Тана, Кулл нередко кивал в знак согласия и одобрительно усмехался. Мантис же вообще не покидал мага ни на мгновение, сделавшись его преданным учеником в загадочной колдовской науке и стремясь пробудить дар, что таился в его душе с самого рождения. Сойан-Тан не скрывал своего удовольствия от того, каким старательным и способным оказался его ученик. Оба они преследовали одну и ту же цель, хотя в душе Кулл порой сомневался, на самом ли деле превыше всего они стремятся уничтожить Тха-Бнара; во время своих бесчисленных столкновений с колдунами атлант имел возможность убедиться, что истинные цели магов порой очень сильно отличаются от тех, о которых они заявляют вслух.

К концу месяца, наконец, Сойан-Тан с Ман-

тисом и Куллом во главе наемной армии вольных клинков покинули Икрахад. Старейшины города были очень рады этому событию, — наконец боги слышали их молитвы. Когда, наконец, осела дорожная пыль, поднятая копытами удаляющихся лошадей, жрецы в храмах Икрахада принесли благодарственные жертвы своим богам, — в надежде, что больше никогда в их краях не окажутся столь опасные бесчинствующие головорезы, которые своим присутствием оскверняли их благополучный город и угрожали чести жен и дочерей.

Напротив, Кулл, наблюдая за продвижением войска из лагеря, разбитого восточнее городских ворот, ощутил гордость и желание поскорее устремиться в бой. Их было три тысячи человек, — не слишком большое войско, и все же самое крупное, какое им удалось собрать. Сейчас они двигались к востоку, в направлении степей, разделенные на дюжину небольших отрядов. Воины распевали походные песни, глаза их горели от предвкушения скорой схватки и богатой добычи, а также воинской славы. Это зрелище и эти звуки наполняли сердце атланта радостью. Даже хотя он знал истинную цену всем этим наемникам, но сейчас он ощущал себя в точности как любой полководец, ведущий армию в битву.

Итак, наемное войско вышло из Икрахада и углубилось в бескрайнюю степь в поисках золота и приключений, дабы избавить от темного ига колдовства землю, которую они прежде никогда не видели.

* * *

Наемники Сойан-Тана продолжали путь на восток, поднимаясь на рассвете и разбивая лагерь с последними лучами заката. Пока не было никаких вспышек ярости, никаких опасных проявлений недовольства. Воинский дух армии был высок, все только и говорили, что о грядущей добыче, а маг, что вел их вперед, внушал наемникам страх и благоговение, удерживая от недостойных выходов.

Наконец, однажды, далеко на юго-востоке они увидели темную полосу облаков, низко протянувшуюся над горизонтом. На следующий день полоса сделалась шире, а на третий — увеличилась еще больше. Это зрелище удивляло и завораживало: теперь стало видно, что серые тучи по низу очерчены темным пурпуром и висят совершенно неподвижно, словно огромная крышка над котлом.

На другой день, когда они приблизились к реке и по берегу двинулись в направлении селения Теринаса, наемниками понемногу овладела тревога. Мантис, похоже, чувствовал то же самое: Кулл заметил, что теперь тот стал куда менее общителен, ушел в себя, а если к кому и обращался, то только к старому магу. Время от времени он направлял свою лошадь в сторону и в одиночку уезжал через поля к холмам, а то и ночью выскальзывал из лагеря, чтобы побродить и поразмышлять наедине с самим собой. С Куллом за эти дни он не обменялся ни единым сло-

вом, равно как и с остальными своими спутниками.

Напротив, атлант немало времени проводил теперь с Сойан-Таном, — после того, как старец усмирил наемников-головорезов, демонстрируя им свои магические способности, управление войском почти не требовало особого мастерства, и Кулл справлялся с этим играючи, учитывая его немалый воинский опыт. Но с магом они говорили не только о вещах практических и приземленных. И как-то раз вечером, когда до селения Теринаса оставался всего лишь день пути, волшебник заявил Куллу:

— Я иду по дороге к гибели.

Атлант был изумлен.

— Что ты хочешь этим сказать? Неужто ты полагаешь, что Тха-Бнар уничтожит нас?

Маг пожал плечами.

— Я говорю не обо всех нас, а лишь о себе. Тха-Бнар может стать орудием моей гибели, но не ее истинной причиной. Я уже почти отбыл свой срок на земле в этом существовании. Пора мне двигаться дальше. — Он бросил суровый взгляд на своего собеседника. — Только ничего не говори Мантису.

— Разумеется, нет, мудрейший. Но будет ли колдовства Мантиса достаточно, если ты оставишь нас или... погибнешь?

Сойан-Тан медленно отозвался:

— Этого будет достаточно, если Мантис сам того пожелает... Если он сумеет совладать сам с собой.

— Все то время, что я с ним знаком, он ведет внутреннюю борьбу, — нахмурился Кулл. — Я считаю себя его другом, но боюсь, никакие друзья или наставники тут ему не помогут. Он должен во всем разобраться сам.

— Ты совершенно прав, атлант, — согласно кивнул старый маг. — Порой я поражаюсь, сколько мудрости сокрыто в твоём сердце. Ты ничуть не похож на тех варваров, которых я знал прежде... Да и на многих прочих людей тоже. Несомненно, тебя ждет великое будущее, Кулл. Уж поверь в этом колдуну, который немало повидал на своём веку. Должно быть, это опыт прошлых жизней говорит в тебе.

— Я не уверен, что все эти разговоры о прошлых перевоплощениях — правда, — с сомнением промолвил атлант. — Я предпочитаю верить лишь в то, что способен увидеть собственными глазами.

— Это разумно... хотя и не всегда, — сухо засмеялся Сойан-Тан. — И все же это правда, Кулл, каждый из нас многократно жил до этого и переживет многочисленные воплощения в будущем. И в каждой новой жизни мы ищем ответы на прежние вопросы. — Он помолчал. — Вот почему я так стремлюсь поскорей умереть.... Я желаю вернуться и вновь отыскать женщину, которую знал в своей юности. Она покинула меня давным-давно, став жертвой черной чумы.

Кулл с сочувствием посмотрел на старца.

— Сойан-Тан... Я был бы рад услышать твою историю!

Старец повел плечами.

— Что тут можно сказать еще, мой друг? В этих нескольких словах я поведал тебе все. Попробуй размысли на досуге... и ты поймешь остальное.

Так говорил с ним Сойан-Тан за день до прибытия в селение Теринаса... И этот разговор оставил у Кулла дурное предчувствие и тревогу. Но он и сам толком не мог понять, чего опасается.

* * *

Угасающее солнце ненадолго показалось между линией горизонта и нависающей пеленой облаков. Вороны и стервятники высоко кружили в мрачном свинцовом небе, ветер колыхал речную гладь, делая ее подобной чешуе какого-то древнего морского дракона.

Деревья с облетевшими листьями стояли недвижимо, и ветви их не трепетали на ветру. Над мертвыми полями вихрилась серая пыль, и нигде, ни на равнине, ни на улицах селения, не было заметно никаких признаков жизни.

Лишь когда они ближе подошли к селению Теринаса, то заметили на крепостных стенах дозорных. Кулл с Мантисом и Сойан-Таном, ехавшие во главе войска, с каждым шагом ощущали нарастающую тревогу.

— Что-то неладно, — первым подал голос Кулл, озвучив терзавшее их всех предчувствие.

— Да... — Мантис поднял голову, глядя на свинцово-серые небеса, затем через реку посмотрел

рел на зиккурат, вознесший свою темную громаду над иссохшей степью. Он встретился взглядом с Сойан-Таном. Старец мрачно кивнул.

Когда они подъехали ближе к городским воротам, Кулл первым выехал вперед, дабы перемолвиться несколькими словами с дозорными на стене.

— Кто здесь? — выкрикнул тот. — Что это за войско?

— Я Кулл, атлант, — закричал в ответ воитель. — Вместе с наемником Мантисом мы уехали отсюда полтора месяца назад, дабы собрать войско... И теперь мы вернулись. Открывай ворота, солдат!

Тот застыл в нерешительности. Его товарищи также показались на стене.

— Проклятье, да откройте же ворота! — выкрикнул Кулл. Мантис подъехал к нему. — Нам нужно поговорить с Теринасом.

Несколько стражников спустились со стены. Последовала длительная пауза, и наконец, часовой вновь окликнул атланта:

— Ты со своим спутником можешь войти в город, а войско пусть подождет!

— Да что с вами стряслось? Мы привели эту армию в помощь Теринасу.

— Пусть подождут, Кулл, — неумолимо возразил часовой.

Атлант покосился на Мантиса. Тот не скрывал своей тревоги.

— Погоди немного, — промолвил юноша.

Он пустил свою лошадь в галоп и поскакал к

Сойан-Тану, которого окружали командиры отрядом. Перемолвившись с ними несколькими словами, Мантис вернулся. На сей раз Сойан-Тан шел рядом с ним.

— Откройте ворота! — окликнул часовых Мантис. — Мы войдем в город втроем.

Последовала короткая переключка на крепостной стене, и вскоре ворота распахнулись. Кулл, Мантис и Сойан-Тан двинулись вперед. Когда они вошли, наконец, внутрь, Кулл сурово обратился к стражникам:

— Да что с вами стряслось, безумцы? Наши люди устали и проголодались. Они ведь явились сюда, чтобы сражаться за Тери...

Он осекся, впервые за все время оглядевшись по сторонам. Площадь перед воротами была совершенно пуста. Кулл не видел нигде ни толпящихся солдат, ни горожан, ни даже домашних животных. С потеряннным видом бродило с десятков человек, не более того, — и они выглядели так, словно не знали, чем себя занять и потеряли всякий смысл в жизни. Внезапно под ветром взметнулась пыль, и ветер, дующий сквозь щели, не донес ни единого звука до ушей Кулла: город явно был пуст.

— Что здесь стряслось? — спросил одного из часовых Мантис.

— Смерть, — глаза солдата глубоко запали в глазницах. — Смерть.

— Колдовство? — воскликнул Кулл.

Тот пожал плечами.

— Наши люди начали гибнуть. Многие дезер-

тировали и сбежали. Крестьяне уезжали целыми семьями, уплывали вниз по реке. Животные умирают, и дети тоже. Мы были глупцами... Настоящими безумцами...

Кулл ощутил подступающий гнев.

— И как давно это началось?

— Несколько недель... Это началось несколько недель назад... Может быть, месяц. — Солдат петвердо держался на ногах. Похоже, даже поддерживать разговор требовало от него немалых усилий.

Кулл глубоко вздохнул.

— Отведи нас к Теринасу. Мы должны поговорить с ним. Немедленно.

— Он болен, — мрачно откликнулся стражник. — Теринас болен. Он тоже умирает.

— Будь ты проклят! — прорычал атлант. — Да ты мужчина или слабая баба? Там, на равнине, ждет целое войско, которое намерено обложить осадой зиккурат и уничтожить колдуна Тха-Бпара. Немедленно отведи нас к Теринасу, солдат!

Ничуть не впечатленный яростью атланта, стражник обернулся к одному из своих товарищей.

— Ну, так отведите их к Теринасу... — больше он не сказал ни единого слова.

У второго воина вид был столь же усталый и потрепанный, а на лице залегли глубокие тени. Он кивнул Куллу, Мантису и Соян-Тану, а затем развернулся и пошел через площадь к дороге, что вела к жилищу старейшины.

Кулл с Мантисом спенились, оставив своих лошадей на попечение стражников. Соян-Тан негромко промолвил, обращаясь к юноше:

— Зло, наконец, высвободилось и начало уничтожать эту землю. Мы должны поспешить. Возможно, мы уже опоздали...

Теринас оказался у себя дома, в комнате совета, — но он лежал в постели, хотя и не снимал кольчуги, — весь пылал от лихорадки. Под глазами у него были круги. В руках не осталось никакой силы, и пот заливал лицо.

В комнате царил полумрак, ибо фитили масляных ламп были притушены. В их свечении комната делалась похожей на склеп, напомнив Куллу те маленькие полуразрушенные разграбленные храмы, которые ему доводилось посетить за время бесконечных странствий, где старухи целыми днями напролет тщетно молились глухим богам или поминали давно упедших возлюбленных. Помимо самого Теринаса в комнате находилось немало его приспешников, и среди них — Соран, — но недоставало Актора и многих других.

При их появлении Соран поднялся и сделал шаг вперед, явно обрадовавшись увидеть старых друзей. Он с горячностью пожал руку Куллу, но атлант с огорчением отметил, что таинственная болезнь оставила печать и на челе его приятеля: вид у того был бледный и изможденный.

— Что здесь произошло? — спросил он встревоженно. — Теринас серьезно болен?

— Он умирает, — шепотом отозвался Соран.

— Мы все... умираем. — Он взглянул на Кулла, затем перевел взгляд на Мантиса и коротко кивнул Сойан-Тану. Кулл познакомил своих спутников с Сораном, затем спросил:

— И все же, что здесь стряслось? Это Тха-Бнар сотворил с вами такое?

Соран тяжело вздохнул.

— Спустя неделю, может, дней десять после вашего отъезда, настроение в селении переменилось. Люди сделались беспокойны и потребовали начать решительную атаку на зиккурат. Теринас не мог больше сдерживать их. Они выступили против его воли, во главе с Актором. Только несколько человек, включая меня самого, остались здесь, рядом с Теринасом. Осада длилась всего три дня; все поле было усеяно мертвецами. Погибли также по слухам, и многие колдуны Алого Солнца... Но нашим войскам так и не удалось захватить их твердыню, и остатки армии с позором откатились назад. В ту же ночь поднялся ветер... Сияющий ветер. Он принес смерть всем тем, кто был ослаблен или страдал от болезней. Никто не решался покинуть лагерь. Корабли с припасами так и не пришли по реке, но вниз по течению приплыли вздувшиеся трупы. Поднялась паника. Солдаты начали дезертировать. Безумие охватило их. Они принялись убивать друг друга. Понемногу все мы слегли с этой лихорадкой. Теринас пал ее жертвой одним из последних: гордыня и ярость помогали ему держаться на ногах дольше остальных... Но теперь занедужил и он. Усталость и осознание поражения, по-

хоже, лишь ускорят его гибель. Он сам желает себе смерти, дабы укрыться в объятиях милосердных богов.

Кулл покосился на старого вождя. Сперва ему показалось, что тот спит, но внезапно Теринас зашевелился и попытался приподнять голову.

— Голоса... — его собственный голос казался слабым и заметно дрожал.

Один из солдат склонился над ложем умирающего и прошептал ему на ухо:

— Атлант Кулл вернулся вместе с Мантисом и каким-то магом. Они вернулись, мой господин.

— Кулл? Атлант Кулл? — выдохнул Теринас, пытаясь сесть на постели.

Атлант приблизился, в то время как Теринасу помогли усесться и подложили под спину подушку.

— Это ты, Кулл? — прошептал деревенский старейшина.

— Да, это я. А со мной Мантис и Сойан-Тан — колдун, который знает, как одолеть Тха-Бнара.

— Одолеть... Тха-Бнара?

— И мы привели с собой целое войско, — поспешил добавить атлант. — Теринас, мы вернулись и привели с собой три тысячи наемников, которые готовы осадить храм и принести тебе голову Тха-Бнара.

— Войско...

Куллу невероятно тяжело было видеть этого гордого и сильного человека, разбитого болез-

нюю. Несомненно, здесь потрудились злое колдовство! Тха-Бнар ответит за это!

Гнев поднялся и заклокотал в его груди, и, внезапно выпрямившись, Кулл громко скомандовал:

— Вынесите его наружу! — велел он находившимся в комнате. — Поднимите Теринаса и вынесите его наружу!

Те возмущенно замахали руками.

— Нельзя этого делать, атлант. Он слишком слаб и слишком...

— А я говорю — поднимите его! Вынесите его наружу и пусть он увидит свое войско! — рявкнул Кулл. — Сделайте это немедленно, или я сам потащу его на себе!

Соратники Теринаса принялись спорить, но внезапно голос Сорана придал им решимости:

— Пусть наш вождь увидит свою армию, — приказал тот. — Неужто нам настолько не хватает преданности, что мы не готовы сделать для нашего господина даже такой малости?

Приближенные Теринаса, наконец, зашевелились, — и все же, несмотря на то, что их вождь был болен и очень истощен, они сами ослабли настолько, что понадобилось четыре человека, чтобы поднять старейшину с постели. Мантис с Куллом поспешили им на помощь, и вшестером они, наконец, вытащили Теринаса на улицу и отнесли его к городским воротам. Следом шли Сойан-Тан с Сораном. Оказавшись перед крепостной стеной, Кулл велел открыть ворота. Стражники вопросительно покосились на Сорана, по

тот кивнул в знак согласия, и вскоре ворота открылись.

Они вынесли Теринаса на равнину перед западной стеной города и наклонили носилки таким образом, чтобы он смог увидеть свое войско. Пыльный ветер с реки остудил разгоряченное лицо старейшины, принялся трепать покрывало, в которое тот был закутан.

Теринас взглянул на стройные шеренги воинов, пришедших служить ему, — наемников, разбойников, бездомных крестьян и искателей приключений. Сталь клинков блеснула в тусклом свете заката под низко нависшими свинцовыми тучами.

По щекам вождя покатились слезы.

Он сделал знак Куллу, и тот подошел ближе.

— Войско, — слабым голосом прошептал Теринас. — Но... я не смогу вести его в бой.

— Мы справимся с этим, Теринас, — заверил его атлант. — Эти люди будут сражаться за тебя изо всех сил.

Старейшина перевел взор на Мантиса, стоявшего рядом с Куллом.

— А ты нашел то оружие, какое искал? Оружие, с помощью которого... можно уничтожить Тха-Бнара?

Мантис кивнул.

— Я нашел этих наемников, Теринас... И колдовство. Я сам владею магией, я не говорил тебе об этом прежде. Мой отец был колдуном. Скажу лишь, что я уехал отсюда, дабы найти то, что принадлежало мне по праву рождения. Я добил-

ся своей цели. Тха-Бнар будет уничтожен, и твоя земля обретет свободу.

Теринас уронил голову на грудь.

— Я... верю тебе, — едва слышно промолвил он. — Я верю вам всем, и я знаю, что Тха-Бнар должен быть уничтожен.

Он протянул руку, и Кулл уверенно пожал ее. Теринас привлек атланта ближе, и тот склонил голову, поднеся ухо к губам старейшины.

— Я умираю, — прошептал Теринас. — Боль гнездится в моем теле. Я больше не мужчина, не военачальник... Я очень устал и желаю поскорее узреть своих богов и предков. Я не могу вести это войско. Я не оправдал надежд своего народа и своих собственных. Кулл... Я верю в тебя... Не подведи меня.

— Теринас, я...

— Не подведи, — взмолился он, изо всех сил сжимая руку атланта. — Послушай... — Он помолчал, внезапно застонал, тело его содрогнулось в конвульсиях, и он сцепил зубы от невыносимой боли. Затем старейшина припался хватать воздух ртом, и, когда наконец смог перевести дыхание, то вновь распахнул—повлажневшие от слез глаза и уставился на Кулла. Теперь во взоре его горел огонь, которого не было еще недавно, — но и этот огонь стремительно угасал.

— Веди их. Веди их в бой. Убей Тха-Бнара. — Теринас вновь застонал, со свистом втянул в себя воздух и заговорил уже медленнее, прерывающимся голосом: — Веди их, Кулл. Убей... — Его глаза распахнулись шире. — Мы не так дав-

но знакомы с тобой, атлант. Но я чую что-то странное в тебе! Я много думал о тебе, когда ты покинул лагерь. Не знаю, почему... — Он закашлялся, его вновь пробрала дрожь. — Ты старался среди нас, как обычный наемник... Но затем ушел и вернулся с целой армией... Ты якшаешься с колдунами... И способен вести за собой людей... — Внезапно Теринас застонал, и тело его содрогнулось с новой силой, когда боль вновь одолела его. — Боги... Боги! Я умираю, и я подвел свой народ! Мой долг... Теперь он лежит на тебе, атлант... Но кто ты такой... кто... ты такой?

Боль вновь нахлынула на него, и с внезапным усилием Теринас попытался сползти с носилок. Кулл вовремя перехватил его и вновь уложил, с тревогой глядя на исхудавшее изможденное лицо. Взметнувшийся ветер растрепал влажные от пота волосы. Рука, что по-прежнему сжимала руку атланта, расслабилась и упала; голова запрокинулась.

Кулл, помедлив немного, протянул руку и опустил веки Теринаса. Солдаты, державшие носилки, медленно опустили их на землю.

Обернувшись к Мантису, Кулл заметил, что юноша не скрывает своих слез.

Сойан-Тан сделал шаг вперед, опустил руку на неподвижную грудь Теринаса и торжественно произнес:

— Смертный человек, ступай теперь к своим богам и поведай им, чему ты научился в этой жизни. Ты больше не будешь знать боли. Да откроется духу твоему свет и добро! Вдохни же, о,

душа, и отправляйся к Единому, и знай, что ты — бесконечность в самой себе, и свобода — отныне твоя награда и обещание в грядущих жизнях. — Старец обернулся к Куллу. — Произнеси его имя.

Не совсем понимая, чего хочет маг, атлант повиновался:

— Терипас...

Теперь тот взглянул на Мантиса:

— Произнеси его имя, странник.

— Терипас...

К Сорану:

— Смертный, произнеси его имя.

— Терипас...

— Теперь он свободен. Пусть боги возрадуются ему, и душа его познает свет.

А Кулл, вспоминая последние слова умирающего вождя, с внезапной тревогой подумал: «Ты прав в своих сомнениях, Терипас. Кто же я такой? Кто же я такой?»

Наемная армия из трех тысяч клинков вошла в город Буганкад, названный так по имени своего вождя, и в этот вечер Кулл собрал их всех на главной площади. При свете сотен факелов он поднялся на наскоро сколоченный помост и, в сопровождении Мантиса и Сойан-Тана, обратился к воинам.

— Завтра утром мы двинемся войной на защитников зиккурата, — объявил он.

Затем вперед выступил старый маг и поведал воинам все, что знал о зиккурате, — о его устройстве и тайнах.

— Мы с Мантисом владеем магией, способной вам помочь, — промолвил он. — Но основная цель нашего колдовства — это уничтожить то зло, каким владеет Тха-Бнар, и которое таится на самой верхушке храма. Однако, для того, чтобы достичь Тха-Бнара, нам необходимы ваши мечи, которые проложат путь... Вы желаете денег? Золота и серебра? Все это имеется в храме, чьи богатства несметны, ибо их собирали на протяжении многих поколений жрецы и колдуны. Но вам предстоит сражаться против магии, и вы должны быть готовы нападать стремительно, не доверяясь никому. Тела павших следует сжигать или обезглавливать, дабы жрецы не смогли вернуть их к жизни.

— Мы должны будем разделиться, — заявил наемникам Кулл. — Нас будет четыре отряда. Поутру я объясню вам в подробностях план сражения, а сейчас отправляйтесь на отдых и готовьтесь выступать!

Атлант удалился в дом Териаса, взяв с собой четверых военных вождей, которых лично выбрал из рядов наемников. Вместе с ними и Сораном, Сойан-Таном и Мантисом, Кулл, используя древние пергаментные карты Териаса, начал планировать наступление.

Лишь к полуночи они, наконец, разошлись, чтобы передохнуть до рассвета и вступить в бой отдохнувшими и освеженными. Однако, даже когда его соратники разошлись, сам атлант не сразу отправился спать.

— Ты должен быть сильным, — ободряющим

тоном заметил ему Сойан-Тан. — Боги на твоей стороне, Кулл.

— В самом деле? — устало улыбнулся атлант. — Ну что ж... Полагаю, рано или поздно боги должны были решиться принять мою сторону. Так почему бы им не сделать этого сейчас?

Сойан-Тан удалился в свои покои, и Кулл проводил его взором, гадая, многие ли из их войска доживут до завтрашнего вечера.

Соран с улыбкой подошел к атланту и сжал его руку.

— Завтра я намерен...

— Нет, — покачал головой Кулл. — Ты не должен идти с нами. Кто-то обязан остаться здесь. Ты и твои люди слишком слабы и измучены болезнью. Ты уже сделал все, что мог. Не спорь со мной, Соран.

Тот с обидой взглянул на атланта.

— Осторожно со своими людьми тоже с нами, — сказал ему Кулл. — От них могут быть неприятности.

— Вот как? Тогда мне тем более стоит идти с нами.

— Нет, тогда тебе тем более следует остаться, друг мой. Прощу тебя.

Понимающе кивнув, тот слабо улыбнулся Куллу.

Атлант обернулся к Мантису.

— Может, нам стоит поутру отправить всадников, чтобы они привезли еще золота и серебра из пещеры твоего отца... на тот случай, если богатств зиккурата окажется недостаточно?

— В пещере множество ловушек и не все из них были обезврежены со смертью моего отца, — возразил юноша. — Лучше подождать и посмотреть, сколько наемников выживет...

Позже ночью, когда разошлись все остальные и Кулл с Мантисом остались наедине, тот спросил:

— А выживет ли хоть кто-то, Мантис?

— Да, — отозвался тот. — Некоторые уцелеют.

— А у тебя самого хватит ли сил уцелеть... и выдержать бой со злом, если Сойан-Тан оставит нас?

Тот мрачно взглянул на атланта и невесело усмехнулся.

— Такова моя судьба. Я выживу и исполню свой долг.

Тяжело вздохнув во тьме, Кулл негромко произнес:

— Кто же мы такие, Мантис? Среди всего этого, за гранью собственной жизни, кто мы такие?

Молчание длилось до бесконечности. Кулл внезапно ощутил печеловеческую усталость. Он уже сожалел, что затеял этот разговор. Ни о чем не хотелось больше думать. И все же какая-то неведомая сила словно подталкивала его, заставляя задавать вопросы. Внезапно он осознал, что Мантис начал говорить:

— Мы существуем вечно. Если однажды ты осознаешь, Кулл, что мы — лишь иллюзии собственного сознания, тогда ты осознаешь и нашу вечную природу. Все, что случилось в прошлом,

и что случится в будущем, это лишь наши грезы. Самосознание — это просто дар, которого мы можем лишиться. В неверном свете этого сознания мы способны разглядеть лишь немного. Однако, познав силу собственных грез, мы познаем и иллюзорность всего мира, увидим, что это лишь один аспект, куда более величественный, всеобъемлющий и вечной Реальности, и твоя вера, твой дух будут куда сильнее, чем самое могущественное черное колдовство.

Кулл устало покачал головой.

— Слова, — проронил он, не понимая или отказываясь понимать.

— Истина, — возразил Мантис. — Истина. Ты это знаешь. Иначе ты был сам не смог прожить на свете так долго.

— Слова...

— Истина. Однажды ты поймешь это, Кулл.

Но теперь было уже слишком поздно, и они оба умирали от усталости... А через несколько часов им надлежало идти в бой, из которого ни один мог не вернуться живым.

Глава 9

Битва за зиккурат

Рассвет начался с пронзительного вопля. Кулл, которому за ночь удалось поспать лишь пару часов, находился на главной площади в тот миг, когда услышал этот крик. Тотчас заспанные наемники, которые несли дозор на стенах, загомонили в удивлении и начали указывать куда-то за реку. Мгновенно насторожившись, атлант бросился к лестнице, что вела на крепостную стену. Внизу пробудившиеся ото сна люди выглядывали в окна и двери домов, торопились на площадь, на ходу натягивая одежду.

— В чем тут дело? Что стряслось?

Крик слышался откуда-то издалека, но он был слишком громким, чтобы так мог вопить обычный человек.

— Проклятье! Что еще задумали эти ублюдки?

Внезапно послышался новый крик, а за ним — и третий. Голос явно принадлежал человеку, но был чудовищным образом усилен. Со стены, где находился Кулл, источник воплей был ясно различим, — сероватое с красным облако, стремительно несущееся по направлению к деревне от зиккурата. Истошные, полные невыразимой муки вопли доносились именно оттуда.

Возможно, их издавала та тень внутри... ибо когда облако приблизилось, — слишком быстро для обычной тучи, — наблюдатели смогли разглядеть в недрах его какую-то судорожно мечущуюся тень, имевшую человеческие очертания...

— Валка и Хотат! — негромко выругался Кулл. — Похоже, у этой мерзости внутри человек.

Он поспешно развернулся, заслышав чьи-то шаги, уже готовый схватиться за меч и дать отпор, но с облегчением расслабился, увидев, что это всего лишь Мантис. Юноша не обратил на атланта внимания и не сводил взора с приближающегося облака.

Когда колдовское творение приблизилось, оказалось, что оно довольно больших размеров, и отбрасывает тень на серые поля и холодные воды реки, на настил моста и дорогу... Внешне облако было похоже на огромный клоч морской пены, слишком тяжелый, чтобы удерживаться в воздухе. Несомненно, внутри его был человек, и именно его отчаянные вопли, усиленные каким-то колдовским способом так взбудоражили весь город.

До боли выворачивая шеи, Кулл с Мантисом обернулись вслед облаку, когда то медленно пролетело у них над головами, а затем остановилось и зависло в воздухе прямо над главной городской площадью. К тому времени там уже собралось несколько сотен человек; когда тень облака нависла над ними, они в страхе принялись разбегаться. Теперь уже ясно была различима человеческая фигура внутри облака, размером превосходившего самые большие строения деревни. Это был молодой человек в полном вооружении, доспехах, с коротко подстриженной бородкой. Он отчаянно барахтался в красноватой бурлящей пене, словно добыча охотника на вертеле над огнем.

— Помогите! — выкрикнул он, отчаянно размахивая руками в розовом тумане.

Затем он издал громкий бессловесный вопль.

От этого звука у Кулла кровь застыла в жилах. Серовато-розовая пена потемнела, наливаясь алым. Зрители внизу взвыли от ужаса, когда на землю потекли тонкие ручейки крови. Затем кровь внезапно хлынула во все стороны, разбрызгиваясь на землю, на кирпичные стены, на деревянные двери и крыши, крытые тростником.

«Помогите!»

Кулл до боли стиснул рукоять меча, ненавидя себя за беспомощность.

— Дай мне крылья! — прошептал он в отчаянии, обращаясь то ли к богам, то ли к демонам. — Дай мне крылья и позволь отомстить...

Внезапно облако рассеялось под легчайшим напором ветра, словно облачко благовонного дыма. Несчастная жертва застонала в последний раз и рухнула вниз головой прямо на землю. Было слышно, как хрустнули его кости...

Кулл ринулся вниз по ступеням, расталкивая наемников и жителей селения, и вскоре оказался перед трупом, который лежал на земле бесформенной грудой плоти, от которой в стороны расползались ручейки крови, скапливаясь в небольших лужицах. Все уставились на атланта. Подняв глаза, тот обнаружил поодаль Сойан-Тана, — а рядом с ним Сорана, который весь дрожал от слабости и беспомощной ярости, опираясь на высокий посох.

Соран со слезами на глазах посмотрел на атланта.

— Это был один из нас, — с печалью промолвил он.

Наемники ворчали и перешептывались, глядя на труп несчастного. Обведя их взглядом, Кулл прочел в их душах первые проявления страха, — ужаса перед нечистой смертью, перед гибельным колдовством.

Но Мантис, оказавшийся рядом с атлантом, невозмутимо подал голос:

— Они не понимают... не осознают, что предупреждения, подобные сегодняшнему, не способны запугать нас, но лишь придают нам решимости.

Кулл взглянул на далекие небеса, и волчья усмешка скривила его губы.

— Тогда надо заставить этих ублюдков понять, — яростно воскликнул он. — Все эти богами проклятые жрецы, что прячутся в зиккурате, скоро поймут, кто мы такие, с кем они связались. Клянусь рогами Хотат, мы порубим их на куски и отправим в преисподнюю их гнилые душопки!

Он помолчал, чтобы отдышаться, поражаясь гневу, охватившему его. Неужто безумие действует и на него самого? Но даже если и так, нелепость, бессмысленность и жестокость, — и беспощадное презрение, которое явили жрецы храма, убив таким образом этого несчастного воина, — ранили его в самое сердце, подобно отравленному кинжалу. — Мы заставим этих ублюдков понять, — повторил он вновь и двинулся прочь.

Мантис проводил взглядом атланта, затем переглянулся с Сойан-Таном.

— Звезда, — пробормотал старый маг. — Даже теперь она пожирает нас... Во имя всех богов, я надеюсь, что та ненависть, которую та вызывает своим воздействием, вскоре обернется против нее самой!

* * *

Кулл ехал во главе первого отряда, когда войско, наконец, двинулось через поля, залитые утренним серым туманом. Некоторое время все четыре отряда ехали вместе, но теперь они уже понемногу начали рассредоточиваться. У каждого было собственное задание, и каждый из них

вели сильные, достойные командиры. Они не станут пытаться скрыть свои намерения: два отряда должны были атаковать основание цитадели, а два других — верхние уровни со склона горы; но сейчас они просто ехали вперед, и каждый шаг неумолимо приближал их к битве, к колдовству, крови и смерти...

— Убивайте, — таков был последний приказ Кулла. — Всех и все, что вы увидите... Если вы не можете это опознать — убейте его. Я хочу, чтобы вы залили кровью этот проклятый богами зиккурат и прикончили всех до единого колдунов и жрецов.

Сойан-Тан, впервые за все время севший в седло, ехал рядом с Мантисом, у Кулла за спиной.

За ними, на некотором расстоянии от магов в темных одеяниях, скакали наемники шеренгами по двадцать человек, — это были немногословные закаленные воины, пылавшие ненавистью, жадой крови и богатой добычи. Недобрая магия этого места подействовала уже и на них, лишь усиливая природную ярость.

«Убивайте! Убивайте всех и все, что встретится вам на пути... Убивайте!»

Уже в дороге Сойан-Тан с Мантисом принялись читать какие-то странные заклинания и совершать загадочные пассы руками. Кулл сперва ничего не заметил, покуда их монотонное бормотание не привлекло внимания атланта. Он развернулся в седле; поскрипывание кожи, лязг доспехов далеко разнеслись в прохладном утрен-

нем безмолвию. Атлант вопросительно покосился на Мантиса.

Тот смотрел на Кулла, — точнее, *сквозь* него, словно не сознавая присутствия друга рядом с собой, — и продолжил свое монотонное бормотание и непонятные жесты.

Внезапно Кулл ощутил, как перед ним поднимается ветер.

Ветер становился все сильнее, приобретая ураганную силу. Он дул уже словно со всех сторон разом, но не касался атланта; он словно гнал перед собой длинную стену пыли, мертвой травы, каких-то опметков и мусора, — перед Куллом и его войском. Это было нечто вроде ширмы, щита, призванного скрыть их приближение от наблюдателей в зиккурате. Пыль и сухая трава не задела ни одного из тысяч наемников; но прежде чем отряд Кулла разошелся с тремя остальными, пылевая стена изогнулась полукругом, окружила каждый отряд по отдельности и вновь двинулась вперед. Сквозь пыль, затрудняющую обзор, атлант видел перед собой массивные стены и ярусы зиккурата. Теперь они уже подобралась совсем близко, — миновали линию укреплений и траншей, возведенную войсками Теринаса. Стук копыт лошадей гулко отдавался на протоптанных дорожках; сейчас даже свист колдовского ветра был приятнее уху, чем эта мертвешная тишина.

Они подъехали ближе, и Кулл уже вознамерился обернуться и попросить Сойан-Тана с Мантисом убрать пылевой щит, чтобы наемни-

ки могли собрать лестницы и прочие инструменты, а также оружие, разбросанное по полю там, где его бросили солдаты Териныаса, — стены зиккурата казались теперь еще массивнее и угрожающе нависали над головой; показался и старый проход, проделанный во внешней стене цитадели, — как внезапно земля затряслась у них под ногами.

Кулл подумал сперва, что это виноват ветер или просто движение лошади.

Но нет, земля и впрямь содрогнулась.

И тут же откуда-то слева донесся истошный крик. Лопади в панике заржали. Сквозь пелену пыли атлант с трудом разглядел какие-то тени. Там люди взлетали прямо в воздух, лошади вставали на дыбы и испуганно пятились, — а сама земля стеной вставала перед ними.

— Валка и Хотат! — рывком выхватив меч из ножен, атлант приготовился к бою. Темная тень нависла над ним.

— Уйми ветер! — выкрикнул Сойан-Тан Мантису, вскидывая руки.

Пыль поемногу улеглась. Когда же, наконец, защитный покров исчез, Кулл и его наемники увидели, как перед входом и по бокам зиккурата огромной дугой выстроились... гиганты.

Земляные великаны — мощные, созданные из глины чудовища, размером превосходящие человека в несколько раз, — на глазах у них возникали прямо из почвы, отрачивая грубые подобию голов и конечностей, оставляя позади себя в земле глубокие котловины и неумолимым ша-

гом устремляясь прямо на воинов, стремясь растоптать их или раздавить мощными дланями.

— Сойан-Тан! Мантис! — закричал Кулл, в то время как до ушей его доносились все новые панические вопли перепуганных солдат. — Все назад! Слушайте меня! Держите построение! *Назад!*

Он сам едва не вылетел из седла, когда земля внезапно содрогнулась прямо под ним. Отчаянно пытаясь удержать поводья и успокоить лошадь, Кулл увидел, как прямо перед ним земля вновь встала стеной, отбрасывая на людей черную тень. Вместе с этой стеной в воздух взметнулось не меньше трех десятков наемников на лошадях, которые затем рухнули на своих товарищей. Отовсюду слышались крики боли, лязг доспехов, треск ломающихся костей.

Развернув коня, Кулл искал взглядом двоих магов.

— Сделайте же что-нибудь! — выкрикнул он.

Сойан-Тан с Мантисом спешили. Под изумленным взглядом атланта они невозмутимо собирали небольшие пригоршни земли и давили их в ладонях, словно им никакого дела не было до чудовищ, резвившихся вокруг. Затем Мантис, пока Сойан-Тан рассыпал на землю какой-то порошок, взял из колчана стрелу, снял с седла лук и нагнулся ближе к своему наставнику.

Вопли, рев, шум взрывающейся земли сделались оглушительными. Кулл вновь едва не вылетел из седла; его лошадь отчаянно пыталась удержаться на ногах. Всадник спешил, чувствуя себя увереннее на своих двоих. Вокруг тес-

нились люди и животные, которые окончательно утратили рассудок и власть над собой. Насколько мог видеть Кулл, воины не только утратили построение, но и неспособны были слышать голос командиров. Лишь отряд, который шел точнее всех, оказался не затронут этим новым колдовством, и теперь эти наемники пытались навести порядок и помочь своим товарищам. Но земля вновь и вновь вздымалась гигантскими волнами, всякий раз погребая по несколько дюжин человек и вселяя панику в души тех, кому чудом удалось спастись. Мечи, клинки и палицы были совершенно бесполезны. Земляные чудовища уже топорщились сталью, подобно уродливым гигантским ежам, но все удары смертных противников не наносили им ни малейшего ущерба.

Кулл устремил взор на зиккурат. В высоком окне на третьем уровне он заметил несколько фигур, возможно, с полдюжины жрецов в синих одеяниях, столпившихся вокруг высокого худого мужчины в черном балахоне.

— Тха-Бнар?

Несмотря на то, что земля по-прежнему ходила ходуном и отовсюду слышались крики, столь громкие, что способны были, казалось, оглушить самих богов, Кулл подбежал к лучнику, стоявшему рядом и прорычал, перекрывая общий шум:

— Целься в тех ублюдков в проеме... В того, что посередине!

Что-то пробурчав в знак согласия, наемник

взял лук наизготовку, положил стрелу на тетиву, натянул ее, затаил дыхание на долю мгновения, выжидая, пока земля под ногами слегка успокоится, прицелился и выстрелил. Стрела устремилась вперед, но на подлете к цели на глазах у атланта порыв ветра отбросил ее в сторону.

Ветер стремительно набирал силу, и через несколько мгновений Кулл, Мантис, Сойан-Тан и их войско насквозь промокли под ливнем необычайной силы, — именно этого и добивались оба мага: земляные великаны Тха-Бнара под таким напором воды не смогли сохранить свою форму и медленно обрушились, превратившись в кучи глины и грязи. Все, что осталось от них — это обломки клинков и древка стрел, торчащие из бесформенных холмиков земли.

Наемники торжествующе загомонили. Кулл, откинув назад влажные волосы, с облегчением улыбнулся Сойан-Тану и юному волшебнику.

— Вперед! — закричал он, когда стихли раскаты грома и вопли солдат. — Пора захватить этот проклятый храм!

Мантис поспешил за ним, а чуть поодаль последовал и Сойан-Тан. Через раскисшую от дождя равнину, атлант повел свое войско прямо ко входу в зиккурат.

— Сюда! — велел он своим людям. — Все за мной!

Едва лишь первые из атакующих ворвались в проход, там появились какие-то тени, и Кулл выхватил меч, чтобы оказать врагу достойный отпор.

* * *

Мертвецы — трупы солдат — охраняли вход в зиккурат. Все те наемники и воины Теринаса, которые были смертельно ранены или нашли свою смерть в стенах цитадели Тха-Бнара во время последнего натиска, теперь ждали их здесь, вернувшись к жизни с помощью черного колдовства. Именно они составили вторую линию защиты храма против Кулла и его воинов.

— Рубите их на куски! — выкрикнул атлант, чтобы его слышали все. — Рубите их на куски, иначе они не остановятся!

Ему на подмогу бросились наемники, и Кулл устремился к первому из оживших мертвецов, ожидавшему в тени стен зиккурата.

Ему уже приходилось сражаться с такими и прежде, — здесь, в пирамиде, и на болотах ведьмы Илиссы. Эти омерзительные создания с их неловкими движениями и запахом смерти внушали атланту отвращение. Их глаза были пусты, и противника они находили с помощью колдовского чутья. Но Куллу они не внушали страха, ибо он знал, что эти создания являют из себя, и теперь думал лишь о том, как разделаться с ними окончательно и вырвать из-под власти злой воли Тха-Бнара.

Первого из нападавших атлант с легкостью обезглавил, сознавая, что лишь обездвигивает мертвую плоть, а не убивает ее, ибо убить мертвеца невозможно. Ожившие трупы больше не имели ничего общего с той душой, которой дава-

ли пристанище при жизни, — это Кулл понял много лет назад на собственном тяжком опыте. Но атлант прекрасно сознавал, что многие наемники не будут столь отважны и беспощадны и сперва не осмелятся рубить тела тех, кто при жизни был их боевыми товарищами... Миг колебания мог погубить их всех.

— Рубите их на части! — выкрикнул он наемникам, что толпились у него за спиной. — Это не люди! Колдуны украли их души! Рубите их! Если они убьют вас, то вы станете такими же, как они!

Это устрашающее предупреждение подействовало, и наемники безжалостно перешли в атаку, но мертвецы все прибывали и прибывали, — их были десятки и сотни, — и Кулл начал понимать отчаяние Теринаса, который оставил столько своих людей в стенах храма и не добился никакого успеха. Он резал, рубил и колол мертвецов, пронзал клинком вздувшиеся животы, отрубал ухмыляющиеся головы, крошил черепа с пустыми желтыми глазами, пляшущимися в пустоту. Один за другим обездвигивал этих посланцев смерти, ощущая все большее отвращение и отчаяние по мере того, как враги накатывали волна за волной.

— Их становится меньше! — выкрикнул он, наконец. — Все в атаку! Мы должны пропикнуть внутрь! Мантис... Сойан-Тан... Сделайте же хоть что-нибудь!

Колдуны тоже оказались пойманы в водоворот движущихся трупов и сверкающих клинков.

Мантис также обнажил меч и уже разделался с несколькими нападавшими, но Сойан-Тап держался чуть поодаль, а затем вновь выступил вперед, когда Кулл со своим отрядом постепенно начал пробиваться в первые залы зиккурата.

Однако, по мере того, как они прокладывали себе путь внутрь, они вскоре лишились всякого освещения, ибо факелы, что использовали люди Теринаса, давным-давно погасли. Кулл ощутил приступ паники.

— Факелы! — крикнул он своим наемникам. — Принесите сюда свет... Пока мы не начали убивать друг друга в темноте!

Тут же его приказ был исполнен, и при свете факелов атлант обнаружил, что они уничтожили почти всех оживших мертвецов. Тяжело дыша, Кулл крепче ухватил меч и двинулся дальше. Вот последний из оживших трупов приблизился к нему. Атлант яростно атаковал; отсеченная голова покатила по полу, и тело рухнуло наземь.

— Сюда! — донесся звучный голос одного из солдат, и в этот миг ослепительный свет наполнил помещение.

Последовали другие частые вспышки, и вот уже множество факелов зажглись над головами у наемников.

Теперь Кулл понял, что этот небольшой зал, где они сейчас находились, был ему хорошо знаком. Вместе с Мантисом они проходили здесь множество раз, когда были наемниками в войске Теринаса. Прежде здесь было что-то вроде комнат отдыха для солдат; здесь пахло потом

и вином, слышались шутки, ругань и грубый смех бойцов. Теперь столы были перевернуты, скамьи разбиты вдребезги, и повсюду валялись трупы...

Вздохнув поглубже, несмотря на висящее в воздухе зловоние, Кулл протянул руку, и кто-то тотчас вручил ему факел, после чего атлант безмолвно двинулся вперед, через проход, что вел дальше по коридору, в недра первого яруса храма. За спиной атланта шагал Мантис, еще несколько самых отважных наемников и Сойан-Тап. Остальная часть отряда следовала чуть поодаль за своими вождями, стараясь справиться с одолевавшим их страхом.

Факел бросал золотистые отблески на пол и на стены, ясно указывая путь. Эта дорога была хорошо знакома Куллу; вместе с боевыми товарищами он сражался здесь, пядь за пядью отвоевая пространство у порождений мрака. Теперь путь был свободен, и они шагали вперед без всяких помех. Но именно это и казалось атланту подозрительным.

За поворотом коридора, где он некогда сражался с первым из оживших мертвецов и уничтожил колдуна, Кулл поднял факел повыше и замедлил шаг, — он заглянул за угол и застыл с мечом в руке, готовый ко всему.

Путь был свободен.

— Проклятье! — пробормотал атлант себе под нос. — Держись поближе, Мантис. Мне все это не по душе.

С этими словами он двинулся по боковому

проходу, очень медленно и осторожно, а по пятам за ним, встревоженно оглядываясь по сторонам, последовали и остальные бойцы отряда. Царила мертвая тишина. В свете факела виднелись лишь голые стены коридора и стальная дверь, которая сейчас оказалась открытой.

— Это какая-то ловушка, — пробурчал Кулл. — Держитесь начеку и откройте глаза пошире... Колдуны явно задумали что-то недоброе.

Они миновали железную дверь и двинулись дальше по коридору, ступая очень медленно, прислушиваясь, наблюдая...

Еще один коридор, — а затем, где-то далеко впереди, мелькнула тень.

— Осторожно, — прошептал Мантис.

Несмотря на его предупреждение, Кулл ускорила шаг, ибо ему не терпелось, наконец, вступить в бой с противником, которого можно было увидеть. Он поднял факел повыше, готовясь обнаружить перед собой новых мертвецов или демонов, или...

Нет... лишь одинокая фигура в длинном одеянии.

Он был далеко от них, в конце узкого коридора, такого длинного, что уходил, должно быть, в самое сердце зиккурата, и даже в недра горы. Жрец прятался в тени, а за ним царил сплошной мрак. Но он не произнес ни звука, не шевельнулся... не двинулся вперед и не отступил. Кулл бегом устремился к нему. Мантис успел лишь выкрикнуть вслед:

— Будь осторожен!

— Безумцы! — донесся внезапный вопль, многократно отразившийся от стен.

Теперь Кулл и его воины смогли как следует разглядеть незнакомца: это был рослый худощавый мужчина в синем одеянии, который загораживал своим телом выход из коридора, который вел в обширное открытое пространство у него за спиной.

Метнув на противников яростный взгляд, колдун раскинул руки, ладонями упираясь в стены по обе стороны прохода.

— Безумцы! Безумцы! Вы сами решили свою судьбу!

С этими словами он напряг распростертые руки, вжимая пальцы в камень стен. Наемники принялись негромко ругаться и встревоженно ворчать, когда внезапно заскрежетали камни, со всех сторон полетела пыль и скалы содрогнулись.

— Проклятье! — выругался Кулл. — Он хочет обрушить...

Откуда-то сверху полетели мелкие камешки. Послышался громкий треск, а затем ужасающий грохот и скрежет тяжелых камней.

Проход словно выгибался, и стены раздавались под натиском одинокого колдуна, обладавшего нечеловеческой силой. Трещины над головой у наемников расширялись и огромные обломки скалы полетели на головы наемников, столпившихся в проходе.

— Безумцы! Безумцы! Теперь вы все умрете! — выкрикнул колдун. Глаза его вспыхнули желтым

светом, и он с еще большей силой налег на стены.

Послышался немыслимый грохот. Покосившись назад, Кулл увидел, как огромная каменная плита, оторвавшись от потолка, рухнула прямо на головы солдат.

— Будь ты проклят! — зарычал он, устремляясь к колдуну.

— Кулл! — завопил Мантис. — Мы можем...

Но атлант понимал, что времени нет. Мантис не успеет призвать на помощь свои способности, а Сойан-Тан — протолкаться через толпу наемников и прийти ему на помощь. Кулл оказался один на один с колдуном, вооруженный лишь мечом и факелом.

— Безумцы! Безумцы!

— Умри, змеиное отродье! — выкрикнул атлант и изо всех сил швырнул вперед пылающий факел.

Колдун что-то завопил на неведомом языке, убрал руки от стен и торопливо принялся совершать какие-то пассы. Факел ударился прямо в него и взорвался волной столь ослепительного света, что атланту на миг пришлось зажмуриться. Когда сияние угасло, он вновь открыл глаза, ожидая увидеть на месте колдуна лишь горстку пепла.

Но тот по-прежнему стоял на месте, окруженный ореолом мерцающего огня, — словно пламя факела превратилось в щит, окруживший жреца. Но, по крайней мере, больше он не пытался обрушить на них своды храма.

— Будь проклят! — проревел Кулл, задыхаясь. — Будь проклят вовеки!

Он нагнулся, выхватил нож из-за голенища сапога, вскинул руку для броска...

И вдруг кто-то с силой ухватил его за запястье. С яростным рыком атлант обернулся рывком, — и уставился в глаза Мантиса.

— Это бесполезно, — заявил тот негромким голосом. — Лучше дай его мне.

Озадаченный, Кулл кивнул. Мантис взял у него нож, затем неспешно направился по коридору прямо к колдуну.

Жрец наблюдал за ним с презрительной усмешкой, как видно, считая юного воина, что приближался к нему, сущим безумцем.

Мантис застыл в нескольких пядях от сверкающего кокона, окутывавшего фигуру колдуна. Ощущая его жар на своей коже, юноша уставился магу прямо в глаза и, держа кинжал Кулла на вытянутой руке, нацелил острие прямо в лоб врагу.

Улыбка стерлась с лица колдуна; похоже, ему необходимо было сосредоточиться. Затем огненный щит сделался еще ярче и вспыхнул, едва не касаясь доспехов Мантиса.

Юноша не шелохнулся. Он по-прежнему смотрел на жреца... И самодовольная ухмылка окончательно сошла у того с лица.

— Ты назвал нас безумцами, — прошептал ему Мантис, — но безумец здесь — это ты. Взгляни мне в глаза. Я сын Темного Одрата, и я несу тебе его проклятье тысячи смертей.

Жрец раскрыл рот, чтобы закричать, но в тот же миг Мантис разжал пальцы. Кинжал устремился вперед и по самую рукоять вонзился в лоб мага, пронзив и огненный кокон, и лобную кость.

Маг рухнул на землю и сияние, окружавшее его, тут же исчезло. Несколько мгновений он бился в судорогах на каменных плитах, а затем обмяк, и синеватое сияние изшло от мертвого тела.

С ничего не выражающим лицом Мантис отвернулся и обнаружил, что Сойан-Тан, наконец, протолкался через толпу наемников и стоит теперь рядом с Куллом.

— Теперь мы можем идти дальше, — заявил он. — Следуйте за мной...

* * *

Как теперь обнаружил атлант, коридор вывел их в огромный белый зал, — чудовищно огромный и освещенный слепящим странным светом, исходившим от неведомого источника. Высоко над головой, если смотреть из центра этого просторного белого помещения, можно было увидеть каменные мосты. Они выгибались дугой, пересекались уровень за уровнем, — двадцать или тридцать мостов, соединявших каждый ярус зиккурата и тянувшихся в недостижимую высоту к удаленным черным проходам, ведущим в загадочные области внутри горы.

Мантис указал куда-то вверх.

— Вот там... — Кулл понял, что юноша говорит о самом высоком из мостов. — Там путь на верхний ярус храма. Наверняка, звезда спрятана где-то там.

Кулл направился было к краю бесконечного белого зала, — но Мантис удержал его.

— Нет, здесь все не так, как кажется. — Он сам пошел вперед, лишь на миг обернувшись к Куллу, Сойан-Тану и сопровождавшим их наемникам, а затем простер руку вперед. Кулак его с силой ударился в некую незримую преграду, — и мгновенно белоснежный мерцающий пол исчез.

Кулл взревел от изумления. Наемники застыли, и по их рядам прокатилась волна недоуменных возгласов и ругательств. Силой магии Мантис уничтожил иллюзию, и теперь они видели перед собой не бесконечную белую равнину, но колодец, — огромный зияющий провал, протянувшийся перед ними, чьи дальние края терялись во мраке за клубящимся туманом и поднимающимися столбами дыма.

Узкие алые языки пламени лизали стены пропасти, дно которой невозможно было разглядеть.

Кулл подошел взглянуть поближе. Мантис протянул руку, предупреждая друга об опасности; и верно, атлант вскоре ощутил настоятельное желание пройти еще немного дальше... несмотря на то, что зрительная иллюзия рассеялась, колдовство все равно осталось достаточно сильным и могло погубить неосторожного гос-

тя, заставив его самому прыгнуть в огненную бездну.

— Там глубоко, — предупредил его Мантис. — Возможно, у этого провала вообще нет дна. Он уходит в бесконечность за гранью времени и пространства. Это дыра между мирами, созданная волей Тха-Бнара и энергией звезды. Если человек вдохнет испарения, исходящие оттуда, то может лишиться рассудка. Нам следует поскорее убраться отсюда!

Кулл нахмурил брови.

— Тогда как же нам попасть... туда? — острием клинка он указал на основание первого из черных каменных мостов.

— Да, разумеется, — кивнул Мантис и ткнул пальцем куда-то вдаль. — Лестница.

Кулл взглянул в ту сторону и обнаружил каменную лестницу, высеченную прямо в толще скал, что изгибалась и вела куда-то вверх, прямо к мосту, выгибающемуся высоко над бездонным провалом.

Атлант обернулся к наемникам.

— Вперед! К лестнице! — выкрикнул он. — Выше голову! Поднимаемся! И убивайте всех, кто встретится вам на пути!

Глава 10

Смерть на вершине

Рогда Кулл устремился вверх по первому из лестничных пролетов, до него внезапно донеслись звуки битвы. В удивлении он застыл на месте и устремил взор к одному из широких мостов, высившихся высоко над головой, и там увидел своих наемников, — должно быть, из тех двух отрядов, что должны были напасть на зиккурат со склона горы. Именно эти войска ворвались сейчас сюда, и теперь они теснили на верхних мостах, окружавших бездонный провал, целую толпу колдунов и оживших трупов. Лязг мечей и воинственные крики казались отдаленными и приглушенными в этой бескрайней пещере.

Битва наемников против колдунов продолжалась, и Кулл видел, как вниз, кружась, падают и исчезают в дымящихся глубинах бездны отсеченные головы, конечности, мертвые тела и бро-

пенные клинки, — все то, что перелетев через ограждения, теперь становилось добычей пропасти. Столь ужасна была подобная судьба для любого человека, что Кулл невольно уцепился за поручни лестницы и вновь уставился вверх.

— Смерть вам! Смерть! — донеслись до него далекие вопли наемников, которые без устали работали мечами, уничтожая своих врагов. Все больше воинов и колдунов с отчаянными воплями падали вниз с мостов и исчезали в бездне.

— Кляпсуь рогами Хотат, — пробормотал Мантис.

Кулл успел заметить, как валится вниз голова и отсеченное по грудь тело колдуна с окровавленными остатками одежды, — и тут же мимо пролетела нижняя часть туловища, разбрасывая кровавые внутренности... Вместе они обрушились в дымящуюся преисподнюю.

Атлант бросился вверх по лестнице. За ним по пятам следовали Мантис с Сойан-Таном и ошкетинившиеся клинками наемники. Достигнув первого уровня, они не встретили никакого сопротивления; то же самое было на втором и на третьем ярусе. У них ныли ноги и сердца бешено стучали от усталости, но на каждом новом этаже они обнаруживали лишь ничем не защищенный проход и торопились выше, на помощь к своим товарищам, что вели отчаянный бой на верхних мостах, — тогда как внизу, в пропасти, пламя сделалось ярче и даже туман приобрел алый оттенок свежей крови. На миг Куллу почудилось, что среди огня и дыма он видит ка-

ких-то странных существ, — огромные янтарные глаза, гигантские щупальца, широкие крылья... То были порождения самой преисподней.

Четвертый уровень, а затем и пятый... К тому времени, как Кулл достиг шестого, он начал задыхаться. Мантис оказался рядом, и дальше они побежали бок о бок. На шестом уровне им впервые довелось вступить в бой против колдунов. Те с устрашающими завываниями ринулись на новых врагов. Кулл, Мантис, Сойан-Тан и дюжина вовремя подоспевших наемников, были уже наготове. Отбив первую атаку, они предоставили воинам, наступающим снизу, разбираться с этим противником, а сами бросились еще выше, к седьмому ярусу. Солдаты их отряда с честью выполнили задачу, оттесняя жрецов как можно дальше от лестницы и давая Куллу и его спутникам возможность беспрепятственно подняться выше.

Восьмой уровень... Девятый... Здесь атланта встретила целая толпа оживших мертвецов, толпившихся на площадке. Мгновенно сосредоточившись и глотнув воздуха, он устремился вперед, снес голову первому труп, второму отсек руку и перебросил их обоих через ограждение, прямо в пропасть. По пятам за Куллом уже спешили наемники, которые с радостными воплями кинулись в атаку, готовые сразиться со знакомым и понятным врагом. Они своими клинками косили оживших мертвецов, точно сорную траву, рассекая трупы на части, пока не разрубили всех на мелкие куски и не сбросили их в бездну.

— Наверх! — выкрикнул Кулл. — Наверх!

Легкие его горели огнем, но он все так же быстро бежал по ступеням. Сойан-Тан, несмотря на свои преклонные годы, прекрасно поспевал за атлантом. Казалось, он скользит, не касаясь ногами земли; в глазах горел неугасимый огонь. Его сила и выносливость восхищали Кулла, но он понимал, что причиной тому — какое-то колдовство.

Десятый уровень. Там оказалось трое колдунов, которых явно удивило появление Кулла и его спутников. Мантис мгновенно выхватил лук и, оказавшись на площадке, тут же спустил тетиву. Стрела вонзилась прямо в глаз одному из магов, и острое вышло прямо из затылка. Оперение стрелы еще подрагивало, когда жрец, перевалившись через ограждение, с отчаянным воплем полетел вниз.

Его собраты угрожающе вскинули руки, готовясь прочесть какое-то заклинание. Кулл бросился на них с мечом в руках, — но как ни удивительно, Сойан-Тан оказался перед ним, на бегу извлекая из складок своего одеяния какой-то плоский маленький камешек с высеченными на нем символами. Его он швырнул в сторону колдунов. Те отпрянули, когда камушек, кружась, завис в воздухе и исторг из себя дюжину сияющих щупалец. В следующее мгновение щупальца эти обхватили магов, подняли их в воздух и швырнули через ограду; их крики еще долго доносились до Кулла и его наемников, постепенно делаясь все тише и тише. Тут же сверкающий

шарик со щупальцами исчез, и на ступени лестницы упал маленький плоский камешек, который Сойан-Тан подобрал с невозмутимым видом.

Одиннадцатый ярус. Двенадцатый, тринадцатый... На каждой площадке теперь появлялись жрецы и ожившие трупы, и Кулл отдавал своим людям приказ расправиться с ними. Поэтому численность его отряда постепенно редела, но они с Мантисом и Сойан-Таном по-прежнему продолжали восхождение.

— Дверь, ведущая в главный храм! — воскликнул Мантис, указывая вперед, когда они поднялись на четырнадцатый ярус.

Вход оказался прямо над ними, всего двумя лестницами выше. На первый взгляд, его никто не охранял...

— Быстрее! — выкрикнул Кулл, оглядываясь назад.

Теперь их сопровождало совсем немного наемников. Большинство остались сражаться с трупами и колдунами на мостах. Должно быть, многие уже расстались с жизнью. Потери, наверняка, будут очень велики.

Пятнадцатый уровень, — и шеренга воинов грозного вида надвинулась на них со стороны моста. Семь храмовых жрецов в темных одеяниях, которые на вид казались куда старше и суровее, чем те, в синих одеждах, что защищали нижние этажи.

— Дальше вы не пройдете! — выкрикнул один, вскинув руки. Тут же над его ладонями возникло голубое сияние.

Стрела, выпущенная Мантисом, вонзилась ему прямо в грудь. С яростным воплем маг замертво рухнул на каменные плиты. Синеватое сияние исчезло.

Но шестеро оставшихся взяли за руки и что-то запели в унисон. Вновь возникло голубое свечение, — угрожающее, словно молния, набирающая силу для удара. Мантис вновь натянул тетиву, а Сойан-Тан извлек из рукава небольшой каменный сосуд, который швырнул на пол перед магами. Сосуд разбился и из него потянулся дымок, а затем, пролетев сквозь дым, к жрецам устремилась новая стрела, выпущенная Мантисом.

Стрела изменилась под действием магии Сойан-Тана, превратившись в ослепительный сгусток какой-то загадочной субстанции.

— А теперь навстречу! — Мантис подтолкнул Кулла вперед, и закричал наемщикам: — Быстрее! Пошевеливайтесь!

Уже на середине лестницы атлант обернулся. Сгусток превратился в сияющую ленту, окружившую шестерых жрецов. Они изо всех сил пытались сопротивляться, но голубое сияние сжималось и понемногу угасало, соприкасаясь со сверкающей полосой магии Мантиса. Топот раздался у Кулла за спиной: это нагоняли его наемники, но он был так зачарован открывавшимся внизу зрелищем, что позволил им пробежать мимо, а сам остался наблюдать за происходящим.

Мантис вскинул голову.

— Торопись! Мы с Сойан-Таном удержим их. Ты должен добраться в главный храм!

Но в тот самый миг, когда Кулл повернулся, чтобы последовать за своими воинами, он вдруг услышал возглас Сойан-Тана:

— Мантис! Помоги!.. Они слишком сильны!

Кулл с тревогой увидел, как синее сияние жрецов начало отталкивать сияющую ленту.

Старый маг вскинул перед собой руки, и его тут же окутала мерцающая дымка. Мантис бросился на помощь Сойан-Тану... Но опоздал всего лишь на миг.

Сойан-Тан закричал. Синее свечение, окружавшее шестерых жрецов, внезапно разорвало сверкающую ленту в клочья, и, подобно щупальцам, потянулось к лицу Сойан-Тана. Мантис схватил за плечи старого мага, и огненная лента вновь сомкнулась вокруг колдунов; синее сияние приугасло, а маги, теряя силы, начали сползать на каменные плиты. Они гибли один за другим и там, где огненная лента касалась обнаженной плоти, оставались пурпурные следы. Вот уже их осталось пятеро... четверо... трое...

Однако, должно быть, оглушенный потерей жизненных сил, которые он отдал в помощь Сойан-Тану, Мантис внезапно отступил на шаг от старого мага и зашатался, словно теряя сознание. В этот самый миг самый крепкий из шестерых в последней отчаянной попытке спастись завопил, словно безумный, и прорвался сквозь преграду.

Однако, огненная лента хлестнула его по ли-

цу, ослепляя колдуна; и вот он уже из человека превратился в шагающий труп, ибо плоть оплавилась у него на черепе, а затем и все тело его обратилось в прах и от жреца остался лишь один ходячий остов, который теперь шел с чудовищной ухмылкой растопырив обуглившиеся пальцы...

И все же он шел, поддерживаемый остатками колдовской воли... Шел прямо к Мантису.

С отчаянным воплем Кулл бросился вниз по лестнице с мечом в руке. Сойан-Тан, изможденный, рухнул на колени.

Мертвый колдун напал на все еще оглушенного усталостью Мантиса; костлявая рука пробила кольчугу и погрузилась прямо в сердце юноши. Тот закричал. В воздухе чувствовался запах обуглившейся плоти.

Кулл уже бежал по площадке, замахиваясь клинком.

— Умри! Умри! *Умри!* — прорычал он.

Меч его отсек кисть колдуна, сталь зашипела и задымилась, коснувшись костей; ударив плашмя, атлант сбросил мертвеца с парапета прямо в пустоту.

Мантис рухнул навзничь. Там, где мертвая рука коснулась его груди, остался ужасающий обугленный отпечаток, окруженный оплавившимися кольцами кольчуги. Кулл опустился на колени. Сойан-Тан, слегка придя в себя, подполз к ним ближе.

Старый маг уставился в глаза Мантиса.

— Боги! Боги! — выругался он. — Это ка-

кая-то ошибка, такого не должно было случиться, судьба не могла...

— Мантис! — окликнул юношу Кулл.

Со стоном тот распахнул глаза, но когда попытался вдохнуть, то сморщился от ужасной боли, и слезы покатались у него по щекам. Черная кровь, перемешанная с пеплом, сочилась из-под порванной кольчуги. В мешанине обуглившейся плоти виднелось два белых ребра.

— Валка! — выдохнул Кулл. — Сойан-Тан, спаси его!

Но старец лишь взглянул на атланта и на глазах его выступили слезы.

— Валка, — вновь повторил Кулл.

Поднявшись на ноги, он огляделся по сторонам. Трое солдат еще дожидались на лестнице; они видели и слышали все, что произошло, и теперь ждали приказов своего предводителя.

Кулл взглянул на них, затем на огромный темный проход над головой. Там заканчивались и лестница, и последний мост.

Он взглянул на Сойан-Тана.

— Там еще есть какие-то залы?

Старец кивнул.

— Мы должны перенести его туда.

— Кулл, но Тха-Бнар и звезда...

Атлант отвернулся и подозвал наемников.

— Пойдемте, мы должны перенести его наверх.

Втроем они поднимали Мантиса, стараясь действовать как можно бережнее, но юноша все же

застонал, и из ужасающей раны вновь потекла кровь.

— Наверх! — велел наемникам Кулл.

Те осторожно начали подниматься по ступеням. Атлант и Сойан-Тан последовали за ними. На верхней площадке за проходом обнаружился коридор, что простирался к самой вершине зиккурата. Каменная кладка здесь казалась совсем свежей. Кулл пошел первым, приблизился к одной из дверей в стене коридора и толкнул ее.

Дверь распахнулась. Атлант заглянул внутрь. Самая обычная комната — кровать, стол, стулья, книжные полки... Жилище жреца.

— Сюда.

Они внесли Мантиса внутрь и уложили его на постель. Сойан-Тан не последовал за ними, но остался на страже в дверях. Не сводя взора со стонущего Мантиса, Кулл велел наемникам:

— Зажгите факел!

Один из них подошел к стене, высек искру и вставил горящий факел в кольцо. Желтоватые отблески легли на бледное лицо Мантиса.

— А теперь ступайте, — негромко велел своим людям Кулл. И, увидев, что те медлят в дверях, повысил голос: — Ступайте прочь! Оставьте меня с ним!

Наемники, наконец, повиновались, и Кулл, дождавшись, пока они выйдут за порог, закрыл за ними дверь. Затем, вложив меч в ножны, он опустился на колени рядом со смертным ложем Мантиса.

Этот юноша, с которым он познакомился не

столь давно, неожиданно стал очень близок атланту.

Не просто друг, но младший брат, о котором он готов был заботиться...

До этого момента Кулл и сам не подозревал, насколько привязался к молодому магу.

А теперь Мантис умирал.

Даже бездонная бездна, разверзшаяся внизу пещеры, не была глубже, чем скорбь, объявшая атланта в этот миг.

Кулл приблизился ближе, опуская на щеке слабое дыхание Мантиса.

— Мантис...

Юноша слабо шевельнулся, пытаясь отыскать руку Кулла. Тот ободряюще стиснул его пальцы.

— Ты не умрешь, Мантис, клянусь тебе, ты не умрешь!

Юноша сжал руку атланта, сперва очень слабо, но затем чуть сильнее. Он, наконец, открыл глаза и взглянул тому прямо в лицо.

— Не пытайся меня утешить, — прохрипел он. — Я знаю, что скоро умру.

— Мантис, лежи спокойно. Наши наемники скоро захватят весь зиккурат. Они одолеют Тха-Бнара. Я приведу сюда Сойан-Тана, он поможет, он излечит тебя...

— Никто не может меня излечить. Я умираю, Кулл, и я хочу умереть. Разве ты этого не понимаешь, разве ты не можешь поверить? Я не могу жить дальше...

— Прекрати, дружище! Я понимаю, что тебе больно, но Сойан-Тан сможет...

— Я *хочу* умереть, Кулл. Я должен умереть... Это из-за моего отца... У меня нет другого выхода...

— Не говори глупостей!

— Я несу зло и боль всем, кто меня окружает. Я сын колдуна и...

Кулл вскинул голову. Серые глаза его засверкали.

— Не смей так говорить, мой друг! Человек сам решает, кем он станет. Кем бы ни был твой отец, *ты* был отличным воином и верным другом. В тебе нет никакого зла! Не смей думать, будто на тебе лежит какое-то проклятье!

Юноша растерянно заморгал.

— Но я чувствую... этот гнет... мой проклятый дар...

Кулл печально покачал головой.

— Это бремя ты сам взвалил на себя, друг мой. Никакого проклятия не существует. Ты был тем, кем ты был, — отважным, благородным человеком. Таким мы запомним тебя навсегда!

Губы Мантиса дрогнули и неожиданно растянулись в улыбке.

— Как хорошо... Свет...

Пальцы его внезапно обмякли в руке Кулла.

— Нет! — вскричал атлант. — *Нет!*

Он вскочил, чувствуя, как вместе с жизнью, покидающей тело его друга, что-то рвется в его собственной душе... Нечто важное уходит... уходит навсегда, оставляя позади себя холодную пустоту...

И нечто чуждое с жадностью пожирало его горечь и боль...

— Нет! — в ярости выкрикнул атлант, хватаясь за меч. — Меня ты не получишь!

Мгновенно ледяная бездна отступила, и странное ощущение исчезло.

И все же по-прежнему Кулл чувствовал, что нечто ужасное таится внутри зиккурата, в любой миг готовое впитать в себя его страх и отчаяние...

— Я отправлю тебя в преисподнюю! — прорычал он, обращаясь в пустоту. — Берегись! Я приду за тобой, подлая тварь!

Затем он вновь опустился на колени рядом с неподвижным телом Мантиса и, помедлив мгновение, протянул руку, опустив веки юноши.

Внезапно синеватый свет заполнил комнату.

Синеватый свет.

Растерянно заморгав, атлант поднял глаза и увидел все то же загадочное создание, не мужчину и не женщину, ставшую для него за эти годы воплощением таинственной Судьбы.

— Валка и Хотат!

— Ты сам творишь свою судьбу, Кулл.

— Во имя всех богов, что...

— *Не зывай ни к кому, кроме себя самого. Не ищи никого, кроме себя. Не останавливай ту силу, что толкает тебя вперед. Ты сам правишь своей судьбой, Кулл, сын Атлантиды.*

Кулл откинулся назад, не поднимаясь с колен, и сейчас в душе его вспыхнул гнев: ибо это предсказание означало для него судьбу, полную

крови и колдовства, ужасающего одиночества и без малейшей награды в конце пути.

— Во имя Валки! — выкрикнул он. — Скажи мне, кто ты такой и почему преследуешь меня?

— Ты сам выбираешь себе дорогу, как и она выбирает тебя. Ты сам — собственный путь, Кулл, сын Атлантиды. Ты — и выбор пути.

— Скажи мне, кто!..

Синеватое сияние внезапно вспыхнуло еще ярче, и Куллу пришлось отвести глаза. Он смолк, ощущая нечеловеческую усталость. Гнев и чувство утраты одолевали его. Безмолвно и безучастно слушал он слова пророчества, но думал лишь об одном: «Почему я должен был узнать все это? Большинство людей умирают в блаженном неведении, и потому до последнего часа могут сохранить надежду».

— Ты сам — собственная судьба, Кулл, сын Атлантиды. Ты вложил в свой клинок свою силу и душу, но у тебя есть нечто большее. Ты — это ты сам, не проклинай богов за тот путь, который выбрал для себя, сын Атлантиды. Ты ступил на него очень давно и никогда не сойдешь с этого пути.

Синеватый свет исчез, и Кулл остался один в полутемной комнате, где на постели лежал труп его друга, освещенный тусклым светом единственного факела.

— О, боги! Боги! А ведь, кажется, Соран говорил ему: «Я устал всегда оказываться тем, кто остался в живых...»

— Не проклинай богов за тот путь, что ты выбрал для себя, сын Атлантиды!..

— О, боги! Валка, помоги мне!

— Ты сам — своя собственная судьба, Кулл. Ты сам... И никто более не вправе решать за тебя!

* * *

Ему показалось, что он ощущает в этот миг необъятное напряженное безмолвие Сущего, — а затем внезапно послышался стук в дверь.

Усталый и опустошенный, Кулл поднялся с места, подошел к двери, поднял щеколду и отступил на шаг.

Дверь распахнулась, и на пороге появился Сойан-Тан. Он вошел внутрь, не сводя взора с распростертого на постели тела Мантиса.

— Он мертв? — шепотом спросил колдун.

— Мертв... И он был моим другом.

Сойан-Тан окинул атланта взглядом, полным сочувствия.

— Тогда ты отомстишь за него.

Несколько томительно долгих мгновений маг и воин смотрели друг на друга, затем Кулл склонил голову. Легонько коснувшись его руки, Сойан-Тан мягким голосом промолвил:

— Мы еще не добрались до главного храма. Тха-Бнар там, он все еще жив. Возьми пепел Одрата, прошу тебя, Кулл.

Без единого слова атлант развернулся, подошел к постели, склонился над неподвижным телом Мантиса, и в складках порванной одежды нащупал кожаный мешочек, висевший на поясе, где хранился прах сгоревшего колдуна.

В последний раз он взглянул на упокоенное в смерти лицо Мантиса.

— Я отомщу! — эти слова прозвучали негромко, но в них была уверенность и сила, с которой ничто не могло сравниться.

Кулл опустился на колени и поднял с пола свой меч. Мешочек с пеплом Одрата он прицепил себе на пояс.

Сойан-Тан отворил дверь. Там, снаружи, толпились наемники, усталые, потрепанные в бою, они все же были готовы идти за Куллом, куда тот поведет их.

Выйдя к ним, атлант обвел взглядом свой отряд, радуясь, что столь многие смогли уцелеть после битвы на лестнице, и столь многие последовали за ним так далеко. Несмотря на горечь, поселившуюся в душе, сейчас он испытал прилив гордости.

Истинный воин и полководец, даже скорбя по погибшему товарищу, он в душе грезил о новых битвах, принимал смерть как должное, ибо эта гостья рано или поздно являлась к любому из них... Но человек, пока он жив, обязан сражаться! И атлант был рад, что по-прежнему может держать в руке меч, вести за собой в битву славных бойцов — и уничтожать ненавистных врагов.

Обернувшись к Сойан-Тану, Кулл хмуро заявил:

— Даже если это станет моей погибелью, я все равно отомщу за своего друга.

— Мантис не должен был умереть, — старый

маг потряс головой. — Это было мое время, а не его. Звезды не предсказывали подобного печального конца. Над ним словно бы довлело какое-то проклятие, которое и навлекло злой рок.

— Проклятие... — взгляд серых глаз Кулла сделался ледяным. — Илисса...

Затем он шагнул вперед. Наемники расступились, пропуская его. Кулл повел свой отряд дальше по коридору, в главный храм зиккурата, в поисках колдуна Тха-Бнара и зловещей небесной звезды.

Глава 11

Тха-Бнар

На полпути по коридору, что вел от огромной пещеры к храму, они наткнулись на целую гору трупов, — изрубленных и обгоревших. Впрочем, здесь были не только трупы. Глаза еще слабо блестели в полумраке, подергивались конечности, дрожали липкие измазанные кровью пальцы... Нахмурившись, Кулл взирал на эти тела, устилавшие проход от стены до стены. По одежде и оружию он признал в них пиктов Остора.

Должно быть, главарь отправился сюда вместе со своим отрядом в надежде первым разграбить главный храм, покуда все остальные наемники сражались со жрецами на мостах, — но наткнулся на неодолимую преграду из стали и огненного колдовства. Среди мертвецов виднелось и несколько магов в синих балахонах.

Кулл осторожно начал пробираться по тру-

пам, как вдруг кто-то негромко окликнул его по имени. Вздвигнув, он обернулся, пытаясь в этих человеческих останках отыскать уцелевших, и обнаружил сурового воина в кольчуге и кожаных доспехах, для которого, похоже, даже перед смертью было важнее заговорить с атлантом, нежели препоручить богам свою душу.

— Кулл... атлант...

Запрокинутое лицо было все в крови, сочившейся из носа и изо рта, пятнавшей бороду и длинные усы. Пикт был без шлема, и в длинных спутанных волосах была копоть.

— Кулл...

Атлант узнал Остора, главаря разбойников, который сейчас умирал на полу колдовской цитадели, утратив вмиг всю свою дерзость и надменность, а также былую воинственность.

— Остор, — обратился к нему Кулл. — Почему вы не подождали остальных?

— С каким... с каким безумием мы сражались, — пробормотал пикт, и глаза его подернулись туманной пеленой. — Ты завел нас в самую преисподнюю. Все мои люди мертвы. Огненные молнии... Синий дым... Порождения ада... Такого просто не может быть... Я умираю посреди кошмара... Да проклянут тебя боги!

— Ты глупец, — прорычал Кулл. — Ты просто желал заполучить всю добычу для себя одного.

— Никакого золота нет, — выдохнул Остор, — и никогда не было. Есть только смерть... и огонь... и эти чудовища в человеческом обличье.

— Ты глупец, Остор, и ты умрешь глупой смертью. Виной всему твоя собственная алчность.

— Я... я угодил в ловушку. Ты привел меня... к гибели.

— Ты сам стал причиной собственной гибели, безумец. Ты называл себя главарем отряда, но не мог даже управлять самим собой. Ты пытался обмануть всех нас.

— Ты мне солгал. Здесь нет... никаких сокровищ.

Кулл пожал плечами.

— Откуда тебе это знать? Проклятые жрецы могут прятать несметные богатства в своих подвалах, хотя что до меня, то пусть подавятся им в аду!..

— Атлант... Ты безумен!

— А ты глупец. — Кулл отвернулся.

— Убей меня, убей, — сдавленно прошептал Остор, охваченный предсмертными судорогами. — Убей меня... Я не хочу... умирать от руки колдуна...

Атлант рывкнул в ответ:

— А какая разница, Остор? Ты жил грабедом... Сотни невинных людей ты лишил крова и нажитого имущества. Ты будешь гореть в преисподней до конца света, — все равно убью я тебя сейчас или нет.

Пикт закрыл глаза. Лицо его исказилось от боли. Он содрогнулся в последний раз... и затих.

Кулл сумрачно взглянул на мертвеца, гадая, что заставило его проявить такое жестокосердие

по отношению к умирающему врагу, даже столь жестокому и недостойному, как Остор? Неужто безумие звезды воздействует и на него тоже? Тогда пора скорее заканчивать здесь все и убираться как можно дальше: ведь Мантис обещал, что некоторые из них переживут эту битву. Кулл твердо рассчитывал быть среди этих уцелевших.

Отвернувшись от Остора, атлант вновь начал осторожно перебираться через трупы, — и вновь застыл на полушаге. Девять жрецов в синих одеяниях внезапно выросли прямо перед ним. Бледнокожие, бритоголовые, они стояли неподвижно, глядя на Кулла своими желтыми глазами.

Тот нахмурился, не спуская взгляда с врагов и готовый в любой миг отразить нападение или самому перейти в атаку при первом же признаке враждебности.

Но колдуны стояли, не шелохнувшись. Затем один из них негромко спросил:

— Это ты привел сюда войско?

Немного помолчав, Кулл отозвался:

— Да, я.

— Тогда мы хотим поговорить с тобой.

— Говорите. Или делайте все, что вам угодно. Это ничего не изменит. Вы все умрете.

— Но мы не хотим умирать ни от твоей руки, ни от Тха-Бнара. Точно так же, как и ты сам не желаешь погибнуть, что неминуемо случится, если ты осмелишься напасть на нас. Пусть все закончится миром.

— В какие игры вы играете? — прорычал

Кулл. Перебираясь через трупы, к нему подошел Сойан-Тан и встал за плечом у воителя.

— Никаких игр, — заверил атланта бритоголовый жрец. — Если вы поможете нам уничтожить Тха-Бнара, то мы защитим вас от его колдовства.

— Это какая-то ловушка! — рявкнул Кулл.

Сойан-Тан негромко шепнул ему на ухо:

— Думаю, что нет.

— Дайте клятву, что поможете нам, — промолвил другой жрец. Мы не причиним вам никакого вреда.

— Сотни и тысячи наших наемников пали от клинков и огня, — напомнил ему Кулл. — Они нашли свою кончину в бездне или под действием ваших чар...

— Мы могли бы уничтожить вас еще на равнине, если бы не были столь слабы. Но Тха-Бнар отнял всю нашу энергию... А также большую часть вашей собственной.

Глаза атланта блеснули, ноздри его затрепетали.

Сойан-Тан негромко промолвил:

— Это правда. В камне и впрямь заключен *азар алазват* — Пожиратель Боли, который живет и насыщается, впитывая энергию живых существ. Если бы он не отнимал силу у этих жрецов, то мы никогда не смогли бы приблизиться к храму. Нашей решимости не хватило бы, чтобы одолеть их колдовство.

— Но разве твоя магия, Сойан-Тан... и Манти-са...

— Этого было бы недостаточно. Они слишком сильны. Я сразу понял, что часть их силы уходит совсем на другое.

— Так, значит, все было фальшивкой с самого начала?!

Один из жрецов возразил:

— Никакой фальшивки. Наши силы и впрямь уменьшены, атлант. Тха-Бнар и его Ажар Алазват крадут нашу энергию. Верховный магистр алчет безграничной власти. Он уничтожает сам себя. Мы больше не желаем служить ему... И готовы помочь вам, если вы готовы прийти нам на помощь.

— Нам от вас ничего не нужно, — возразил Кулл. — У нас есть оружие.

Колдун ответил не сразу; двое собратьев подошли к нему, и вместе они принялись взволнованно перешептываться. Из-за спины у Кулла донеслись злобные выкрики наемников:

— Прикончить их!

— Нечего терять время!

— Прирежем этих ублюдков!

Наконец, старший колдун вновь обратился к атланту:

— Каким оружием вы располагаете?

Кулл не хотел отвечать, но Сойан-Тан сделал это за него:

— У нас пепел колдуна Одрата, чьего сына погубил один из ваших собратьев.

Жрец уважительно кивнул. На остальных слова Сойан-Тана также, похоже, произвели впечатление.

— Вы уничтожили Одрата и собрали его прах?

— Я сделал это, — подтвердил Кулл.

Старший жрец склонил голову.

— Возможно, это и впрямь поможет вам уничтожить Тха-Бнара. Пропну вас... помогите нам сейчас. Времени осталось совсем немного. Тха-Бнар и Азар Алазват сражаются между собой.

— Сражаются? — изумился Кулл. — Не понимаю. Как может?..

— Это длится уже довольно давно. Пожиратель Боли намерен уничтожить Тха-Бнара и вернуться к себе на небеса. Вы должны дать ему такую возможность.

Кулл не скрывал недоумения.

— Сойан-Тан, — обратился он к магу, — возможно ли такое?

Тот с серьезным видом кивнул.

— А если так, то, значит, звезда не признает над собой никаких хозяев. Тха-Бнар обнаружил *азар алазват*, когда тот был сильно ослаблен и пленил его с помощью магии, но теперь тот значительно окреп. Спустя десять лет борьбы он может оказаться настолько силен, что похитит жизненную силу Тха-Бнара и, наконец, вырвется из-под его власти. Долгие годы небесный посланец вытягивал силу у всего живого в этом храме и с окрестных земель, чтобы, наконец, разделаться с верховным жрецом.

Бритоголовый кивнул.

— Ты говоришь истину, старец. Подобно то-

му, как были ослаблены и подверглись разрушению ваши земли, то же самое произошло с нашими жизнями и душами. У нас почти не осталось сил. *Азар алазват* пожирает нас...

— Довольно! — выкрикнул вдруг один из жрецов. — Они не согласятся! Мы не сможем вернуться без запиты... мы обречены! Я не желаю для себя такой смерти!

Отступив на шаг от своих собратьев, он выхватил из-за пояса кинжал, вонзил его себе в живот и бросился ничком на каменные плиты пола.

Кулл с изумленным возгласом бросился к нему, перевернул жреца на спину. Никакого обмана... Острие кинжала глубоко вошло в плоть. Жрец был мертв.

— Боги... — выдохнул атлант.

— Мы не позволим вам уничтожить нас, — заявил первый жрец. — Но точно так же мы не желаем, чтобы Тха-Бнар или Пожиратель Боли украл наши души. Мы убьем вас и закончим с собой, если только вы не согласитесь помочь нам победить Тха-Бнара и освободить *азар алазват*. Это наша единственная надежда.

Кулл задумался.

— Если вы не согласитесь, — напомнил ему жрец, — то очень скоро звезда высвободит всю свою энергию, чтобы уничтожить Тха-Бнара... И для нее не будет иметь никакого значения, если вместе с этим она уничтожит и весь мир. Тогда никто из нас не спасется.

— Ты теряешь время, атлант! — выкрикнул

другой жрец. — Ты принесешь погибель нам всем!

А из рядов наемников донесся вопль:

— К демонам все их фокусы! Убить этих негодяев, вот что я говорю! Перебить их всех!

Тут же кто-то метнул нож в колдунов. Тот пролетел мимо и со звоном упал на каменный пол, но жрецы, нахмурившись, отпрянули, а двое или трое из них тут же вскинули руки, готовясь совершить какие-то колдовские пассы.

Однако, Сойан-Тан опередил их всех. Подняв руку, дабы защититься от магии жрецов Тха-Бнара, он гневно выпалил:

— Будь ты проклят, несчастный глупец! — взглядом он уперся в наемника, метнувшего нож и громко затянул: — *Элиазу инаму!*...

Наемник издал истошный вопль, когда волосы внезапно вспыхнули у него на голове. Он метался по сторонам, пока кто-то из перепуганных товарищей не догадался набросить на него плащ и погасить огонь. Когда он выполз из-под накидки, то все увидели, что пострадала лишь его шевелюра... и гордость. Притихший, он убрался в задние ряды, провожаемый тычками и насмешками прочих наемников.

— Глупцы! — выкрикнул Сойан-Тан, затем, обернувшись к Куллу, продолжил с той же яростью, но лишь слегка понизив голос: — Я готов сражаться бок о бок с тобой, атлант, но теперь наша тактика должна измениться. Сейчас самое важное — это уничтожить *азар алазват*. Прими помощь храмовых жрецов... или я покину тебя.

Кулл взглянул в глаза старца, в которых сейчас не осталось и следа былой мягкости и снисходительности. Сойан-Тан смотрел твердо и безжалостно.

— Я не уверен... — задумчиво пробормотал Кулл. Он слишком сильно ненавидел колдунов и, в особенности, этих ублюдков из зиккурата, чтобы вот так, в одночасье, довериться им.

Но старец сурово перебил его:

— У нас не осталось времени на споры. Я читаю в душах этих людей и вижу, что они говорят правду. Поверь им, атлант, поверь *мне*.

Помедлив еще мгновение, Кулл, наконец, кивнул. Перешагнув через последние трупы, он протянул руку, чтобы помочь Сойан-Тану. Обращаясь к наемникам, он выкрикнул:

— Вы можете идти за нами... или умрете от колдовства, как эти люди.

Наемники с сомнением заворчали, но доверие к своему предводителю было сильнее страха и сомнений. Они последовали за Куллом. Последним шел наемник с обгоревшими волосами, который смущенно тер лицо грязной рукой, размазывая по нему копоть и пепел.

Приблизившись к колдунам, Кулл заметил внезапно, что все они довольно молоды. Старший попросил атланта:

— Ты позволишь мне прикоснуться к праху Одрата?

Кулл молча снял с пояса кожаный мешочек и протянул его жрецу.

Тот не дотронулся до этого подношения, но

лишь протянул руку раскрытой ладонью вперед, словно пытаясь ощутить некие эманации силы или тепло, почувствовать которое атлант был не в состоянии. Затем он поднял глаза и кивнул.

— Пойдемте быстрее.

Они заторопились дальше по коридору, и вскоре оказались у дверей со створками из черного дерева, украшенного бронзой, золотом и серебром. Колдуны молча прошли внутрь. За ними двинулись Кулл с Сойан-Таном, а также несколько самых отважных наемников. Все прочие остались дожидаться снаружи.

Впрочем, они и не смогли бы вместиться в храме, ибо зал оказался не столь уж велик. Оказавшись внутри, жрецы тотчас отступили к стене и впервые взору Кулла предстал магистр Тха-Бнар, — звезду он пока еще не мог разглядеть.

Верховный жрец находился посреди зала и восседал на каменном алтаре, прижимаясь к гигантскому железному обелиску в человеческий рост высотой, который возвышался на каменном основании. Вокруг, у подножия алтаря, повсюду, лежали тела жрецов в длинных одеяниях. Их кожа блестела и казалась полупрозрачной, так что под ней виднелись мерно пульсирующие органы и кровеносные сосуды.

— Пресвятые боги! — изумленно выдохнул Кулл.

— Их души принадлежат Тха-Бнару, — громко пояснил ему Сойан-Тан. — Он питается их силой, покуда тела медленно истощаются и

гибнут. Во имя неба! Сколько же несчастных уже напpli здесь свой конец?

— Многие сотни, — откликнулся стоявший рядом жрец. — Мы все были глупцами. Мы находили ему жертв повсюду, заманивали их в храм или приводили сюда силой. И даже вскрывали древние гробницы в основании зиккурата, чтобы вызвать души покойников и скормить их Тха-Бнару и *азар алазвату*. И все это лишь для того, чтобы они уничтожили нас самих...

Взглянув на Тха-Бнара, атлант внезапно осознал, что тот совершенно безумен. Казалось, он не слышит и не видит ничего, что происходит вокруг, либо не считает нужным обращать на это внимания. Он восседал на алтаре и взирал на собравшихся вокруг людей, словно это были подданные, явившиеся на поклон к своему владыке.

— Я свободен! — внезапно завопил он и разразился пронзительным хохотом. — Свободен! — внезапно гнев исказил его лицо, и он рявкнул:

— *Вы* не можете убить меня! Я свободен! Меня нельзя уничтожить, я пребуду вовеки! Ничтожества, призраки... Убирайтесь прочь!

Он широко взмахнул рукой. Кулл невольно напрягся, ожидая взрыва смертоносной магии, но длань колдуна даже не всколыхнула воздух. Однако же, люди, лежавшие на полу, эти несчастные жертвы с полупрозрачной блестящей кожей, неожиданно застопали в один голос.

Атлант содрогнулся. Да, Тха-Бнар был безумен; и к тому же омерзителен на вид, — гряз-

ный, в зловонных одеждах, которые, похоже, не менял уже много лет. Раздвоенная борода была засаленной и спутанной, зубы — желтые и гнилые; от кожи исходило странное мертвенное сияние. На пальцах виднелись темные потеки засохшей крови и такие же пятна были у него вокруг носа и глаз.

— Свободен! — прокудахтал он, по-птичьи вертя головой во все стороны. — Свободен, свободен, свободен — во веки веков!

Жрец в синем балахоне обернулся к атланту.

— У нас осталось совсем немного времени, — промолвил он. — Отдай мне пепел Одрата.

Потрясенный всем этим омерзительным зрелищем, Кулл без единого слова вновь снял с пояса кожаный мешочек и протянул его магу.

Тот развязал тесемки, заглянул внутрь, шепотом произнес какую-то молитву, а затем передал мешочек по кругу своим собратьям.

Поочередно кивая, те повторили молитву.

Затем старший колдун затянул какое-то песнопение, которое тут же подхватили остальные жрецы, и начал медленно обходить по кругу каменный алтарь и полупрозрачные тела, с каждым шагом роняя на пол тоненькую струйку пепла. Заметив, что происходит, Тха-Бнар взбеленился и принялся истошно вопить, но, похоже, он был слишком слаб или болен, чтобы даже сползти со своего престола. Остальные маги также подошли к алтарю и встали прямо за линией, начертанной пеплом.

Когда круг замкнулся, он начал светиться, и

Тха-Бнар взвыл нечеловеческим голосом, побелевшими пальцами цепляясь за железный обелиск. На губах его выступила пена. Он бормотал нечто нечленораздельное... Изумленный, потрясенный, Кулл наблюдал затем, как сплетается колдовская паутина. Тха-Бнар оказался пленен магией праха Одрата и отчаянной решимостью взбунтовавшихся жрецов, и теперь ему ничего не оставалось, кроме как визжать и завывать в яростном отчаянии... покуда смерть, наконец, не забрала его.

Он умирал медленно и страшно.

Мерцающая кожа вздулась огромными волдырями, которые принялись взрываться, извергая потоки крови, имевшей странный цвет и отвратительный запах. На глазах у атланта черты его лица исказились, а затем словно бы начали расплываться.

— Я свободен, свободен! — завывал он. — Владыка вечности!

Зловонный дым вырвался у него изо рта; голос больше не напоминал человеческий. Пение жрецов делалось все громче и громче, переходя в визг и вой по мере того, как фигура Тха-Бнара окончательно лишалась человеческих очертаний.

— Свободен! — это прозвучало не громче хриплого шепота.

Наконец, от Тха-Бнара осталась лишь лужица слизи на поверхности алтаря, которая, пузырясь, медленно перетекла через край и закапала на каменные плиты пола. Несчастные, замученные

жертвы у подножия алтаря в последний раз содрогнулись и, закатив незрячие глаза, умерли один за другим, радуясь милосердному освобождению.

Перепуганные наемники в проходе начали тесниться, отступая обратно в коридор. Зрелище гибели Тха-Бнара внушило им такой ужас, что они больше ничего не желали видеть. К тому же в этом храме явно не было никакого золота...

По крайней мере, они знали наверняка, что главный колдун мертв, а добычу можно поискать и в другом месте... Обернувшись к Куллу, Сойан-Тан напряженным голосом прошептал:

— Нам лучше уйти отсюда...

Однако, Кулл не сводил мрачного взгляда с железного обелиска.

— Сойан-Тан, что там такое?

— Нет, нет, Кулл... Некоторые тайны лучше оставить неразгаданными. Уйдем отсюда, пока весь этот зиккурат не...

— Что это за обелиск, Сойан-Тан? Это?..

— Кулл! — он с неожиданной силой ухватил атланта за руку, чтобы привлечь его внимание и заставить взглянуть себе в глаза. — Это звезда, звезда... и у нас нет над ней никакой власти!..

— Эта штука несет в себе зло! Это она убила...

Внезапно обелиск содрогнулся. Кулл прищурился. Неужто все это почудилось ему?

Но маги, окружавшие алтарь, внезапно попятнулись и, впервые за все время, их песнопения прервались.

Метнувшись вперед, Сойан-Тан схватил с пола мешочек, где хранился пепел Одрата. Он был еще не совсем пуст. Старый маг торопливо вернулся к атланту, привязывая мешочек к себе на пояс.

— Это еще может нам пригодиться. Поторопись! Нам пора!

— Нет! — рявкнул Кулл. — Сперва эта тварь должна умереть!

Оглянувшись, он обнаружил, что наемники почти все разбежались, если не считать горстки самых преданных воинов.

Заметив его мрачный вопросительный взгляд, один из солдат отозвался:

— Они испугались.

— Они хотят найти добычу, которую ты нам обещал, — заявил другой. — Проклятье Валки на их головы!

Сойан-Тан также обернулся к наемникам и, вновь схватив Кулла за руку, закричал им:

— Убирайтесь прочь! Бегите отсюда, иначе вас ждет участь, худшая, чем та, что постигла Тха-Бнара!

Захлопав глазами от изумления, они тут же попятнулись, пораженные угрозой, звучавшей в голосе старца, затем, развернувшись, они бросились прочь по коридору. Кулл свирепо уставился на мага.

— Во имя всех богов, что ты...

— Звезда! — выкрикнул старик. — Звезда!

Вскинув голову, Кулл уставился на обелиск.

— Это зло! — выкрикнул он, перекрикивая

странное гудение, которое начало наполнять комнату... Гудение, исходившее от обелиска.

— Это небесное зерно! — с горячностью воскликнул Сойан-Тан. — Оно ничего не ведает о нас, оно питается, ибо такова его природа. Зло лежит в его основе. Тха-Бнар пленил его с помощью магии, но теперь жрец мертв, и быстро... очень быстро... Пожиратель Боли освобождается. Нам пужно исчезнуть отсюда прежде, чем...

Кулл уставился на алтарь. И в этот самый миг обелиск, содрогнувшись, качнулся назад, затем вперед... замер на мгновение... и рухнул на пол зала среди изувеченных трупов. Он треснул пополам с оглушающим грохотом, прокатившись по всей комнате.

— Боги небесные! — взвыл старший жрец. — Звезда вырвалась на свободу!

Гудение в зале сделалось громче — еще громче — а затем внезапно прекратилось, и послышался звук, подобный свисту ветра, переходящий в оглушительный вой. Сойан-Тан, прохрипев что-то неразборчивое, сорвал с себя плащ. Кулл начал отступать. Один шаг... еще один... И тут жрецы, окружавшие каменный алтарь, начали биться в судорогах и ослепительный свет заполнил зал.

— Боги небесные!..

Отвернувшись и прикрывая глаза, Сойан-Тан набросил плащ на голову атланта, сознавая, что тот не успеет вовремя защитить зрение. Кулл услышал оглушительное шипение, словно раскаленный добела метеорит рухнул в океан... Но не

было ни запаха дыма, ни вспышки жара. Затем он ощутил, как содрогнулись каменные плиты под ногами. В нетерпении он сорвал с себя плащ Сойан-Тана, — и увидел, как сам маг защищает глаза от неистового сияния, исходившего из середины зала.

— Прочь отсюда!

Кулл застыл в ужасе. Этот оглушающий громовой глас был одновременно совершенно беззвучным.

Не звезда и не камень... Даже не демон... Это мог быть бог или богиня из некоего невообразимого мира, очень далеко отсюда...

Повинуясь внутреннему голосу, атлант также прикрыл глаза рукой. Он отвернулся прочь, — и вдруг заметил в углу залы щит из полированного серебра, который, в числе прочего оружия, был отнят Тха-Бнаром у несчастных воинов, принесенных им в жертву небесному камню.

— Я свободен!

— Быстрее! Поторопись!

Сойан-Тан, по-прежнему одной рукой прикрывая глаза, тянул Кулла за руку, но тот не мог оторвать взора от блестящей поверхности щита, отражавшей затягивающие образы бесконечности, которую не способны выразить ни слова, ни грезы, ни опыт смертных. Картины мелькали столь быстро, что глаз с трудом улавливал их. Лики Первородных Богов...

— Я свободен!

Кулл почувствовал, как что-то тянет его назад. Чья-то рука с силой ухватила атланта за

подбородок, затем прикрыла глаза, не давая смотреть в смертоносный серебряный щит. Атлант увидел лицо Сойан-Тана.

— Кулл... беги!

— Что это?

— Служитель древних богов. Теперь он свободен. Беги!

— *Я уйду прочь отсюда!*

— Скорее! — завопил Сойан-Тан Куллу, который по-прежнему был наполовину парализован увиденным и потащил его прочь из комнаты. — Не оглядывайся!

Пошатываясь и спотыкаясь, атлант повиновался. Силы понемногу возвращались к нему, и он, наконец, смог развернуться и бросился прочь по коридору.

Он, наконец, вполне пришел в себя и лишь теперь осознал, в какую ловушку едва не угодил в этом проклятом храме.

И все же... что это было?

Сойан-Тан подталкивал его в спину, и Кулл бежал. Сойан-Тан!

— Быстрее, быстрее!

Он подталкивал атланта в спину, но тот внезапно остановился.

— А как же остальные? — выдохнул он.

— Все мертвы! Они увидели, как *он* пробудился!

Земля затряслась у них под ногами.

— Валка и Хотат!

— Храм рушится! — выкрикнул Сойан-Тан. — Это... существо... уходит прочь, покидая наш

мир. Поторонись, Кулл, поторонись... иначе мы свалимся в бездну!

В этот самый миг атлант оказался на первой лестничной площадке и на бегу увидел, как начинает разваливаться на части и рушиться верхний из множества мостов... Обломки его падали в пропасть. Те солдаты, что оказались там в поисках добычи, также полетели вниз. Они падали со страшными криками; но грохот содрогающейся земли был еще громче.

— Валка!

Стены содрогнулись, и на Кулла с Сойан-Таном посыпались обломки камней. Атлант заторопился вниз по лестнице вместе с престарелым магом, торопясь как можно скорее вырваться из Храма Звезды.

Глава 12

Память и месть

Кулл ничего не замечал вокруг себя, несясь по закручивающейся спирали лестнице с такой быстротой, что ноги его едва касались ступеней. Вокруг них с Сойан-Таном дрожали и тряслись стены. Он слышал, как рушатся и обращаются в прах верхние пролеты лестницы; оглянувшись, краем глаза он увидел, как рухнул в пропасть еще один мост.

Никаких воспоминаний боли, никаких мыслей, — лишь животное стремление выжить заставляло его бежать все дальше, спускаясь по лестнице к коридорам, ведущим к выходу из зиккурата... К свету.

А нечто у них за спиной, высоко наверху, чем бы оно ни было, вновь пыталось отыскать путь и уйти в ту безмерную, беззвучную божественную пустоту, в тот простор, что недоступен че-

ловеческому пониманию, и где обитают одни лишь тени.

Последний лестничный пролет, — и вновь что-то с грохотом обрушилось за спиной, сотрясая землю. Сойан-Тан? Но нет, каким-то чудом старец все еще держался за атлантом, поддерживаемый то ли силой магии, то ли просто безумным страхом... Казалось, он скорее летит по воздуху, чем бежит. Его рука коснулась плеча воителя, и это прикосновение придало тому сил. Кулл метнулся за поворот, преодолел последние несколько ступенек и без остановки устремился прочь из огромной пещеры, даже не глядя в сторону чудовищной бездны, из которой сейчас вырывались языки пламени высотой с сам зиккурат. Лишь однажды Кулл взглянул вверх; почти все мосты, насколько он мог судить, разломались пополам; камни и обломки скал сыпались повсюду. Но на самом верху все это затмевало ослепительное желтое сияние, от которого болели глаза.

— Сойан-Тан!

— Сзади!.. — выдохнул тот, подталкивая воина в плечо. — Беги! Оно... Оно растет!

Теперь уже вся гора угрожающе содрогалась в такт конвульсиям зиккурата. Кулл полуобернулся на звук, столь мощный и оглушительный, что он воспринял его не столько слухом, сколько как чудовищной силы удар.

Затем он оказался в коридоре и побежал мимо содрогающихся стен. Ноги его ныли, ступни онемели от боли, и все это время он знал... *знал*,

что при каждом следующем шаге стены могут обрушиться прямо на него и раздавить, поглотить под горой обломков, уничтожить которую не сможет даже сама Вечность.

Кулл бежал мимо арок с открытыми железными дверями, затем из последних сил метнулся влево, устремляясь к концу туннеля, к апсиде залов, что вела наружу, к дневному свету...

Какой-то стон послышался за спиной. Кулл замедлил бег, обернулся... И увидел, что Сойан-Тан растянулся за спиной.

— Колдун!

— Беги... Беги!..

Кулл развернулся и бросился назад, опустил ся на колени. Стены прохода содрогались, исторгая облака песка и пыли. Мелкие камешки сыпались с распавшегося потолка.

— Беги! — выдохнул Сойан-Тан.

— Вставай! Вставай... проклятье богов на твою голову! — Кулл с силой подхватил Сойан-Тана под мышки и заставил того подняться. Огромные куски камней посыпались на сотрясающийся пол.

— Я... держусь... Теперь — беги...

— Но ты не можешь...

— Я же колдун. Беги!

Вздрогнув, Кулл вскинул голову, когда вниз посыпались гигантские обломки. Тут же взяв себя в руки, он развернулся и устремился прочь по последнему короткому коридору.

— Я свободен!

Грохот падающих камней сделался еще гром-

че. Кулл оказался в том зале отдыха, где некогда они с Мантисом играли в кости и подшучивали друг над другом... Обернулся, чтобы взглянуть, как там Сойан-Тан... Тот изо всех сил спешил следом...

— Свободен! Свободен!

Наконец, атлант выбежал наружу. Ноги его подгибались, но теперь он стоял на равнине. Повсюду вокруг виднелись кучи земли, в которые превратились глиняные монстры, созданные магией жрецов.

Чудовищной силы взрыв сотряс всю землю. Задохнувшись, Кулл рухнул на колени. Обернувшись, он увидел, как сквозь пыль, дым и град каменных осколков к нему пробирается Сойан-Тан.

— Осторожно! — выкрикнул он изо всех сил. — Сойан-Тан!

Затем его с силой швырнуло вперед, и Кулл ладонями ударился об землю. Лицо его зарылось в грязь, и он испугался, что задохнется. Сердце колотилось, готовое вырваться из груди.

Ошеломленный, Кулл, наконец, смог сесть, протер глаза и сплюнул грязь, набившуюся в рот.

Пошатываясь, он поднялся на ноги, с трудом восстанавливая равновесие. Атлант тряхнул головой, и постепенно мир вокруг прекратил беспечно кружиться, а дыхание восстановилось. Он по-прежнему ощущал отголоски взрыва в недрах горы, но постепенно пыль оседала и показался вход в зиккурат.

Там, на земле, среди гор камней, Кулл увидел неподвижно лежащее тело.

— Сойан-Тан!

На подкашивающихся ногах он устремился к старцу.

— Колдун!

Тот шевельнулся.

— Жив!

Подбежав ближе, воин помог магу сесть на землю. Опустившись рядом на колени, он взял того за руку.

— Быстрее... — прохрипел колдун.

— Мы свободны, Сойан-Тан, — устало улыбнулся атлант.

— Вся эта гора... Нам нужно успеть пересечь равнину...

— Клянусь копытами Хотат, неужто весь мир взорвется?

Воитель помог старцу подняться на ноги, и вдвоем, медленно и с трудом, они побрели прочь от рушащегося храма. Насколько мог судить атлант, спастись удалось лишь им двоим. Чуть поодаль, на равнине, виднелось несколько лошадей; больше, насколько хватало глаз, не было ни единого живого существа. Негромко свистнув, Сойан-Тан подозвал животных и две лошади приблизились к людям. Они с Куллом с трудом взобрались в седло и послали скакунов в галоп, отчаянно цепляясь за луку седла.

За спиной у них храм обрушился с ужасающим, оглушительным грохотом. В панике кони поскакали еще быстрее, но Кулл с Сойан-Таном

даже не пытались удержать их, а лишь изо всех сил старались не вылететь из седла.

Они пересекли равнину до середины, когда поднялся ветер.

Кулл ощутил его спиной. Развернувшись в седле, чтобы взглянуть назад, он увидел, как прямо из вершины содрогающейся горы, вверх, к темным небесам, вздымается ослепительный столп желтого цвета.

— Я сво...

— Быстрее! — выдохнул Кулл, нахлестывая лошадь. — Быстрее, будь ты неладна!

Они с Сойан-Таном скакали по равнине на взмыленных скакунах, а сверкающая огненная колонна вздымалась в небеса, — наконец, освободившись от Тха-Бнара и земной магии, что удерживала пленника в храме, возвращаясь в свой заоблачный мир, в межзвездную пустоту, куда не дотягиваются даже сотворенные человеком боги.

* * *

Кулл с Сойан-Таном оказались как раз перед городскими воротами, когда чудовищный порыв ветра ударил им в спину. Он с корнем вырывал деревья, уносил прочь огромные камни и черепицу с крыш, все это кружилось в воздухе и уносилось прочь, превращаясь в уменьшающиеся точки в небе. На крепостной стене не оказалось ни одного стражника, кто мог открыть бы ворота, но это не имело значения: мощный по-

рыв ветра снес створки и буквально внес внутрь Кулла, Сойан-Тана и их лошадей.

Ураган ударил в крепостные стены. Воды реки вздыбились сверкающей стеной и обрушились на землю. Брызги достигли даже разбитых ворот и окатили Кулла с Сойан-Таном. Стены повсюду вокруг содрогались, угрожая в любой миг обрушиться под напором ветра.

Птицы уносились в небеса, словно камешки. Огромные деревья хрустели и ломались, а некоторые вырывались с корнем из земли и уносились прочь. Ветер сминал хижину на берегу реки, разметывая их по бревнышку, словно солому. Каменные дома ломались на части и известь, скреплявшая камни, осыпалась, точно влажный песок.

Все это произошло столь стремительно, что воин и маг даже не успели толком осознать, что произошло. Очередной порыв ветра сбросил их с седла, и они отчаянным усилием схватились за руки, чтобы удержаться вместе, покатались по земле, не понимая, что происходит и что ждет их в следующий миг. Они тщетно пытались найти хоть какое-то укрытие... как вдруг внезапно все это завершилось.

Еще какое-то время слышался треск и грохот, — это падали с неба деревья и камни... А затем наступила тишина.

Приподнявшись с земли, Кулл взглянул на старого мага, затем на крепостные стены. Местами те растрескались и обрушились, а та часть, что была обращена к равнине, оказалась полно-

стью сметена с лица земли. Их самих с Сойан-Таном ветер проташил по площади, словно пушинки. Одежда старца была вся грязная и изодранная, а у Кулла колени и локти садшило от трения о камни.

Вокруг повсюду виднелись трупы, — это были те немногие из приверженцев Теринаса, что еще оставался в живых на рассвете, когда войско атланта выступило в поход. Не осталось никого, кто мог бы приветствовать Кулла с Сойан-Таном и поздравить их с победой, — если это и впрямь можно было назвать победой. Помимо людей, здесь же валялись и трупы животных, вперемишку с какими-то ветками, камнями, обломками и прочим мусором.словно гигантской метлой, их смело к дальним стенам, окружавшим поселение.

Внезапно какой-то отблеск в небесах привлек внимание атланта.

— Сойан-Тан!

Взглянув в ту сторону, тот также увидел это.

Огненный столп, излучавший невыразимый свет, устремлялся к затянутым тучами небесам и мгновение спустя все исчезло, — звезда покинула землю, вернувшись в свой мир. Все, что осталось от нее — это тонкий язык огня, поднимавшийся прямо из дымящихся руин, на месте которых некогда высился храм Алого Солнца.

С такого расстояния Кулл с Сойан-Таном могли разглядеть лишь смутные очертания за поднявшейся пылевой завесой. Однако, они видели, что гора словно бы раскололась пополам,

обрушившись и погребя под собой зиккурат и адскую бездну, таившуюся в его недрах.

Кулл с трудом поднялся на ноги. У него болело все тело, и из множества порезов сочилась кровь. Сойан-Тан также встал. Они заметили в селении несколько уцелевших каменных домов, которые не зацепил порыв адского ветра. Именно туда теперь и направились двое выживших гербов. Шагавший почти вслепую Кулл следовал первым, а за ним с трудом тащился старец. В сером свете угасающего дня они отыскиали для себя постель; сейчас им не нужно было ничего, кроме сна и забвения.

Стянув с себя кольчугу и верхнюю одежду, атлант забрался под покрывало и мгновенно провалился в глубокий сон без всяких видений. Если бы даже сама преисподняя пробудилась в ту ночь, высылая на землю легионы монстров, дабы пожрать весь мир, атлант Кулл не пробудился бы ни на мгновение.

Впрочем, сегодня он уже видел пробудившийся ад.

* * *

Наутро он проснулся уже довольно поздно. Солнце сверкало сквозь открытые окна дома. Несколько мгновений у Кулла ушло на то, чтобы вспомнить, где он находится; и внезапно атлант осознал, что облачная пелена исчезла. Поднявшись, он поискал взглядом Сойан-Тана.

Того не было поблизости, но Кулл услышал

какие-то звуки, доносившиеся снаружи. Натянув на себя тунику и нацепив меч, он похромал к дверям и обнаружил во дворике старого мага, который подбрасывал дрова в огонь, одновременно поворачивая вертел с нанизанной на него какой-то крупной птицей. Рядом с Сойан-Таном обнаружился лук и колчан со стрелами.

Подняв глаза, старец улыбнулся атланту.

— Похоже, с юности я не разучился стрелять, — самодовольно заявил он.

— Вот и славно. — Кулл зевнул. — Без всякой магии?

— Ну... Может быть, только совсем немного. — Он сделал движение рукой, показывая, как изменил направление полета стрелы.

Кулл заметил, что на старце новая одежда. Тот успел принять ванну и зачесал назад длинные белые волосы; усы и борода были также расчесаны и аккуратно подстрижены.

— Судя по всему, купальня уцелела?

— Верно. Это пошло мне на пользу. Одежду я нашел там.

— Хм. — Кулл развернулся и поплелся в том направлении, мечтая о горячей ванне. — Оставь мне немного дичи, старик.

— Хорошо, либо я собою для тебя другую птицу.

— А как насчет вина? — бросил Кулл через плечо.

— Отыскал целый бочонок.

Воин кивнул.

— Ну что ж, на утро нам хватит.

* * *

Теплая вода невероятным образом освежила усталого воителя. Он поплескался немного, позволяя теплу согреть занемевшее тело, затем как следует отчистился и вымыл волосы. По-прежнему ощущая усталость, он растянулся на широком покрывале прямо на полу купальни и закрыл глаза. Но грезы и воспоминания тут же нахлынули на него, стоило лишь открыть им дорогу. И Кулл тряхнул головой, чтобы изгнать их прочь.

Поскольку туника его оказалась слишком грязной, то он подыскал себе другую по размеру, — что далось непросто. К тому же, слишком грубая ткань причиняла боль в тех местах, где натирала ожоги и ссадины. Кулл смазал кожу целебным маслом, и это помогло. Жаль только, что то же самое нельзя сделать со своей памятью...

Сойан-Тан сдержал обещание, и подстрелил для своего спутника другую птицу, которая была уже вполне готова к тому времени, как атлант вернулся из купальни. Поблагодарив мага, тот с жадностью набросился на еду. Утолив первый голод, он, наконец, поднял глаза и обратился к Сойан-Тану:

— Когда мы уходили вчера из города, то у меня остался здесь друг...

Старый колдун с печалью посмотрел на воителя.

— Его имя — Соран, — продолжил тот. — Я должен отыскать его. Возможно, он...

— Нет, Кулл. — Сойан-Тан покачал головой. — Его нет среди живых. Здесь никто не уцелел. На рассвете я призвал на помощь чары, чтобы узнать, выжил ли хоть кто-нибудь. Кроме нас, в этом селении нет ни единой живой души... Никого живого до самого горизонта.

Кулл помолчал, охваченный внезапной печалью. Больше никогда Соран не станет жаловаться на то, что он вновь оказался в числе уцелевших...

Столько людей погибли — тысячи и тысячи, — и Кулл прекрасно понимал, что он тоже нашел бы свою смерть в зиккурате, если бы не магическая помощь Сойан-Тана.

— Скажи, старик, — промолвил он, наконец. — А стоило ли оно того? Столько смертей...

Тот с хмурым видом кивнул.

— Если бы мы не освободили звезду, то Тха-Бнар мог бы прожить еще достаточно долго, чтобы использовать ее силу так, как намеревался, — чтобы завоевать мир. В своем безумии он мог все человечество отправить в свою адскую бездну в виде единой чудовищной жертвы, дабы достичь еще большей власти, отняв силу у Темных Богов, создавших вселенную. Это был величайший и самый невероятный план, какой когда-либо приходил на ум колдуну... Но ни Тха-Бнар, ни его предшественники до конца не понимали истинную природу того создания, кого вызвали из темной пустоты, лежащей за пределами небес. В конце концов они и сами бы нашли свою смерть, а с ними погиб бы и весь мир.

Тха-Бнара нужно было остановить; а если бы не упрямая решимость Теринаса, готового сражаться со жрецом любой ценой, Тха-Бнар мог бы добиться успеха. Но Теринас отвлекал его, заставлял действовать медленно и осмотрительно, и этого оказалось довольно...

Кулл вновь надолго замолчал. Из всех тех воинов, что погибли за эти десять лет безумия, он скорбел лишь по Сорану. Теперь они уже никогда не смогут вернуться к своей прерванной беседе. Соран больше не сможет поделиться с атлантом своими философскими умозаключениями и подарить ему слова утешения. Однако, он навсегда останется в памяти Кулла, — странное единство меча и книги, мысли и действия, решимости и независимости... И все же слова Сойан-Тана подарили атланту некоторое подобие утешения. Теперь он знал, что Соран и все остальные погибли не впустую.

Покончив с завтраком, атлант и маг растянулись на земле, потягивая вино, но говорили они очень мало. Не то, чтобы они не доверяли друг другу, но пока еще никто не чувствовал себя готовым обсуждать пережитый опыт, слишком велика была физическая и душевная усталость.

— Так ты говоришь, Тха-Бнар держал звезду в плену с помощью магии? Но что она такое, эта звезда? — наконец, спросил у старца атлант.

Сойан-Тан задумчиво нахмурился.

— Во вселенной существуют странные вещи. Гиганты спят в самом сердце земли, дожидаясь, пока надлежащие обряды освободят их... Мерт-

вые божества окружают нас повсюду в ожидании реинкарнации, которая даст им новую силу... Духи, древние, как само время, бродят по земле в человеческом обличье, в поисках ответов... Иные миры... Звезда? Я не знаю. Это за пределами человеческого понимания.

Он глотнул еще вина и надолго задумался.

— А что ты можешь сказать о тех картинах, которые я видел отраженными в серебряном щите? — спросил его Кулл.

— Тебе довелось увидеть куда больше, чем обычным магам, — откликнулся старец. — Ты прикоснулся к Единому... Ни одно человеческое существо не способно долго взирать на подобное и остаться в здравом рассудке.

— А мой... хранитель? Мой рок? Что ты можешь сказать об этом странном существе, которое является мне в поворотные мгновения судьбы?

— Он тот, кем называет себя, — мягко откликнулся Сойан-Тан. — Это ты сам, Кулл. Чтобы понять это, ты должен понять самого себя.

На это атлант ничего не ответил. Он лишь долгое время смотрел, как отражается в кубке с вином солнце, сиявшее высоко в небе. Он смотрел на это так долго, пока все не начало расплываться перед глазами.

* * *

Ближе к вечеру они, наконец, собрались в дорогу. В селении им удалось отыскать съестные припасы, лошадей, одежду и оружие.

— Куда ты отправишься, Сойан-Тан? — спросил его атлант. — Что ты будешь делать?

— Боюсь, что впереди у меня осталось еще немало лет жизни, — промолвил старец, — ибо Мантис ушел вместо меня, откликнувшись на зов рока. Я продолжу свои странствия. Но рано или поздно хочу вернуться в жилище Одрата.

— Но... зачем, колдун?

— Еще очень многое нужно исправить, а там остались запасы силы, которые я способен вернуть на Истинный Путь. Также многому нужно еще научиться. Для меня это будет куда лучший дом, чем для Одрата, ибо я с куда большей пользой смогу распорядиться накопленными им сокровищами.

Кулл кивнул.

— А ты сам? — спросил его Сойан-Тан.

Атлант на мгновение задумался.

— Я тоже отправлюсь бродяжить. Но мне осталось сделать еще кое-что, и кроме меня, с этим никто не справится.

Сойан-Тан пристально взгляделся в лицо воителя.

— Да, разумеется, — кивнул он. — Затем из складок своего одеяния он достал какой-то предмет и протянул его Куллу. — Возьми это, мой друг... Надеюсь, ты знаешь, как им воспользоваться.

Атлант увидел, что старец преподнес ему мешочек, содержащий в себе пепел Одрата. Осторожно заглянув вниз, воин увидел, что там еще оставалось немного золы, от которой исходило

тускло-голубое сияние; кроме того, в мешочке лежал голубой кристалл, подобранный Мантисом на месте гибели отца.

— Сойан-Тан, я не могу...

— Прах колдуна — мощное оружие, — заявил старец. — Душа Мантиса в опасности, но Одрат был его отцом... Желаю тебе удачи, Кулл.

— И тебе того же, Сойан-Тан.

Воитель привязал мешочек к поясу, затем они с магом стали друг напротив друга, одновременно радуясь и печальясь, вспоминая все, что случилось с ними за эти последние недели, и как много они стали значить друг для друга. Сойан-Тан протянул руки, и они с Куллом крепко обнялись.

— Будь счастлив, старик, — негромко произнес атлант. — Пусть Валка дарует тебе покой... И спасибо за все, что ты сделал!

— Да пребудет с тобой сила богов, сын Судьбы. Будь счастлив, Кулл. — Слегка отстранившись, Сойан-Тан заглянул атланту в глаза. — Всегда помни то, чему ты научился за эти дни. Доверяй себе, будь собой и никогда не сомневайся в своем предназначении.

— Я постараюсь, старик.

— И тогда тебя ждет успех, — уверенно продолжил маг. — Ты сам будешь поражен, сколь высоко ты вознесешься.

— Я постараюсь обрести мудрость, Сойан-Тан. Куда бы ни привела меня дорога, я хочу обрести мудрость.

— И обретишь ее. Ты владеешь ею и сейчас, и

станеешь еще мудрее в будущем. — Старец вновь обнял атланта. — Да будут боги с тобою, Кулл.

— И с тобой, Сойан-Тан... Возможно, нам еще доведется повстречаться и вместе выпить вина.

— Возможно, и так, — пробормотал старик. — Если не в этой жизни, так в следующей...

С этими словами они расстались, и каждый поскакал своей дорогой.

* * *

Через два дня пути атлант вновь оказался на болотах, а еще через день упирающаяся лошадь принесла всадника на берег реки, по другую сторону которой стояла лачуга ведьмы.

Помедлив немного, Кулл снял мешочек с пояса, развязал тесемки и заглянул внутрь. Пепел Одрата едва заметно светился в полумраке, нависшем над болотом. Кристалл также источал голубоватое сияние.

— Одрат, — хмуро пробормотал атлант. — Если судьба души твоего сына хоть что-то значит для тебя, помоги мне теперь!

Он направил своего коня вперед и медленно пересек мутную реку между огромными дубами.

Затем он увидел Илису.

Ведьма, высокая и такая же прекрасная, как прежде, на сей раз была одета в простое белое платье и, стоя в дверях хижины, ожидала приближавшегося воина. Спешившись, тот привязал лошадь к дереву и потрянул головой, откидывая назад длинные волосы.

— Это ты, еще жив, да? — пробормотала Илисса. — Зеленые глаза колдуньи сузились.

— Но многие погибли, — резко отозвался Кулл, оглядываясь по сторонам, словно в поисках чего-то.

— Выжил я и еще один человек.

— Хорошо. Ты выжил, — подтвердила Илисса. — Но зачем ты явился сюда?

— Сын колдуна... Мантис... Он погиб.

— Верно.

— Я знаю, что ты наложила проклятье на его душу, Илисса. — Голос Кулла звучал ровно и уверенно, и он не сводил взора с колдуньи. Я хочу знать, что это были за чары.

Илисса подняла брови и выгнулась, упираясь в бедра руками.

— Так вы и впрямь были друзьями?

— Да, и к чему эти насмешки?

— По-прежнему поражаюсь вам, смертным, — сухо проскрипела Илисса. — Дружба, любовь... Я никогда не могла понять этого безумия.

— Что это были за чары? — ровным голосом повторил Кулл.

— Его душа принадлежит мне, — пояснила Илисса. — Он сам теперь принадлежит мне. И этому болоту. Все очень просто.

— Что я должен сделать, чтобы освободить его?

Илисса презрительно усмехнулась.

— Ты изволишь шутить?

— Ведьма, я никогда не славился терпением, а с тобой у меня и вовсе его надолго не хватит. Что я должен сделать, чтобы выволить душу

Мантиса? Выкупить ее у тебя? Я могу достать золото. Отслужить тебе? Я готов даже на это, будь ты проклята. Если тебе нужен наемник...

Издевательский хохот Илиссы разжег гнев Кулла, и тот едва сдержался, чтобы не броситься вперед и не сразить ведьму на месте. Но тогда он уже не смог бы спасти Мантиса... Кулл прекрасно знал, какие опасности таит в себе колдовство.

— Нет, воистину, мужчины ради дружбы готовы на любое безумство! — Илисса продолжала смеяться. — Ради друга они даже готовы пожертвовать собой...

Кулл вздохнул поглубже, чтобы взять себя в руки.

— Какова твоя цена? — спросил он вновь. — Ты взяла в плен душу Мантиса, поместила ее в одну из своих болотных тварей. Я хочу, чтобы ты освободила его.

Несколько мгновений Илисса делала вид, будто размышляет над этим, но затем промолвила:

— Ничто из того, что ты мне предлагаешь, не доставит такого удовольствия, как держать в своей власти душу Одратова сына. Он очень силен... Это один из Первозданных Духов... И поскольку он пожертвовал собой по собственной воле, то для меня его мощь воистину бесценна.

— Тогда взгляни на это! — воскликнул Кулл. Обнажив свой клинок, он показал его Илиссе. Испуганная, та вскинула руки, готовясь защититься от нападения, но тут же успокоилась, обнаружив, что Кулл не намерен нападать на нее.

— Этот меч, — напряженным голосом пояснил атлант, — принадлежал еще моему отцу. Отцовский меч, ведьма! Он сам выковал его и сражался с ним в бою. Когда он был убит, я взял этот клинок с его тела. Теперь в нем двойная сила! Этим мечом я убивал демонов и колдунов. Он пил кровь сотен обезумевших в битве воинов... Он набрал такую силу, что и сам стал мощным магическим оружием.

— Вероятно, ты прав, — слегка нахмурившись, признала Илисса.

— Я... я готов отдать его тебе, — промолвил Кулл. — Или сам приду к тебе на службу, но ты должна освободить Мантиса от своего проклятия.

Илисса опустила веки. Неужто она и впрямь всерьез раздумывала над предложением атланта. Тот придвинулся на шаг, в правой руке протягивая меч, а левую прижимая к боку.

— Мы с этим клинком — одно, — произнес он уверенно, затем голос атланта понизился до заговорщицкого шепота. — Это не просто оружие. Коснись его!

С этими словами атлант протянул клинок, чтобы Илисса могла дотронуться до него. Ведьма с опаской отступила на шаг, сделав быстрый замысловатый жест рукой, после чего всю ее фигуру окружило желтоватое сияние.

— Не пытайся меня обмануть, — заявила она. — Сквозь этот магический покров не проникнет никакая сталь.

— Мой клинок принадлежит тебе. С его помощью ты станешь непобедима. Опутй его силу!

Ведьма по-прежнему взирала на меч. Наконец, она протянула вперед руку и двумя пальцами коснулась острия.

— И впрямь, в нем таится великая сила. Возможно, я даже...

Она подняла голову.

Подняла голову и уперлась взглядом в сверкающие яростью серые глаза атланта...

Левая рука Кулла метнулась вперед, пальцы разжались, и он швырнул пепел Одрата прямо в лицо Илиссе. В тот же миг пепел обратился мириадами искр, прожигающих щеки, губы и зеленые глаза колдуньи.

Илисса закричала. Желтое сияние вокруг нее начало меркнуть.

Тогда Кулл взмахнул мечом, которого ведьма по-прежнему касалась пальцами. Вся его яростная сила ушла в этот удар. Облеченная колдовской силой, ведьма могла бы выстоять перед любым нападающим, но пепел Одрата лишил ее всей магии. Острый, точно бритва, клинок, отрезал кончики пальцев и устремился прямо к горлу колдуньи, пронзая шею насквозь. Даже кости не смогли остановить стремительный бросок клинка. Кровь хлынула фонтаном, когда голова ведьмы откатилась прочь. Руки ее безвольно обвисли, а ноги подкосились. Голова еще катилась по траве, а тело уже рухнуло наземь, заливая кровью все вокруг.

Отскочив назад, Кулл замер в неподвижности, наблюдая за гибелью колдуньи.

Теперь она менялась у него на глазах, превра-

щаясь в глубокую старуху. Затем начались еще более чудовищные перемены: длинные белые руки сперва сделались волосатыми, а потом покрылись чешуей; изумрудные глаза стали похожими на змеиные, а затем и вовсе черты ее лица расплылись. Плоть и кости сделались пылью, которую унес первый же порыв ветра.

Еще совсем недавно этот прах был полон колдовской силы, но теперь его разметало в воздухе, точно так же, как прах любого давно умершего человека или животного. Теперь от Илиссы не осталось и следа на поверхности земли.

Захрипев, лошадь Кулла испуганно попятилась. Сам атлант, до сих пор не веря тому, как удачно он разыграл свою партию, стоял неподвижно, глядя, как уносит ветер остатки праха колдуньи. Внезапно он ощутил слабое жжение, исходящее из мешочка, где прежде хранился пепел Одрата. Заглянув внутрь, атлант обнаружил, что синий кристалл на миг ослепительно вспыхнул, а затем понемногу начал угасать. Вскоре сияние исчезло совсем.

— Благодарю тебя, — негромко произнес воитель. — Благодарю тебя, Одрат.

Кулл сел в седло и заторопился убраться подальше от этих болот. Уже сейчас ему казалось, что самый воздух здесь как будто сделался чище...

Теперь повсюду вдоль тропинки, по которой он ехал, атлант видел, как появляются, всплывая из трясины, тела погибших, наконец, упокоившихся в истинной смерти. Они были везде, насколько хватало глаз...

— Как долго царила ведьма на этом болоте?!

Все это были тела людей, мужчин, женщин и даже детей. Никаких чудовищ, лишь обычные люди, наконец, освободившиеся от оков чудовищной плоти, державших в плену их душу. Как долго страдали эти несчастные создания под игом колдуньи в ожидании того, кто, наконец, явится, дабы освободить их?

Внезапно сквозь завесу туч прорвались яркие солнечные лучи, озарив собой все болото. Поднялся ветерок, и затхлый зловонный воздух сделался свежим, чистым и прохладным.

Атлант спешился.

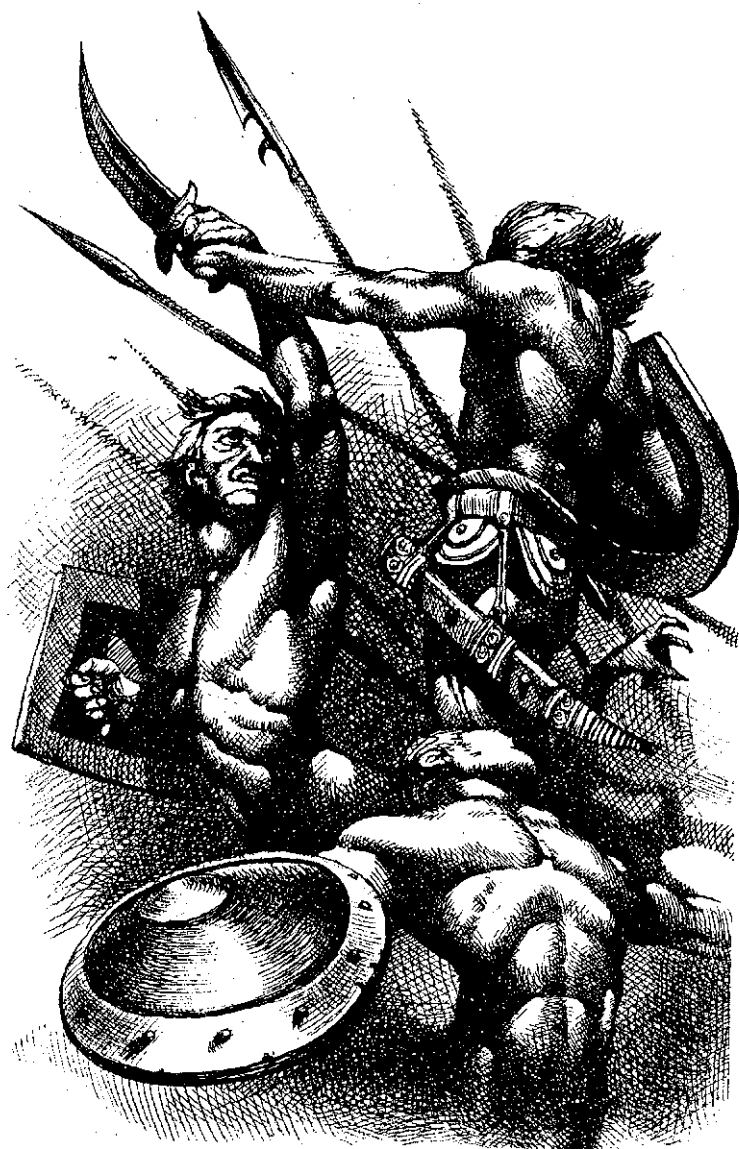
— Мантис?..

Внезапно ему почудилось нечто странное... некое присутствие... Он тряхнул головой. На душу воина внезапно снизошел покой.

Ну что ж, пора двигаться в путь. Дорога ждет наемника. Дорога и новые приключения. Однако, воспоминания о пережитом он навсегда унесет в своем сердце.

С громким смехом Кулл запрокинул голову, любуясь верхушками деревьев, озаренными солнечным светом. Затем он медленно вернулся к своему коню, сел в седло и поехал прочь, навстречу своей судьбе.

Страж Источника

озяин! — по трактиру разнесся густой бас Кулла. — Еще вина!

Толстяк, хозяин этого заведения, быстро подбежав к прославленному варвару, наполнил его опустевшую кружку.

— Еще чего-нибудь? — подобострастно спросил он.

Несмотря на то, что летом в этих краях очень душно и жарко, Кулл носил кожаные штаны и жилет, под которыми кожа прела. Ухудшал положение и висящий за спиной обоюдоострый меч, испивший немало вражьей крови. Под ним пот струйкам стекал по телу, так что Кулла оставалось только свирепеть от ярости. Не выбросит же он свое оружие?! Что за воин без клинка? Хотя очень хотелось скинуть с себя одежду, отбросить меч и расслабиться... Увы, это было невозможно. Пускай сейчас атланту боги ниспосла-

ли передышку между прошедшими битвами и теми, что еще только будут, но в любой миг она могла закончиться. Впрочем, сейчас не хотелось думать ни о прошлом, ни о будущем, он здесь не для этого... Отдыхать, вот зачем Кулл приехал в этот небольшой городок.

Двое новых знакомых сидели за одним с ним столом. Одного из них звали Вайлером, на поясе у него висел топор, который тот предпочитал любому другому виду оружия. Вторым был кхариец Дао Тиво, владеющий искусством борьбы на саблях. У обоих в глазах читалась хитрость и лукавство, что показалось бы атланту весьма подозрительным, если бы он все еще был трезв.

В захмелевшем сознании пронеслись воспоминания, как он познакомился с Дао Тиво и Вайлером. Это было всего лишь пару часов назад в некоем заведении, которое называлось «Приют путника». Дао Тиво и Вайлер промышляли там тем, что обыгрывали в кости всех подряд. Атлант тогда решил испытать судьбу. Во время очередного броска костей, он заметил, что его обманывают. Разозлившись, Кулл ударил Дао Тиво по голове, Вайлера же схватил за глотку. Оба хитреца были настолько удивлены его действиями, что просто не успели ничего предпринять...

Сейчас они все втроем сидели в этом же самом трактире, где и произошло их знакомство, и мирно беседовали друг с другом, попивая вино. После четвертой или пятой кружки Кулл счел побитых им обманщиков своими приятелями. Да и они думали о нем точно также.

— Друзья, — произнес атлант, опустошая очередную кувшин, — я...

В этот момент двери трактира раскрылись, и внутрь вбежал какой-то человек. Выглядел он незavidно: лицо покрыто синяками, одежда настолько истрепалась, что превратилась в жалкие лохмотья, а обувь отсутствовала напрочь.

— Где мне найти Кулла?! — властно спросил он. То, как это было сказано, и его внешний вид с трудом можно было соотнести друг с другом.

— А зачем он тебе пужен? — ухмыльнувшись, поинтересовался атлант.

— Не твоего ума дело, варвар! — гордо ответил вошедший.

Этот человек в нищенской одежде вел себя слишком дерзко для простолюдина... Но тогда кто он такой? Спустивший все свое состояние аристократ? Или переодетый вельможа, желающий побаловать себя запретными утехами? А может, он решил нанять убийцу для кого-нибудь из своих дружков... Хотя, кем бы он ни был, но Кулла разозлило его поведение. «Как этот тип посмел *так* разговаривать со мной? — думал атлант. — Он ответит за свои слова!»

Видя, что варвар собирается подняться и поучить уму-разуму наглеца, Дао Тиво решил вмешаться.

— Я разберусь с ним, мой друг Кулл, — спокойно произнес он.

— Кулл? — изумился вошедший, услышав это. — Так этот неотесанный дикарь и есть знаменитый атлант Кулл?

— Не надо было тебе этого говорить, — покачал головой Вайлер, наблюдая за действиями «неотесанного дикаря».

Атлант молнией метнулся к наглецу. Один удар в живот, другой по шее — и человек, посмеившийся ему наглубить, рухнул, подвывая от боли, на деревянный пол трактира.

— Выкладывай, какое у тебя ко мне дело?! — прорычал Кулл.

Извивающийся от боли человек смог выдать всего лишь несколько слов.

— Люди... гибнут, — с передыхом сказал он. — Если найдешь убийцу — мы хорошо заплатим, — уже отчетливее добавил он.

В глазах атланта зажегся огонек интереса.

— Так что же ты сразу не сказал об этом? — спросил Кулл, помогая посланнику подняться и подсесть к столу, за которым все еще сидели Дао Тиво и Вайлер, спокойно пьющие кислое пойло.

— Ты не обижайся на Кулла, — заметил кхариец. — Он бывает несколько грубоват...

— Да уж, друг Дао! — засмеялся Вайлер.

— Кстати, а как тебя зовут? — успокаиваясь, поинтересовался атлант.

— Хадратус.

Когда Кулл и Хадратус наконец усадились, прозорливый Дао Тиво подозвал хозяина трактира и заказал еще кувшин вина.

— Хадратус, — задал он вопрос, — ты, верно, голоден?

Посланник кивнул, несколько нервно покосившись на всех сидящих за одним с ним сто-

лом, будто ожидая нападения в любую минуту. Заметив это, атлант добродушно улыбнулся и приказал хозяину заведения принести баранье жаркое, что тот в точности и исполнил.

Некоторое время все молча набивали себе желудки. При этом Дао Тиво удавалось настолько ловко расправляться с тушеной бараниной, что даже маленького кусочка мяса не осталось на обглоданных им костях.

— Ну, теперь давай, рассказывай, какое у тебя ко мне дело? — спросил Кулл, сгоравший к тому времени от любопытства.

— Меня послал старейшина деревни Албре, которая находится в самом центре Валузии, — начал Хадратус. — Какое-то чудовище убивает людей близ нашего поселения.

— А с чего это вы взяли, что во всем виновато именно чудовище, а не какая-нибудь шайка разбойников? — поинтересовался кхариец Дао Тиво.

— Ни один человек не может сотворить то, что делает оно! — горячо воскликнул Хадратус.

— А далеко ли до твоей деревни? — задал вопрос Вайлер.

— У меня поездка заняла всего три дня. Правда, я почти загнал лошадь!

— Хм... — задумчиво потянул атлант, — а почему ты и твой старейшина решили, что я поеду вас защищать?

— Мы прослышали о твоей непобедимости, — отозвался Хадратус, — и сочли, что только ты сможешь нам помочь!

— Н-да, — задумчиво изрек варвар.

— А как с оплатой? — горящие глаза и напряженный голос подтверждали существование этого вопроса, заданного Вайлером.

— Сто золотых после выполнения работы, — отозвался Хадратус.

— Нет, платите вперед! — не унимался Вайлер.

— Потом, — возразил посланник.

— Сделаем так, — решил Кулл, — половину сейчас, половину потом.

— Хорошо, бери, — и Хадратус протянул ему мешочек с золотом. — Тогда по рукам?

— По ру... — начал было атлант, пересчитывая деньги, но тут его перебил дотошный Дао Тиво:

— Прежде чем окончательно совершить сделку, я хотел бы задать тебе, Хадратус, еще пару вопросов, ладно?

— Разумеется.

— Слушай, Дао, может, отстанешь от человека? — Кулле очень не хотелось терять эту хорошо оплачиваемую работу из-за каких-то там вопросов кхарийца, тем более, что золото он уже положил себе в кошель.

— Но, Кулл, это очень важно, — настаивал Дао Тиво.

— Тогда ладно, — сдался тот, топя свои возражения в вине.

— Что ты хотел бы узнать? — поинтересовался Хадратус.

— Как так получилось, что ты выглядишь

нищим, а говоришь настолько самоуверенно? — спросил Дао Тиво, у которого было несколько предположений на этот счет.

— Хочешь, я тебе скажу сам? — спросил кхарийца Кулл и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Жители Валузии — очень гордый народ, они мнят себя лучше всех остальных народов, считая их дикарями... Я прав? — обратился он к Хадратусу. — И поэтому даже когда они ходят в обносках, то ведут себя так, словно им принадлежит весь мир.

— В общем, да, — угрюмо отозвался тот.

— Вот так-то, — улыбнулся атлант. — Теперь ты доволен, а, Дао?

— Нет, у меня остался еще один вопрос...

— Ну, что еще? Ты и так уже расспросил Хадратуса обо всем!

— Еще нет, друг Кулл, еще нет.

— Ну, если только ты собираешь узнать нечто более существенное, чем в предыдущий раз...

— Э, Кулл, дай задать Дао Тиво свой вопрос, — произнес Вайлер. — Уж поверь мне, сколько лет я с ним знаком... его хитрость и прозорливость частенько помогала нам выпутаться из самых неприятных ситуаций.

— Итак?

— Почему мы должны верить твоим словам, Хадратус? — поинтересовался Дао Тиво.

Хадратус не ответил. Вместо этого он принял молча искать что-то в складках своей грязной одежды. Задержка с ответом начала разжигать подозрения Кулла и испытывать его терпение,

которое явно было не безграничным, в чем посланник уже убедился ранее.

— Ну, — поторопил атлант.

— Сейчас-сейчас, — пробормотал Хадратус, наконец выуживая из своей одежды клочок пергамента. — Вот письмо для тебя, написанное старейшиной! — гордо провозгласил он.

Кулл бросил лишь один взгляд на листок, — вопреки мнению многих, он умел читать. Быстро пробежав глазами строки, атлант понял, что сидящий перед ним человек не солгал. А если и лгал, то настолько искусно, что определить это, пожалуй, смог бы только многомудрый Дао Тиво, но сейчас тот молчал.

Сделав такой вывод, Кулл передал письмо друзьям. Кхариец, прочитав, глубоко задумался. Вайлер же, когда листок попал к нему в руки, немного поглядел на него, а потом вернул обратно, подмигнув атланту.

Тот намека не понял, а Вайлер ничего добавлять не собирался.

— Вот мое решение, — наконец сказал Кулл, — завтра рано утром я отправляюсь в путь. Я уничтожу чудовище!

— Я поеду с тобой, — уверенно произнес Дао Тиво.

— И я, — бросил Вайлер.

— Я рад буду таким спутникам, как вы, — отозвался атлант, который ни на миг не мог подумать, что его друзья в своем решении преследуют корыстные цели. Впрочем, ничего такого и не было на уме ни у Вайлера, ни у Дао Тиво.

* * *

Наутро следующего дня Кулл сразу же оправился в конюшню, примыкающую к трактиру «Приют путника». Там он долго и придирчиво разглядывал своего скакуна и лошадей своих спутников, проверяя, хорошо ли позаботился о них конюх.

Удовлетворившись осмотром, атлант лихо вскочил на коня.

— В путь! — с некоторой долей торжественности произнес он.

Они молчали, пока ехали по пустынному утрешнему городу, жители которого в большинстве своем еще сладко нежились в кроватях. Богатый люд обитал в этих краях, — это было даже подозрительно... в особенности, если сравнивать со многими другими селениями в Валузии.

Хотя, стоило им только выехать за ворота, неутомимый Кулл тут же подал голос:

— Как ты считаешь, Хадратус, сколько нам потребуется времени, чтобы достичь твоей деревни?

— Ну, как я уже говорил, у меня дорога заняла три дня, — отозвался тот.

— А спорим на десять золотых, что мы преодолеем это расстояние в два раза быстрее, — предложил атлант.

— Все знают поров твоего скакуна, — сказал Дао Тиво. — Твой конь будет умирать от усталости, но даже это он сделает с высоко поднятой головой.

— Как и его хозяин, — добавил Вайлер к словам друга.

— Что вы хотели этим сказать? — подозрительно спросил Кулл, ища скрытую насмешку.

— А то, что ты, возможно, на своем коне и сможешь доехать до Албре так скоро, но наши лошади не угонятся за тобой, — объяснил хариец.

Однако в крови атланта уже полыхал азарт, именно поэтому он и произнес:

— Так спорим на десять золотых, что мы все вчетвером достигнем этой богами забытой деревни за полтора дня?

Немного подумав, Хадратус согласился.

* * *

Дорога шла ровная, и всадники быстро приближались к своей цели. Пейзаж практически мгновенно менялся перед глазами путников: пашни переходили в луга, луга — в редкие леса, через которые были проложены дороги... И на лице Кулла все больше расцветала самодовольная улыбка. Он уже почти не сомневался, что одержит победу в споре с Хадратусом.

Так прошел весь день. И вот уже солнце собралось заходить, знаменуя завершение первого дня пути. Глянув на быстро чернеющее небо, Кулл наконец решил сделать привал, указав рукой на небольшую полянку, недалеко от которой весело журчал ручеек. Атлант, соскочив с коня, привязал его к дереву так, чтобы мерин

спокойно мог пить воду и жевать сочную траву, в изобилие росшую в округе.

Когда нехитрый походный лагерь был обустроен, Кулл пробормотал, ни к кому конкретно не обращаясь, что неплохо было бы собрать хвороста.

— Да, надо, — лениво потянул Вайлер, всем своим видом демонстрируя, что уж кто-кто, а он этого делать не намерен.

— Я сейчас, — бросил Хадратус, растворяясь в сумерках.

Спустя полчаса он объявился вновь. Работу свою он выполнил настолько добросовестно, что костер мог бы гореть намного дольше одной ночи, согревая путников. Увидев это, Кулл потер озябшие руки, дожидаясь тепла. Посланник быстро зажег огонь, который радостно взвился в почное небо.

Пляшущие искорки наводили атланта на непривычные размышления о судьбе, мире, богах и своей роли в Сущем... но столь философские мысли долго увлекать Кулла не могли, так что он вдруг затряс головой, сбрасывая колдовское наваждение, и спросил:

— А нет ли у нас чего-нибудь перекусить?

— Есть, — довольно произнес Дао Тиво, — я захватил в дорогу сыр, хлеб и немного супеного мяса.

— М-да, это не роскошный ужин, — пробормотал Вайлер.

— Да ладно! — отозвался голодный атлант. — Бывало, я вообще вынужден был обходиться без

пищи по несколько дней кряду! — его глаза хитро блеснули. — А тут, считай, настоящий пир!

— На эту неоспоримую истину мне нечего возразить. — Вайлер решил больше не спорить.

После того как все перекусили, Хадратус предложил:

— Давайте выставим двойной караул. Мы уже недалеко от моей деревни, поэтому я опасюсь чудовища, которое может добраться до нас раньше, чем мы до него.

— Что ж, я согласен, — поддержал это предложение Дао Тиво.

— Вот, теперь еще полночи придется бодрствовать, — пробубнил себе под нос Вайлер.

— Итак, дежурить будем по очереди, — проговорил Кулл, укоризненно смотря на друга. — Первым в карауле будем стоять я и Вайлер.

— Ну вот, как что, так сразу я...

— Хорошо, — неожиданно легко согласился атлант. — Тогда ты сейчас будешь дрыхнуть, зато потом целые сутки придется не спать... Разница небольшая, выбирай сам.

— Ладно, — махнул тот рукой.

— Получается, Дао Тиво и Хадратус сменят нас через три часа, — продолжил Кулл.

Недовольных больше не оказалось, так что на том и порешили.

* * *

Ночь прошла удивительно тихо, без неожиданностей и неприятных сюрпризов. Лишь где-

то недалеко слышалось уханье совы да вой волков, которые нисколько не помешали атланту выспаться. Сладко потягиваясь, Кулл наблюдал за Вайлером, которого тряс за плечо Хадратус, пытаясь разбудить.

— ...не выспался я толком! В такую рань вставать!

— Угомонись, — коротко посоветовал приятелю Кулл.

Вайлер, еще немного поворчав, замолчал, поняв, что на его причитания все равно никто не обращает внимания, тем более что рядом уже подогревались остатки вечерней трапезы. Если много болтать, то можно не успеть поесть. Спутники же ждать не будут. Вон как спит атлант, — небось, заботится о своем кошельке... Тяжко вздохнув, Вайлер поднялся. Он еле успел позавтракать, прежде чем Кулл решил, что пора продолжать путь.

* * *

— Ну как, Кулл, ты не хочешь отдать мне законный выигрыш? — поинтересовался Хадратус, высматривая что-то впереди. Они ехали долго, так что уже всем было понятно, что атлант проиграл.

— Нет, ведь у меня еще есть время, — отозвался тот, непонятно на что надеясь.

— Желаю удачи, — смеясь, отозвался Хадратус. — Признаться честно, я уже чувствую приятную тяжесть десяти золотых в своем кошельке!

Зло сверкнув глазами, Кулл спросил у Дао Тиво:

— Далеко ли нам еще до этой деревни?

— Если верить словам Хадратуса, то полтора дня, — ответил кхариец.

— Ага... — вздохнул атлант, пуская своего мерина в галоп, и его спутникам пришлось поступить так же. Конечно, их лошади не смогут долго выдерживать такой темп, но спорить с раздраженным Куллом себе дороже, промолчать.

Так они и неслись на своих скакунах. Хадратус постарался вырваться вперед, чтобы указать дорогу.

Куда там! Обогнать атланта не представлялось возможным. Более того, лошади его спутников уже начали ронять клочья пены, их бока покрылись потом... Еще немного — и они падут...

Кулл же, не замечая ничего, мчался вперед. Мимо него мелькали деревья, кусты... Но рассмотреть все подробнее мешала не столько скорость, сколько пыль, летящая из-под копыт. Она забивала рот и нос всадников, мешая дышать. Ухудшало положение еще и светило, которое пещадно изливало на них свою жаркую благодать. Но все эти мелочи не слишком беспокоили привычных к быстрой скачке людей.

— Послушай, Кулл, — крикнул Вайлер. — Мы уже скачем полдня, а еще даже и не ели толком! Надо остановиться!

— Утром, — многозначительно произнес ат-

лант, имея в виду, что они уже завтракали, и этого пока вполне достаточно.

Вайлер же понял его по-своему:

— Что утром? Есть мы что ли будем?.. А если сейчас хочется?!.. — возмутился он.

— Он прав, — поддержал кхариец. — Ты ведь все равно проиграл свой спор с Хадратусом. Да и лошадей пожалеть надо!

Как ни злился атлант, но был вынужден согласиться с друзьями, ведь они были правы. Если голод еще можно потерпеть, то где взять других коней? Поблизости, насколько он помнил, купить их было негде. Лишь врожденное упорство не дало ему сразу признать это.

— Вот, возьми свой выигрыш! — произнес Кулл, протягивая Хадратусу монеты.

— Замечательно, — довольно проговорил тот, беря золото.

— Кстати, а ты, Хадратус, не мог бы нам подсказать, где находится ближайшая таверна? Ведь даже в самом глухом лесу наверняка найдется постоялый двор! — воскликнул Вайлер.

— О, совсем недалеко, — с этими словами, тот указал направление. — Если мы поскачем в ту сторону, то уже через час будем наслаждаться горячей едой и вином.

* * *

Действительно, прошло не так уж много времени, а Кулл уже стоял перед двухэтажным строением, носившем гордое название «Золотой

гусь». Оставив коня на попечение слуги, выбежавшего из таверны, атлант вошел внутрь. Вслед за ним потянулись и его спутники.

Зал, в котором они очутились, был чисто прибран, здесь было уютно и прохладно. И, конечно, тут их поджидал сам хозяин заведения. Как и все представители этой профессии, он был очень толст, а на лице застыла древняя, будто мир, маска из пота и грязи. Вытерев лицо влажной тряпкой, он не слишком любезно поинтересовался у Кулла:

— Что тебе здесь надо, варвар?

— Похоже, тут нам не дадут спокойно посидеть и поесть, — прокомментировал Вайлер.

— Послушай, — дружелюбно произнес атлант, — принеси-ка мне и моим друзьям чего-нибудь пожевать, и...

— И, — продолжил за него Дао Тиво, — красного валузийского вина, которое особенно хорошо делают в этих местах. Извини, что перебил тебя, друг мой Кулл.

— Ты, надеюсь, хорошо нас понял?

— Нет, — отозвался хозяин таверны. — Красное валузийское любит граф Тахатдис, племянник короля, который (как мне передали его слуги) остановится в моем заведении сегодня вечером. Так что вино я приберегу для важного гостя, а не для таких нищегородов, как вы!

— Что ты сказал?! — прорычал атлант.

— Вам же я могу принести только пиво. Вот если бы ты был самым королем, тогда другое дело... Но ведь никто из вас, как я понимаю, им не

является? — оглядев посетителей, уточнил на всякий случай толстяк.

— Пока нет, — честно признался Кулл.

— Экий ты самоуверенный!

— Мне надоели пустые разговоры! — проскрежетал, стиснув зубы, атлант. — Так ты исполнишь заказ?

— Постой, друг мой Кулл, — медленно произнес Дао Тиво. — Милейший, — промолвил он, обращаясь уже к хозяину таверны, — взгляни сюда, — и он показал толстяку золотую монету. — Ты все еще настаиваешь на своем?

— О, конечно, нет! — залебезил тот, почуяв большую наживу. — Конечно же, нет, милостивые господа!

— Друзья, а вы заметили, что мы уже господа?.. — ухмыльнувшись, поинтересовался Вайлер.

В таком приподнятом настроении они и уселись за стол, на который хозяин заведения тут же поставил кувшины с красным валузийским вином.

— Что господа желают поесть? — спросил их толстяк.

— А скажи, почему твоя таверна носит такое название? — поинтересовался кхариец.

— Потому что «золотой гусь» — это мое коронное блюдо, — гордо отвечал тот.

— Вот его-то мы и хотим отведать, — уверенно произнес атлант, желавший сейчас попробовать все самое лучшее, что только ему могли предложить в этом заведении.

— Но он оставлен для достопочтенного Тахат-даса, господа...

— А мы что, не почтенные, что ли?! — воскликнул Вайлер, основательно прикладываясь к вину.

Первым же основательным глотком он осушил целый кувшин, чем неприятно удивил толстяка. Такими темпами, в самом деле, ничего не останется для племянника короля, буде тот займется в «Золотого гуся» вечером.

Несчастный хозяин таверны решил, однако, не раздражать явно опасных посетителей, поэтому уже через несколько минут перед Куллом и его спутниками на блюде красовался аппетитно пахнувший гусь, зажаренный до золотистой корочки, приправленный со вкусом различными специями.

Перекусив великолепно приготовленной птицей и расплатившись с толстяком, атлант, крикнув, поднялся из-за стола.

Чувствовал он себя великолепно, чему в значительной мере способствовало красное валузийское. Его губы растягивались в добродушной улыбке.

Вот с таким радужным настроением они покидали эту таверну, оставив на ее пороге несколько огорченного хозяина, который так хотел достойно встретить племянника короля. Хотя у него еще было время, чтобы все подготовить. Да и грусть его частично разгоняли несколько золотых монет, полученных им от Кулла, что было непомерно большой платой за ужин.

* * *

Наступил теплый летний вечер, и вдалеке замаячила деревенька Албре.

— Мы приближаемся к цели, — произнес Хадратус.

— Надеюсь, мне заплатят там остаток обещанных денег... — пробормотал Кулл, кошелек которого уже почти опустел.

— Тебе нечего беспокоиться, ведь мы люди честные! Если что сказали, то обещание свое исполним!

Въехав в деревеньку, они увидели множество аккуратных домиков и садов. Кругом росли цветы и плодоносящие деревья и кусты. Селение поражало своим богатством и странной благодатью, ощущаемой в самой атмосфере. Неужели в таком месте могло объявиться чудовище?

— Все, теперь я вынужден вас покинуть. Дальше с вами будет разговаривать старейшина Уфстбас. Вон его дом...

— Прощай, друг, — отозвался Дао Тиво.

— Дадут боги, свидимся, — бросил Вайлер.

Кулл лишь кивнул на прощанье Хадратусу, который, тем временем, развернув свою лошадь, поскакал куда-то по деревенской дороге. Некоторое время они еще смотрели ему вслед, но вот посланник скрылся за одним из приземистых домиков.

— Да-а, — потянул кхариец, — он стал нам другом.

Они еще некоторое время помолчали, думая

каждый о чем-то своем. Потом вдруг Кулл вспомнил, что забыл спросить у Хадратуса, куда тот теперь направляется. Хотя это было не важно, потому что у атланта появилось ощущение, что он еще не раз с ним встретится.

— Ладно, — проворчал Вайлер, — пошли в дом.

* * *

Привязав коня к дереву, росшему неподалеку, Кулл постучал в дверь. Ему открыла улыбающаяся пожилая женщина. При виде пришедших, улыбка чуть дрогнула на ее устах, и, заметив это, атлант усмехнулся. Не было ничего необычного в ее поведении. Еще бы! Открываешь дверь, а на пороге стоит три зловещих головореза, — такое впечатление создавала их компания...

— Я — атлант Кулл, а это — мои друзья — Вайлер и Дао Тиво, милейшая, — вежливо произнес он.

— Кулл! — фыркнула женщина, пытаясь закрыть дверь. — Легендарный атлант! Ха! Ты больше похож на разбойника!

— Впусти меня и моих друзей! — рявкнул Кулл, поняв, что иначе от нее ничего не добьешься. Потом, смягчившись, добавил: — У меня важное дело к старейшине Уфстбасу.

Оглядев троих мужчин, женщина осознала, что ей одной с ними не справиться. Но, несмотря на это, она не утратила мужества и, замах-

нувшись на атланта неизвестно откуда взявшейся метлой, закричала:

— Пошел вон! И дружков своих прихвати!

Терпение всей тройки было уже на исходе. Даже самый выдержанный из них Дао Тиво зло сверкал глазами. Практически одновременно в их головах зародилась мысль просто отодвинуть женщину с прохода... Но все-таки кхариец решил испытать одну хитрость. Шагнул вперед, он проорал во все горло:

— Уважаемый старейшина, вы дома?

— Кто там такие? — раздался в ответ негромкий голос.

— Какие-то бродяги или сумасшедшие! — бросил женщина. — Один из них называет себя Куллоом! Нет, ты только послушай...

— Милая, пропусти гостей!

Недовольно бурча что-то под нос, она дала им войти. Взгляд ее был настолько колючим, что, казалось, мог ранить до крови. Внимательно следя за каждым движением незваных гостей, она пыталась угадать, когда те начнут их грабить. Ничего хорошего от таких головорезов ждать явно не приходилось!..

В доме Кулл обнаружил какого-то старика. Его волосы были седые, а лицо избороздили морщины. Все в нем говорило о почтенном возрасте и удивительной внутренней силе. Безусловно, это и был старейшина.

— Садись, Кулл, — произнес Уфстбас, указывая на стул, стоящий поблизости. — И вы тоже присаживайтесь, — добавил он специально для

Вайлера и Дао Тиво, которые все еще стояли возле входа. Убедившись, что атлант со своими друзьями удобно устроились, он широко улыбнулся. — Милая, — обратился он к женщине, которая, как понял Кулл, приходилась ему женой, — дай нам что-нибудь поесть.

Та тут же убежала на кухню готовить, ведь гостей (хоть и нежеланных) нужно накормить. Правда, в ее глазах, это было сущее расточительство, но деваться было некуда, так что пришлось расщедриться.

— До нас добрался твой посланец. Он рассказал, что ты ищешь у меня помощи, — промолвил атлант, вспоминая Хадратуса. — Но я так и не понял, что же у вас тут происходит.

— Я не посылал никакого гонца, — ответил Уфстбас.

— Как так? — изумился Вайлер. — А кто же его тогда к нам направил?

— А что, у вас в деревне не завелось, случайно, чудовища? — одновременно с ним спросил кхариец.

Старейшина посмотрел на них загадочным взглядом, в котором светился ум, и... странная печаль. Они ищут ответов, как и он когда-то. Но готовы ли они к ним? Тяжко вздохнув, он произнес:

— Видите ли, много веков назад на свете жил колдун, и звали его Раан. В те времена, когда случилась эта история, Раан был молод и полон сил и надежд. Ужаснувшись страданиям людей, талантливый маг решил создать источник с жи-

вой водой. Много лет заняло у него воплощение этого желания. Весь свет он обошел в поисках нужных составляющих. И вот, наконец, ему удалось задуманное... — старейшина надолго замолчал.

Кулл и его друзья в нетерпении ждали продолжения.

— Но узнал об этом чудесном источнике злой чародей Тулса Обреченный, — прервал затянувшееся молчание Уфстбас, — и решил отравить воду в нем. Но не удалось ему этого сделать, и источник продолжал оставаться все таким же чистым и живительным.

В это время на столе перед ними, словно по волшебству, появилась грибная похлебка, которой ни одному из друзей никогда в жизни еще не доводилось пробовать. Опасливо зачерпнув ложкой, Вайлер попробовал горячую еду. Немного посмаковав, он нашел похлебку очень вкусной и с жадностью набросился на еду.

— Тогда придумал злодей способ, чтоб никто не мог использовать воду источника, — продолжал старейшина. — Поставил он Стража, не дающего никому приблизиться к животворной воде. Разгневался на это Раан и уничтожил творение Тулсы Обреченного. Но злой чародей не уснокоился! Он сотворил нового монстра и даровал тому способность становиться невидимым. Раан пытался одолеть и это зло. И была битва, после которой невидимое чудовище-Страж исчезло на несколько веков... Так было... — закончил он повествование.

— А что сейчас не так? — неожиданно спросил Дао Тиво. — Чудовище опять появилось, я угадал?

— Да, — отозвался Уфстбас. — Страж появился вновь... Мне было видение, что навсегда избавить Албре от этой твари может только прославленный Кулл из Атлантиды, — тихо добавил он.

— А если мы расправимся со Стражем, вы заплатите нам за работу пятьдесят золотых, вторую часть обещанных Хадратусом денег? Мы рассчитываем на это!

— У нас очень небогатая деревня, — произнес старейшина, — но... я знаю, что жители согласятся собрать для вас нужную сумму... Только избавьте нас от чудовища!

Атлант не прислушивался к разговору, погруженный в тяжкие думы. Его терзали тысячи вопросов.

Почему Хадратус сказал, будто его послал Уфстбас, тогда как тот утверждает, что никого не звал на помощь... но все же рассчитывал на появление Кулла? Что за тайну скрывает старейшина, ведь он явно сказал им далеко не все? И что он представляет собой, этот загадочный Страж?..

— Спасибо за вкусную еду! — поблагодарил он. — Теперь же, друзья мои, пойдемте и посмотрим на все сами!

— Предвкушаю добрую драку! — заулыбался Вайлер.

— Будет бой, — согласился кхариец.

* * *

Спрашивать дорогу не пришлось. Первая попавшаяся тропа вывела атланта и его спутников к источнику, вокруг которого росли толстые вековые дубы. Их могучие ветвистые кроны, переплетаясь друг с другом, создавали некое подобие купола, скрывающего всю округу от дневного света. Тут было царство загадочного полумрака, ибо отчего-то в любое время суток в воде отражались месяц и звезды.

— Прохладно, — произнес Вайлер. — А я так хотел посидеть еще сегодня вечером в какой-нибудь таверне, мирно поиграть с местными жителями в кости...

— Точнее, обобщить их, — усмехнулся Кулл.

— А это с какой стороны посмотреть.

— Друзья, — решил сменить тему Дао Тиво, — что вы думаете о старейшине?

— Старик Уфстбас совсем из ума выжил! — презрительно фыркнул Вайлер.

— Не знаю, не знаю... — рассеяно потянул атлант, прислушиваясь к своему внутреннему чутью. Иногда оно просыпалось и предупреждало об опасности, но такое происходило очень редко.

— Красиво тут, — заметил кхариец.

— Красиво.

— Чудовища только нет!

Оставив коня щипать травку, Кулл решил немного прогуляться. Что-то насторожило его. Он сам толком не мог объяснить это словами. Просто ему казалось, что за ними следят. Где-то

близко находился затаившейся враг, который дожидался, когда кто-нибудь из людей окажется рядом, чтобы молниеносно атаковать его.

Вайлер ничего подобного не замечал. Он безбоязненно подошел к источнику. Опускившись на корточки, он долго смотрел в воду, но зачерпнуть и отпить так и не решился.

— Холодом веет, — пробормотал он.

К нему подсел Дао Тиво и, набрав в ладони драгоценной влаги, глотнул. Вода оказалась необычайно вкусной. Казалось, все краски жизни умещаются в ней. Она наполняла силой и снимала усталость, накопившуюся за длинный день.

— Кулл, отведай! — предложил он.

Атлант покачал головой. Сейчас расслабляться нельзя ни в коем случае. Страж перестал наблюдать за ними, и это настораживало. Значит, он что-то задумал. Ожидая нападения в любую минуту, Кулл приготовился дать достойный отпор. В его руке уже сверкал меч. Однако время шло, а ничего не происходило.

— Поехали обратно, а? — предложил Вайлер, которому надоело стоять здесь и ждать неизвестно чего.

— Ладно, согласился Кулл. — Но завтра мы вернемся!

— Конечно-конечно.

* * *

Когда они подъезжали к деревне, то услышали чей-то крик. Предчувствуя неладное, атлант

пустил коня в галоп. Тревога не покидала его. Глядя на хмурое лицо Кулла, посерьезнел даже беззаботный Вайлер.

Кричала юная девушка. Она закрывала лицо ладонями, из-под которых струились ручейки слез. Всхлиывая, она старалась что-то произнести, объяснить, но лишь беззвучно раскрывала рот. Атлант сразу заподозрил какое-то черное колдовство.

— Что случилось?! — спросил он.

— Когда... там...

К ней подошел кхариец.

— Не надо плакать, девушка, — сказал он. — Лучше расскажи, что произошло... Может быть, мы сможем помочь твоему горю. — И он ласково погладил ее по голове.

Сотрясаясь в рыданиях, девушка поведала им обо всем. Выяснилось, что, когда она зашла к старейшине, чтобы расспросить того о чужеземцах, приехавших в деревню, то увидела два трупа. Мертвые тела Уфстбаса и его супруги лежали почти на самом пороге.

Отсеченная голова старика лежала темного в стороне. На стене же кто-то написал кровью: «Я вернулся».

Не дослушав ее, Кулл подбежал к дому старейшины. Застыв у дверей, он позвал многомудрого кхарийца.

— Он утешает малышку, — ответил ему Вайлер.

— Все равно, позови!

— Я уже тут, — сказал Дао Тиво. — Я лишь

отвел бедняжку домой и сразу же поспешил сюда.

— Ты мог бы найти убийцу по следу, который он оставил?! — поинтересовался атлант.

— Да.

— Тогда чего же мы ждем? — возмутился Вайлер.

И кхариец принялся за дело. Планомерно обыскав весь дом, он произнес:

— Это существо проникло в дом через окно, а потом напало на старика и его жену... Идите за мной.

* * *

Они бесшумно шли друг за другом, постепенно настигая Стража источника, который даже не думал скрываться. С каждым мигом расстояние между ними сокращалось, и Кулл, заскрежегав зубами, приготовился к ожесточенному бою. Он уже видел, как прольет кровь подлого врага... От сладостных размышлений его отвлек приглушенный вскрик. Когда атлант обернулся, в его руках уже сверкал обоюдоострый клинок.

— Что-то острое впилося мне в ногу, — объяснил Вайлер.

— Тише вы, — цыкнул на них Дао Тиво. — Но если рана серьезная, то покажите мне, ведь сами знаете, я кое-что смыслю в лекарском искусстве.

Но Вайлер отказался от помощи и поспешил дальше.

Кулл двинулся следом, однако убирать меч в ножны он все-таки не стал. Уж больно подозрительно колыхались кусты по обочинам, а ведь не было ни дуновения ветерка...

* * *

— Кулл... — неожиданно прохрипел Вайлер, когда они уже почти подошли к источнику.

— Что с тобой? — одновременно спросили атлант и Дао Тиво.

— Нога... — с трудом выдохнул тот. Ему мешала говорить кровь, внезапно хлынувшая изо рта.

— Что с ним такое? — тревожно поинтересовался Кулл у кхарийца, который торопливо осматривал воспалившуюся, гноящуюся рану Вайлера.

— В порезе очень сильный яд... — отозвался Дао Тиво. — Возможно, что он наступил на растение корх, шипы которого выделяют сок, смертельный для человека.

— Я... умру... — отплевываясь кровью, пробормотал Вайлер.

— Да, — подтвердил кхариец.

— Дружище, ты выживешь! Я уверен! — попытался обнадежить его атлант, но тот уже не подавал признаков жизни.

— Он мертв, — растерянно пробормотал Дао Тиво.

— Я отомщу! — поклялся Кулл.

— Кому? Растению? — грустно усмехнулся его спутник.

— Нет, Стражу источника. Я уверен, это он во всем виноват!

Кхариец резко поднялся.

— Позаботься о Вайлере, — сказал он.

— А ты куда? — поинтересовался Кулл.

— Мстить.

— Нет, — решительно проговорил атлант. — Мы сейчас вместе похороним друга и только после этого разберемся с чудовищем!

Дао Тиво нехотя согласился с ним, принявшись за работу. Они с помощью своих мечей (никому из них не хотелось так обращаться с клинками, но ничего другого, что можно было бы приспособить для копания, не было) вырыли яму и, уложив в нее Вайлера, закидали тело камнями.

— Покойся с миром, друг. Ты жил и умер, как воин!

* * *

Логово Стража находилось недалеко от источника. «И как только я не заметил его, когда приходил сюда в прошлый раз?» — удивился атлант, присматриваясь к небольшой пещере, уводящей внутрь холма.

Покачав головой, Кулл приблизился ко входу. Он хотел первым встретиться с врагом, но Дао Тиво опередил его. Кхариец вбежал внутрь, держа перед собой меч.

— Я отомщу за тебя, друг Вайлер! — кричал он. — Отомщу!

— Стой! — бросил ему вдогонку атлант, но было уже поздно.

— А-а-а... — до него донесся постепенно стихающий крик, означавший, что Дао Тиво погиб — глупо и бессмысленно.

Кулл еле сдерживал ярость. Он не торопился влезать в логово Стража, памятуя о судьбе друга. Опаснейший противник поджидает его внутри. Он прикончил уже двоих опытных бойцов, — в этом атлант не сомневался. Нужно быть особенно осторожным, чтобы победить в схватке с ним.

Отгнав лишние мысли, Кулл бросился в узкий проход. Здесь его встретила тьма, в которой прятался кто-то невидимый, неосязаемый, мощный и уверенный в себе.

— Эй! — крикнул Кулл, не боясь себя выдать, ведь Страж, конечно же, уже знает об его присутствии.

— Что тебе надо? Уходи! — прогремело в ответ.

Уши атланта заложило, поэтому-то он и не заметил неожиданного нападения сзади. Только слабое дуновение воздуха предупредило Кулла откуда ожидать атаки. Он быстро вскинул меч, парируя удар противника.

— Я не уйду!

— Как ты смеешь противиться мне, смертный?! — спросил Страж.

— Я — Кулл, атлант! — Он был уверен, что его враг — существо из плоти и крови, а оружием ему служит простой меч... это подсказывало

внутреннее чутье, которое его еще ни разу не обманывало.

Страж источника ответил яростной атакой, которую Кулла вновь удалось отбить. Их клинки встретились, и подземную мглу осветил снопискр, разлетевшихся в разные стороны.

— Ты достоин пасть от моей руки, человек!

— А ты от моей! — отозвался атлант.

Вновь пещеру наполнил звон мечей.

— Знаешь ли ты, кто перед тобой?!

— Знаю, — выдохнул Кулл, ощущая, как быстро тают его силы.

— Я — Страж Источника! Я воскрес! Я вновь вернулся в мир!

Кулл попытался достать своего противника ударом в живот... или, по крайней мере, туда, где должен был находиться живот у обычного человека, которым, впрочем, все равно нельзя было назвать Стража источника. Меч атланта, прорвав защиту противника, скользнул чуть-чуть вниз и вонзился в колено врага.

Неожиданно зажглись несколько десятков факелов, осветив поверженного великана. Тот лежал на гладком полу, зажимая руками рану. В его глазах Кулл прочел обещание скорой смерти.

— Ты мне надоел, атлант!

Внезапно, гигант исчез, растаяв прямо на глазах у Кулла. Но он отнюдь не думал спастись бегством, а вновь возобновил бой.

— Надо же, ты еще сопротивляешься! Итак, продолжим?! — усмехнулся атлант. Он чувствовал близость Стража. В сущности, ничего не из-

менилось. Вначале они бились в темноте, и атлант не мог узреть своего противника; теперь же тот стал невидимым.

С каждой секундой Кулл все отчетливее осознавал, что проигрывает, силы уходили из тела. Но его клинок все еще танцевал в воздухе, запиная хозяина от смерти, отбивая яростные удары великана, который уже понял, что атлант слабеет. Под градом ударов Кулл покачнулся. И вот удача окончательно оставила его, и меч Стража источника вошел в его живот. Скорчившись, атлант упал, но клинок не выпал из его ослабевших рук.

— Сейчас ты умрешь, — прошипел великан.

Кулл видел, как смерть склоняется над ним. «Нет, я не уйду в иной мир, пока кровь врага не оросит лезвие моего меча!» — стиснув зубы, он поднялся. Его шатало, но он сумел найти в себе силы на последнюю отчаянную атаку.

— Мне наскучили эти игры! — закричал Страж источника. — Твое время истекло, человек!

Из его пасти вырвались языки пламени, едва не испепелившие атланта, которому чудом удалось избежать смерти. Промедление грозило ему немедленно гибелью, — и Кулл, воззвав к богам, покровительствующим ему, метнул меч в голову великана.

Страж попытался увернуться, но, клинок, пущенный рукою атланта с благословения Высших Сил, достиг своей цели. Он рассек голову гиганта надвое.

— Это тебе за гибель моих друзей!

* * *

Несмотря на терзающую его боль, Кулл нашел в себе силы вылезти из пещеры умерщвленного Стража, добраться до источника и погрузиться в его животворящую воду. Рана в тот же миг стала затягиваться, и атлант почувствовал себя намного лучше.

— Выжил, значит, — поинтересовался Хадратус, материализуясь перед ним прямо из воздуха. — Следовательно, со Стражем покончено.

— Кто ты такой? — пораженно поинтересовался Кулл.

Хадратус не обратил внимания на его слова.

— Хорошая работа! — улыбнувшись, похвалил он. — Вот обещанные деньги.

В руках атланта появился кошель с золотом.

— Они мне не нужны! Я хочу знать правду!

— Ха, — усмехнулся Хадратус, исчезнув также внезапно, как и появился.

— Так кто же ты? Мы с тобой еще встретимся?!

Ответа Кулл так и не получил.

* * *

Фигура одинокого всадника скрылась за горизонтом.

— Он сумел победит Стража! А ведь Тулса Обреченный вложил в того частичку самого себя! — восторженно сказал Хадратус. — Теперь его ждет новое опасное приключение... Я прав, учитель Раан?

— Прав, ученик, — подтвердил тот, кого называли Рааном, Дао Тиво... и многими другими именами, ибо он был многолик.

— Но нам предстоит еще раз встретиться с ним? — полюбопытствовал Хадратус.

— Да, — отозвался Раан. — Мы непременно увидимся вновь!

Тайна топей

Хозяйка топей, одна из красивейших в мире женщин, внимательно наблюдала за Куллом, который, ни о чем не подозревая, осторожно шел по болоту. «Станет ли он тем, кем я желаю его сделать? — подумала она. — Будет ли он моим верным помощником?»

— Я знаю, ты где-то здесь, — прошептал атлант, осматриваясь. Он чуял, что существо, уничтожить которое он пришел, где-то рядом. — Я убью тебя и получу неплохие денежки от валузийской аристократки, не захотевшей назвать своего имени. Она желает иметь в своей коллекции твою шкуру, страшилище! И будь я проклят, если я не добуду ей ее!

Конечно, он мог бы явиться в топи, находящиеся посреди Малых Княжеств, и один, дабы сразиться с чудовищем, но его сумели убедить, что это будет глупый поступок. Кто будет сторо-

жить его сон? Кто прикроет его в жестокой сече? Так что, подумав, Кулл счел возможным поделить вознаграждение на двоих. Посему он отправился на поиски жуткого создания вместе с Халидом, турийцем, уже успевшим, подобно самому атланту, завоевать славу великого воина.

— Возможно, не твой меч, а мой прервет такую долгую жизнь этого существа, — ухмыльнувшись, заметил Халид.

— И что дальше? — хмуро поинтересовался атлант, прислушиваясь к дыханию трясин. Что-то подкрадывается к ним... Оно не спешит нападать, изучая их, своих противников. Оно не собирается честно сражаться с ними, нет, оно просто нанесет один-единственный удар, который будет для них смертельным. И он, Кулл, должен суметь предугадать его и опередить.

— О чем задумался, а? — веселился туриец. — По лицу вижу, размышляешь над чем-то очень неприятным!

— Тихо, — отозвался тот. Его звериная сущность дикаря обострилась, стремясь понять ту странность, что он сразу ощутил в этом загадочном месте.

— Оно приближается, — пробормотал Халид. — В воздухе витает его гнилостный запах!

Вынув из ножен меч, Кулл ждал начала боя. «Уже скоро, — предполагал он. — Нужно лишь немного выждать, и тварь сама допустит ошибку.»

— А вот и я, — позевывая, к ним вышел парнишка лет девяти. Несмотря на его юный воз-

раст, в глазах теплилась мудрость, больше присущая древним старцам.

— Умри! — взревел Халид, собираясь снести ему голову, но атлант остановил его.

— Это совсем не то, зачем мы с тобой явились сюда.

— Перед нами враг, — проскрежетал туриец, но, тем не менее, остановил смертельное движение своего клинка. — Что делать ребенку в таком месте?

— Ребенку? — переспросил юнец. — А может быть демону или могущественному волшебнику? Разве вы можете знать, кто скрывается за этой личиной?

— Нет, я все-таки убью его! — воскликнул Халид.

— Подожди! Да, он не тот, за кого себя выдает. Но он и не то создание, уничтожить которое мы явились! — заметил Кулл. Чутье, которое его еще ни разу не подводило, подсказывало ему, что этого делать не стоит.

— Откуда ты знаешь? Он сам сказал, что может быть кем угодно! Даже тем, на кого мы охотимся!

— Все возможно, — заметил парнишка, истаявая, подобно утреннему туману. Он исчез, и не осталось даже намека на то, что всего лишь миг назад он был здесь.

«Кто он, и что ему было от нас нужно?» — недоумевал Кулл.

Сплюнув, Халид произнес:

— Мне это не нравится. Здесь явно не общ-

лось без колдовства, которое противно настоящему воину!

— Да, — согласился атлант. Покачивая головой, он добавил: — Мне часто приходилось сталкиваться с волшебством, и каждый раз я умудрялся побеждать. И этот раз не станет исключением.

— Ты так считаешь? — турийцу хотелось поскорее расправиться со страшилищем и отправиться пьянствовать в какую-нибудь валузийскую таверну к смазливym продажным девкам. В отличие от Кулла, он впервые сталкивался с чародейством. «Помоги нам Небо!» — взмолился он, ощущая, как мурашки бегут по коже.

Стыдясь за собственный страх, он прорычал:

— Демоны бы побрали всех магов и порожденных их подлым колдовством тварей!

* * *

За весь день им так и не удалось отыскать страшилище, слух о котором дошел до Валузии. Они обыскали огромную территорию, но даже не смогли обнаружить его следов. Кто-нибудь другой мог бы подумать, что легендарное чудовище не более чем миф, но только не атлант. Он знал, что оно где-то близко, оно рассматривает их, изучает...

— Скоро закат, пора разбивать лагерь, — заметил Халид.

— А зачем? — поинтересовался парнишка, вновь появляясь перед ними. — Для чего? Не

проще ли переночевать среди... людей, в безопасности?

Первым порывом турийца было уничтожить того, кто скрывается в облике отрока. Но, подумав, он не стал так поступать. Он пришел сюда не за жизнью юнца, который, конечно же, заведет их в заранее расставленную ловушку. И это замечательно! Зачем гоняться за порождением ужаса по топям, опасаясь в любой момент сгинуть в болоте, когда можно дать бой твари... правда, на ее условиях?

— Так мы и поступим, — отозвался Халид. — Мы принимаем твоё приглашение! Мы одолеем противника в его собственном логове!

— Оно будет уничтожено! — вторил ему Кулл, напряженно вертя головой.

— Меня зовут Гурран, — представился юнец. — Следуйте за мной, вашим проводником в этих землях ужаса.

— Ха, хорошая шутка, — притворно улыбнулся атлант. Ему не было весело. Скоро зайдет солнце, и лес погрузится во тьму. Что произойдет тогда?

Идя за Гурраном, они старались запомнить дорогу, чтобы в случае чего смогли бы вернуться самостоятельно. Парнишка заводил их все глубже и глубже в болото.

Трясина... Одно это слово заставило атланта скривиться. «Что если он хочет утопить нас?..»

— Долго еще? — раздраженно поинтересовался он.

— Нет, мы уже почти пришли.

Они сделали несколько шагов и вдруг вышли на гигантскую поляну посреди топей. Здесь стояло не меньше десятка деревянных домов. «Не может быть! — хотелось воскликнуть атланту. — Тут не должно быть никакого поселения! Это морок!»

— Наше племя живет здесь с начала времен. Мы прячемся от людей, поэтому о нас никто ничего не знает, — сказал Гурран.

— Вы владеете магией, — произнес Халид, и это не было вопросом.

— Естественно, — кивнул отрок, — а как бы иначе нам удалось выжить в таком жутком месте, имея в соседях вурдалаков, упырей, оборотней и прочих столь же отвратных тварей?

— Но... но... — туриец не знал, что еще сказать.

Кулл не участвовал в их беседе, он желал проверить реальность происходящего. Если это иллюзия, то она растает, стоит мне прикоснуться к ней, — подумал он. Подойдя к ближайшему строению, он дотронулся до него.

— Ничего не произошло, — зачарованно пробормотал он. Так неужели все это на самом деле?

— А видели ли вы чудовище, которое по слухам обитает где-то тут? — меж тем продолжал выпрашивать Халид.

— Много разных тварей обитает в наших топях, — заметил юнец.

— Понятно, — погянул туриец. — А вот...

— Позже задашь свои вопросы, — перебил ат-

лант. — Сейчас меня гораздо больше интересует другое.

— Что же это? — спросил Гурран.

— Куда подевались люди?

— Они заняты, — отозвался он. И добавил: — Пока же я бы, на вашем месте, поумерил свое любопытство. Вы все узнаете обо всем, но только позднее. Ныне же, на правах хозяина, разрешите накормить вас. Вы, наверняка, проголодались, топая по нашей земле.

«Что-то он скрывает. И я подошел слишком близко к разгадке этой тайны. Что-то кроется не только за его несуразным обликом мудрого ребенка, но и за всем происходящим. Неплохо было бы побеседовать с местными жителями, если они только существуют в действительности...» — подозрения бурлили в душе Кулла.

— А не отравишь? — поинтересовался Халид.

— Не хочешь, не ешь, — заметил парнишка.

Через несколько минут все трое уже сидели за большим круглым столом в одной из просторных комнат в домике, который стоял точно посреди поляны. Гурран погрозил кому-то невидимому кулаком, и тут же перед ними стали появляться различные блюда. «Уж не мясом ли вампиров будут потчевать?» — переживал туриец.

— А запах... — благоговейно прошептал Кулл, хватая большой кусок жареного мяса. Попробовав, он заявил: — Такого я еще никогда не пробовал!

Халид сглотнул. И, наплевав на предосторож-

ности, принялся с увлечением поглощать все, что перед ним появлялось.

— Чудесно, — прочавкал он.

— Кушайте, кушайте, — приговаривал юнец.

— А ты почему не ешь? — поинтересовался Кулл. Подозрительность, которая уже успела развеяться, вновь вернулась к нему.

— Я сыт, — ответил тот. Но, чтобы не обидеть гостей, пододвинул к себе поближе жаркое из медвежатины.

Некоторое время они ели молча. Когда утолили первый голод, Халид, икнув, поинтересовался:

— А вот мне интересно две вещи. Во-первых, зачем нужно добывать пищу, если ее можно просто наколдовать. И, во-вторых, почему жители еще не вернулись, ведь солнце уже заходит?!

— Ничего невозможно сотворить из воздуха. Это только глупые, ничего не смыслящие в магии шарлатаны могут утверждать обратное. Так что эта пища уже была приготовлена специально для вас: как видите, мы вас ждали. Что же касается людей, то... мы видим отлично, не только днем, но и ночью.

— Хм...

— Ладно, все это неважно, — произнес атлант. — Мы пришли сюда, чтобы уничтожить чудовище. Местное население, их быт и верования нам совершенно не интересны.

— Правильно, — согласился туриец. — Но все-таки так хотелось потешить любопытство...

— Хватит, — бросил его напарник. — Пора спать.

Щедрым угощением и словоохотливостью Гурран почти сумел усыпить их бдительность. Но всегда ожидающий худшего Кулл на всякий случай решил всю эту ночь бодрствовать и узнать, как и чем здесь живут. Да и люди ли тут, вообще, обитают? Глядя на юнца, этого нипочем не скажешь. Слишком уж он странный...

— Здесь же вы и спать будете, — произнес Гурран, указывая на две узких лежанки около стены. — Пусть вам приснятся сладкие сны. Ни о чем не беспокойтесь!..

— Спасибо, — поблагодарил Халид, укладываюсь.

— Неудобно, зато в тепле... — пробурчал атлант.

Парнишка ушел, и туриец тут же захрапел. «Хорошо ему, — смотрел в окошко Кулл, — а мне приходится заботиться о нашей безопасности. Пожалует ночью какой-нибудь демон по нашу душу...»

* * *

Вначале ночь тянулась как-то обыденно, скучно. Ничего волшебного не происходило. «Наверное, зря я сегодня лишил себя сна, — грустил атлант, позевывая. — Ничего-то загадочного, того, что могло бы помочь отыскать почему-то спрятавшееся страшилище, сейчас не произойдет.»

Однако, несмотря ни на что, он продолжал бодрствовать. И вот ближе к утру он стал свидетелем фантастического зрелища: появилось семеро существ, чьи лица и фигуры скрывали длинные белые балахоны с капюшонами.

«Жрецы?» — недоумевал Кулл.

— Братья, близится наш час, — произнес один из них.

В них было нечто, что заставило атланта заскрежетать зубами и взяться за меч. «Отродья Мрака, я узнал вас! — оскалился он. — Скоро мой клинок напьется вашей крови!»

— Подъем! — тешнул он турийцу. — Противник близок!

— Что? — зевнул тот. — О ком ты?

— Смотри, — атлант указал на семерых.

— Порождения Тьмы, — прошипел Халид. Он так же, как и Кулл, сразу ощутил нечто противоестественное в этих созданиях. Он не мог выразить словами то, что понимала его простая варварская сущность. Они — враги, а посему должны быть уничтожены.

— Балка! — взревел атлант, выпрыгивая через окно на улицу. Его меч тускло сверкнул в лунном свете, перед тем как впитаться в тело одного из недругов. Брызнула красная человеческая кровь. Слизнув несколько капель с клинка, Кулл убедился, что и на вкус она точно такая же, как у людей.

— Небо, помоги мне! — воскликнул туриец, присоединяясь к кровавому пиршеству, устроенному его приятелем. Одного за другим они уби-

вали созданий в белых балахонах, которые даже не помышляли о сопротивлении. Существа падали на землю и умирали в страшных муках. Казалось, это не честный металл прервал их жизнь, а мрачное колдовство.

— Что бы все это значило? — вслух произнес атлант.

— Ты хочешь знать ответ? — поинтересовалась тот, кто еще мгновение назад был трупом. Раны на глазах изумленных воинов затянулись, и вот уже перед ними вновь стоял живой и невредимый противник.

— Кто... кто ты такой? — прошептал Халид.

— Вставайте, братья! — выкрикнул тот, скидывая ставший ненужным балахон, под которым оказалось кошмарное, непропорциональное, уродливое тело. Неправдоподобно большие руки и ноги с длинными, крепкими, точно из стали, когтями; крохотное по сравнению с ними туловище; огромная пасть, из которой торчали изогнутые клыки, с которых капала черная жидкость, — вот с чем довелось встретиться Куллу в этот раз. Но самое неприятное заключалось в том, что таких существ оказалось целых семь!

— Что если это и есть легендарные чудища? — воскликнул туриец, уходя в глухую защиту. Он уже не помышлял о нападении. Что он может противопоставить нечеловеческой скорости и мощи противников?

— Какая разница? — фыркнул атлант, смахивая пот со лба. Шаг за шагом он отступал. «И

почему же я взял с собой только одного помощника?» — печалился он. Была бы у него в подчинении дюжина профессиональных воинов, от страшилищ и мокрого места не осталось. А так... Уж сколько раз Кулл попадал в ситуации, когда враг намного превосходил численностью... давно пора бы набраться ума-разума...

— Берегись! — выкрикнул Халид.

Атлант еле успел обернуться. Его меч со звоном встретился с когтями подобравшегося чересчур близко создания. «Нет, так мне никогда не победить...» — осознав это, он ринулся в безумную атаку, рискуя быть разорванным в тот же миг. Удача сопутствовала ему: Кулл сумел срубить голову одному из противников. Создание из кошмара зашаталось и рухнуло наземь.

— Так-то! — возликовал тот. — Валка и Хотат! Умрите, твари!..

Но противников оставалось еще шестеро. И атлант, и туриец понимали, что в этом бою им не победить. Но оба продолжали лелеять надежду на чудо, которое поможет им выиграть это сражение, уничтожить мерзких созданий, оскверняющих землю одним своим присутствием. Встав спиной друг к другу, воины приготовились подороже продать свои жизни. Если они и погибнут, то заберут с собой в Чертоги Мертвых как можно больше недругов.

— Зачем вы сопротивляетесь нам? — хором поинтересовались существа, продолжая сражаться. Их движения были все также быстры и смертоносны, как в начале сечи. — Мы всего лишь

хотим отомстить вам, смертные, за собственную гибель!

— Хотат! — выкрикнул Халид, вонзая меч в плоть одного из недругов. При этом он открылся, и пара когтистых лап таки дотянулась до него.

— Нет!.. — воскликнул Кулл, наблюдая, как его товарищ медленно оборачивается. Из многочисленных ран лилась кровь, но туриец, не обращая на нее внимания, широко ухмылялся. Его клинок запел победную песнь, уничтожая противников одного за другим.

— Я умру, но и этих заберу с собой! — яростно прохрипел он.

Атлант продолжал отбивать сыплющиеся на него градом удары.

— Все, — внезапно произнес Халид, падая на землю. И голос его звучал как-то переаально, светло и чисто. — Мы победили...

Стало очень тихо. «Он ушел в Чертоги Мертвых так, как хотел бы это сделать и я! — Кулл поклонился. — Под нашими с ним клинками пали эти создания Мрака!..»

— Какая нелепая смерть! — это подал голос внезапно объявившийся на месте побоища Гурран. Вид его был печален: — И зачем только вам потребовалось вступать в ход этого древнейшего ритуала?

— Они — суть вечное Зло! — твердо произнес атлант.

— Ну и что? — хмыкнул отрок. — Ты что, собираешься изничтожить всех порождений богов Тьмы? Очистить мир от *всех* чудовищ?

— Если только они встанут на моей дороге... или мне за это хорошо заплатят, — отозвался Кулл.

— Ха! Ты лучше скажи, чего вы добились... Расправились с прислужниками, но самый главный ужас топей все еще жив! И тебе ныне придется встретиться с ним один на один!

— И до него черед дойдет, — бросил тот. — Кстати, ты утверждал, будто бы здесь обитает ваше племя...

— Теперь уже нет.

— Как это? — удивился атлант.

— Вы со своим приятелем убили всех моих родных, — заявил Гурран. Хихикнув, он добавил: — Эх, остался один.... Сирота я, сирота...

— Но... — атлант присмотрелся к нему. Нет, в мальчике не чувствовалось ярко выраженного Зла. Просто он был какой-то странный, и все. — Но как ты мог родиться от таких существ?

— А вдруг, это они — мои дети?

От такого предположения Кулл содрогнулся. Валка, что же тут творится? Деревня посреди трясины, и ее жуткие обитатели... Теперь понятно, почему они вынуждены были прятаться, скрывая самое свое существование.

— Тварь начала охоту на тебя, — осклабился мальчик. — Поверь мне, я знаю. Тебе стоило бы быть более осторожным и осмотрительным.

И действительно, кто-то подкрадывался к нему. По коже пробежали мурашки, что было так непривычно для яростного воина. Его лицо покраснело от гнева. «Этот юнец пытается запу-

гать меня! Я много раз встречался с порождениями Мрака и побеждал не только каких-то там страшилищ, но и самих богов! Что мне какое-то болотное отродье!»

— Возвращался бы ты лучше в Валузию, прихватив с собой шкуру, содранную с какого-нибудь из моих убитых родичей, позабыв навсегда о том, что побывал тут... — вздохнув, произнес Гурран.

Атлант лишь угрюмо посмотрел на него. Этот парнишка, чью сущность он никак не мог разгадать, упорно пытался уговорить его сдаться, отступить! Нет, не бывать этому! Кулл, как всегда, намеревался идти до конца и узнать, что за враг прячется в этом мерзком болоте...

— Да, Кулл, скоро тебе обо всем станет известно. Вот только долго ли ты проживешь после этого?..

* * *

Остаток ночи атлант провел за рытьем могилы для Халида. Все это время Гурран стоял рядом и молчал. Его присутствие тяготило варвара, Куллу хотелось побыть одному, дабы собраться с мыслями и решить, как действовать дальше. Легендарное чудовище не спешило нападать, вероятно, опасаясь сильного противника, или же не желало рисковать понапрасну. Куда проще изнурить противника, а потом прийти и прикончить его, уже не способного сопротивляться. Тем более туриец погиб, и уже никто не

будет охранять его во время сна. «Это подло, убивать спящего, — злился атлант. — Но у безмозглого чудовища нет понятия чести...». Хотя он все больше и больше убеждался в том, что, скорее всего, имеет дело с разумным противником, а не просто с какой-нибудь тупой кровожадной тварью.

— Попрощался? — поинтересовался малец, когда яма, на дне которой отныне покоился труп храброго воина, была засыпана землей.

Кулл не обратил внимания на его слова. «У меня не так много времени, чтобы я мог позволить себе растрачивать его попусту, — размышлял он. — Вот бы кто-нибудь подсказал мне, где искать это жуткое страшилище!»

И тут взор его остановился на пичего не подозревавшем Гурране. «Вот кто мне поможет, сам того, вероятно, не желая! — возликовал атлант. — Он расскажет мне все, что знает, иначе я его разорву на части!»

— Где его логово?! — прорычал он.

— Кого? — парнишка сделал вид, что не понял вопроса.

— Ты знаешь, о ком я говорю, — зловеще отчеканил Кулл. — И если ты мне немедленно не поведаешь о...

— Хватит угроз! — отрок замахал руками. — Хочешь поскорее свидеться со своим приятелем-турийцем? В этом я могу тебе помочь!

— Ну? — поторопил атлант. Ему хотелось новой битвы, о ночном сражении с семерыми порождениями Мрака он уже позабыл. Его душа жа-

ждала крови неведомого существа, из-за которого он был вынужден бродить по зловонному болоту.

— Он ждет тебя в моем жилище, — мальчишка ухмыльнулся. — Он всегда где-то рядом с тобой, но его никак не может настичь твой обоюдоострый клинок.

— Мы еще посмотрим, кто победит! — заявил атлант.

Кулл, держа двумя руками меч, пинком выпихив дверь и окунулся в ставшее вдруг зловещим нутро дома, где пряталось загадочное существо.

Ну где же ты? Выходи и встречай свою судьбу, чудовище!

— Глупец, — проскрежетала тварь, неожиданно появляясь перед ним. Она была поистине кошмарной! Что такое какие-то жалкие семеро упырей перед ней! Существо было истинным страшилищем, поражающим, завораживающим своим воистину совершенным, идеальным безобразием. Оно представляло собой единый сплошной комок щупальцев, из которого выглядывало множество глаз. И еще имелась узкая щель — пасть... «Мне достаточно нанести один удар, и оно умрет», — подумал Кулл.

— Я... — он слотнул, — я пришел, чтобы уничтожить тебя.

— Меня? Для чего тебе это? — ехидно поинтересовался монстр. — Почему я должен отпираться в Чертоги Мертвых? Я просто живу, стараясь никому не мешать!..

— Ложь! — взревел атлант. — Ты пытаешься обмануть меня!

Все это — иллюзия, созданная противником, чтобы отвлечь его! Нет, он не поддастся его магии. Он будет сопротивляться! Уж сколько раз его пытались зачаровать, обхитрить, но никому еще это не удалось...

Он взмахнул мечом, собираясь одним ударом прервать ничемную жизнь страшилища. Однако мерзкое создание оказалось на редкость проворным. Уклонившись от удара, оно попыталось оплести Кулла щупальцами. Но не тут-то было, — клинок атланта закружился с невероятной скоростью, обрубая тянущиеся к нему конечности.

— Ты очень ловок, — одобрительно отметил монстр. — Но ни это, ни что-либо другое не поможет тебе остаться в живых после встречи со мной!

Они закружились в бешеном танце смерти. Атлант никогда бы не подумал, что чудовище, с которым ему довелось встретиться в этот раз, может двигаться так быстро. Удар следовал за ударом, Кулл оборонялся и нападал. Кровь хлестала из неглубоких ран, оставленных на его теле недрогом.

«Тварь еще поплатится за это!» — поклялся он, стремясь наконец достать врага мечом. Но тот вновь и вновь ускользал от атланта.

— Ты все же не так проворен, как я предполагал, — проскрежетал монстр. — Долго ты не сможешь сопротивляться мне...

Очередной взмах щупалец, — и атлант ощутил на своей шее смертельный захват. С каждым мгновением дышать становилось все труднее. Кулл захрипел, задержался, клинок выпал из его ослабевших рук...

— Вот и все, дикарь, — желчно усмехнулась тварь. — Ты мертв!

* * *

Первое, что увидел Кулл, когда открыл глаза, было улыбающееся лицо турийца.

«Страпилице не обмануло, я на самом деле умер... Невероятно! Я нахожусь в Чертогам Мертвых, где уже бродят среди льда и тумана многие мои приятели. Рядом со мной Халид, мой верный товарищ, которого я похоронил своими руками...»

— Свыкаешься с мыслью, что то, чего больше всего боятся люди, наконец произошло? — поинтересовался туриец. — Вижу, старушка-смерть позволила тебе бродить по земле лишь чуть дольше моего.

— Меня... убили... — Кулл будто бы пробовал это слово на вкус.

— Так же, как и меня, — подтвердил Халид. — Приятно вновь встретиться с тобой!

— Верно... — пробормотал атлант.

— Что с тобой? — поинтересовался туриец. — Ты сам на себя не похож!

— Я так и не убил эту проклятую тварь, — прохрипел варвар. — Я слишком рано явился

сюда! О Валка, верни меня назад, дабы я мог отомстить!

— Зачем тебе это? — зевнул туриец. — Здесь хорошо, покойно... Тут нет никаких проблем, что тяготили тебя на том свете. Все твои тревоги остались в прошлом! Здесь ты можешь отдохнуть от бесконечных схваток, крови и боли.

— Но мне нравилась моя жизнь, — прошептал Кулл. — Понимаешь?

— Нет, — туриец покачал головой.

И тут — было ли это видением или на самом деле? — Куллу почудилось в чертах Халида нечто от Гуррана. «Сейчас они с ним так похожи, как отец с сыном!» — подумал он. Было ли это следствием смерти, или же дело в чем-то другом, более сложном? Что если за этим скрывается некий секрет, только раскрыв который, атлант сможет...

— Ты так и будешь тут стоять? Или же пойдешь вместе со мной, — прервал его размышления нетерпеливый голос Халида.

— Ты куда-то спешешь? — изумился Кулл.

— Нет, но... мне бы хотелось встретиться с древними легендарными героями.

— Ясно, — кивнул атлант. — Я бы тоже не отказался побеседовать с ними.

Вдвоем они отправились в путь, который для многих был бесконечным.

Они брели по льду, под толщей которого можно было различить забавных крошечных людей, такие же маленькие дворцы и даже целые города.

«Что это? — атлант был в смятении. — Что открывается там моему взору?»

— Представляешь, под нами весь мир, как на ладони! — обрадовано воскликнул туриец. — Что за великолепное зрелище! Смотри, это твоя родина, Атлантида, дальше на востоке виднеется город Пурпурных башен...

— Да, — чувствуя комок в горле, прошептал Кулл. — И теперь мы всего этого лишены! Мы вынуждены лишь наблюдать за жизнью, но не действовать!

«Проклятье! Зачем я оказался в Чертогах Мертвых так рано? Я не готов был покинуть землю, у меня еще осталось столько незавершенных дел» — Душа атланта рвалась назад, стремилась вернуться... хотя бы для того, чтобы уничтожить создание, убившее его.

— Я вернусь, — пробормотал он. — Вернусь во что бы то ни стало!

— Месть — благородное дело, — печально улыбнулся туриец. — Но это не то, ради чего стоит жить! Я понял это только тогда, когда попал сюда!

— И что же тебе стало ясно? — поинтересовался Кулл.

— Ты поймешь это... сам, — отозвался тот. И рассмеявшись, добавил: — Тебе еще многому предстоит научиться!

«Он не тот, за кого пытается себя выдавать, — внезапно рассвирепел атлант. — Даже смерть не смогла бы так изменить отважного турийца! Нет ничего более святого для мужчины, чем

месть! Увидеть кровь своего заклятого врага, — что может быть слаще этого?!»

— Если ты этого еще не понял, я — Гурран. — Тело здорового Хариды медленно менялось, уменьшаясь до размеров ребенка.

«Юнец погиб? — не поверил Кулл. — Этот хитрый мальчишка с глазами мудреца не ушел бы из мира так просто... Но тогда получается, что ему доступна дорога в иной мир, и он может вывести меня, спасти, вернуть назад! Или же, — он даже похолодел от такого предположения, — все это... сон? Что, если я жив?!»

— Это не Чертоги Мертвых, — уверенно произнес он.

— В мире все относительно, — подмигнул ему отрок. — Хотя в чем-то ты, безусловно, прав. Все темного иначе, чем кажется.

— Если мне все это грезится, то, значит, и ты...

— Вот тут ты ошибся! — малец расхохотался. — Оглянись, посмотри на все то, что происходит вокруг!..

— Лед, — пробормотал атлант.

— Лед, — согласился Гурран. — Но он полон жизни и красок. Достаточно только взглянуть в него, и ты увидишь свой путь. Ну, давай же, смелее!

— Ты мне надоед! — прорычал Кулл, хватая мальчика за такую тонкую шею. Небо, как приятно будет придушить этого мерзкого маленького колдуна!..

— Отпусти... — прохрипел тот.

— Нет! В этот раз я не дарю тебе жизнь!

— Открой... глаза... — едва слышно произнес мальчишка.

— Но как? — только и произнес атлант, неожиданно увидев то, что ранее было ему недоступно. Он не верил сам себе. Разве может ледяная пустыня вдруг превратиться в цветущий сад? Там, где мгновение назад лежал снег, сейчас был толстый ковер зелени, росли розы, лилии, гладиолусы...

— Отпусти же меня! — потребовал Гурран. — Я — всего лишь слуга! Хозяйка...

— Хозяйка? — переспросил Кулл.

— О, да, — подтвердил юнец. — Там, дальше, есть небольшое озеро. Около него она ждет тебя.

— Зачем?

— Мне она не сказала, — отрок пожал плечами. — Но, на твоём месте, я бы поторопился. Она не любит ждать.

«Обманывает ли он меня? — гадал Кулл. — Скорей всего, нет: мне еще ни разу не удалось уличить его во лжи... Но для чего мне встречаться с его повелительницей? Я пришел в эти проклятые богами топи вовсе не для этого! У меня есть задание, которое я должен выполнить!» — В этом порыве им руководила не только жажда наживы, но и желание отомстить.

Атлант с сомнением посмотрел на юнца. Что, вообще, все это значит? Сперва Гурран возник словно из ниоткуда, едва они с Халидом явились сюда. Потом он накормил их, дал им ночлег и

одновременно — без него тут точно не обошлось — подстроил встречу с семерыми созданиями Тьмы. Совпадение? А как же тогда чудовище трясин? Как он узнал, где оно прячется? Что за странную игру ведет этот парнишка, кем бы он ни был?..

Внезапно, как это часто случается, мысли Кулла потекли по другому руслу. «Возможно, — рассуждал он, — это хозяйка Гуррана в ответе за все, что со мной произошло. Если парнишка обладает магическим даром, то какими же силами управляет его повелительница? С такой мощью она вполне могла бы выставить меня глупцом, заставив поверить в то, что я, на самом деле, нахожусь в Чертогах Мертвых...»

— Да, — зловеще произнес он, положив руку на рукоять меча, — я встречу с твоей госпожой.

— Она будет рада, — отозвался юнец.

«Смогу ли я одолеть ее? — встревожился Кулл. — Если, как я уже знаю, сила на ее стороне, то, вероятно, умнее было бы мне отступить, чтобы потом вернуться с войском, и...»

Болота? — он недоверчиво покачал головой. — Вокруг меня нет даже их признака! Кругом светлый лес с большими полянами, полными цветов! Но как произошло такое резкое изменение? Темная мрачная трясина — печальный лед — яркая сочная зелень... И все это за считанные мгновения! Неужели мне хватит дерзости тягаться с противником, способным творить *такие* чудеса?

Конечно, — улыбнулся он. — Ни темные боги, ни колдуны не могут устоять против честного меча! Разве не они столько раз пытались уничтожить меня? Но у них ничего не получилось, ибо на моей стороне справедливость и сам Валка!»

— Идешь?! — окликнул его мальчишка.

Кивнув, Кулл последовал за ним. Не приведет ли он атланта к *подлинной* смерти? Хотя для чего все так усложнять? Если бы неведомая хозяйка хотела убить его, она вполне могла бы удовлетвориться победой, которую одержало над Куллом существо из кошмара... А было ли, вообще, все это в реальности?

* * *

— Ты начинаешь задумываться... это хорошо.

Атлант, вздрогнув от неожиданности, схватился за меч. Годы непрерывных сражений научили его осторожности.

— Это тебе здесь не понадобится, — ему обворожительно улыбалась словно бы сама богиня. «Земная женщина не может быть такой прекрасной!» — с мукой подумал Кулл. Эти длинные золотистые волосы, красивые глаза, подобные двум крупным изумрудам, высокая полная грудь... От всей ее фигуры исходил яркий, ослепляющий свет.

— Я... — он растерялся, толком не зная, что сказать.

— Вот такая она, моя повелительница. Вели-

кое удовольствие — служить ей, — похвастался парнишка, низко кланяясь своей госпоже.

— Помолчи, Гурран, — произнесла та. — Меня зовут Лилит, я хозяйка этого края.

— Но куда делись болота, ведь я их сам видел! — воскликнул атлант. — Я бился с тварями, населяющими их!..

— Тони, — хмыкнула она, — это лишь защитная оболочка, за который скрывается истинный облик этих мест. Что же касается созданий Мрака, то они — мои слуги. Они защищают этот девственный уголок природы от вторжения людей.

— В них чувствуется Зло, а в тебе — нет.

— Это сложно объяснить. Но ты поймешь, я верю, — улыбнулась она.

Она повелевает порождениями Тьмы, хотя сама является часть Света. О боги, выходит, эта женщина посылает чудовищ, дабы они убивали людей для того, чтобы сохранить эту невероятную зелень?

Гибнет любой, кто осмелился прийти сюда и узнать тайну топей... но почему тогда Кулл все еще жив? Или же то существо все-таки прикончило его?

— Ты нужен мне, — произнесла загадочная красавица. — Ты станешь одним из хранителей этого маленького мира. Ты сможешь каждый день лицезреть его красоту.

— Но почему ты сразу не сделала мне это предложение? Зачем патравила на нас с Халидом семерых страшилищ, затем явилось жуткое по-

рождение Зла? Для чего ты заставила поверить меня в то, что я умер?

— Это были испытания. Я должна была увериться в том, что ты способен стать настоящим хранителем, — отозвалась она. — Итак, я делаю тебе предложение: скрась мое существование, и я дарую тебе вечную жизнь! Кроме того, ты не лишишься столь любимых тобой сражений, тебе часто придется убивать тех, кто забредет сюда!

Бесконечность открылась перед Куллом. Ему достаточно было сказать «да», чтобы навсегда остаться в этом волшебном саду, рядом с его восхитительной хозяйкой. Разве есть в этом мире что-нибудь, о чем еще следует мечтать? Практически любой на его месте согласился бы с радостью. Но атлант не желал запираť сам себя в клетку, пусть даже золотую. Его душа жаждала свободы! Он еще столько не видел в своей жизни! Ему так хотелось обойти весь мир, побывать во всех его уголках...

— Решай же, — торопила Хозяйка.

— Нет, — тихо произнес он. И уже тверже добавил: — Прости, но ты ошиблась, я не тот, кто тебе нужен.

Она кивнула, принимая его решение. В ее глазах Кулл видел боль и одиночество. «Как же ей тяжело, — невольно вздохнул он. — Он сама, словно диковинный цветок, вынуждена находиться там, где ее красоту люди не могут увидеть и оценить по достоинству.

— Прощай, атлант, — прошептала она.

— Теперь ты убьешь меня?

— Зачем? — удивилась женщина. — Разве я могла бы убить тебя?..

* * *

Кто-то тряс его за плечо. Кулл, недовольно застонав, открыл глаза и с изумлением огляделся. Что это за место? Тут все так знакомо... он уже понимал, где находится, но все никак не мог в это поверить.

— Валка, как я оказался в Валузии! Что такое?! Я ведь был в Малых Княжествах, а до этого... в Чертогах Мертвых, — и это была иллюзия. Наверняка, все это ненастоящее!

— Дружище, проснись, ты забыл, что у тебя еще сегодня очень много дел! — на него весело глядел торговец Лэфол, его давний приятель.

— Что ты здесь делаешь? — уставился на него атлант.

— Это же надо было так напиться, чтобы задать такой глупый вопрос! — восхитился он. — Кулл, мы же с тобой договаривались...

— Да-да, я помню, — быстро отозвался тот. — Я обещался тебе продать те два до неправдоподобия огромных рубина, которые выковырял из орбит злобного божка...

— Ага, — перебил Лэфол.

— погоди! — взмолился атлант. — А где Халид? Туранский воин...

— Он нанялся охранником к какому-то толстому верулийскому купцу. Но какое отношение он имеет к нашей сделке?

— Никакого, — медленно произнес тот. Неве-
роятно! Похоже, это необычное приключение
ему просто привиделось. Или же все-таки нет?
Как удостовериться в том, что это не грезы?

— Вот и хорошо, — заулыбался Лэфол. — Да-
вай их сюда!

Удачно продав пару восхитительных драго-
ценных камней, Кулл отправился бродить по
улицам города. Он искал малейшие несоответст-
вия, но не находил их. Все было на месте. Но это
еще ничего не значило, ведь и загробный мир
ему казался донельзя реальным!

Он часто останавливался, беседовал со знако-
мыми. И все никак не мог решить для себя: гре-
зится ли ему это, или же происходит на самом
деле? Лучающаяся светом женщина, загадочный
мальчонка Гурран, злобные твари, — все это
плод его воображения, подогретого отменным
вином?.. — атлант даже зарычал, стремясь изба-
виться от наваждения.

В конце концов, Кулл отправился в храм Вал-
ки. Небесный покровитель поможет ему разо-
браться в происходящем!.. Он редко о чем-то
молил богов, но ныне не видел иного выхода.
Только всевидящий бог способен вразумить сво-
его заблудшего сына!

Ноги сами принесли его в храм. Он подошел
к алтарю и низко поклонился. «Валка, — чуть
слышно обратился он к божеству, — все жизнь я
приношу тебе славные жертвы. С твоим именем
я иду в бой. Не оставь же меня в трудный час!
Подскажи...»

Он шептал что-то еще, и постепенно на душе
становилось все легче и легче. На просветлев-
шем лице появилось торжество. Подлое колдов-
ство не смогло взять над ним верх! Теперь он
знал точно, что никогда не отправлялся в топи
посреди Малых Княжеств для того, чтобы убить
какое-то чудовище! Этого никогда не было так
же, как Чертогов Мертвых, встречи с прекрас-
ной хозяйкой болот и посещения ее чудесного
сада. Все это ему просто привиделось.

Атлант был счастлив, но одновременно ему
почему-то было и немножко грустно. Вздохнув,
он поблагодарил Валку и направился к выходу
из храма. Он шел и не видел его разукрашенных
стен; перед внутренним взором, точно живые,
по-прежнему стояли картины пережитого на бо-
лотах.

* * *

— Эй, Кулл! — внезапно окликнул его Лэфол.
— Хорошо, что я нашел тебя! Я забыл тебе сооб-
щить, что у какой-то богатой аристократки есть
для тебя поручение.

— Какое? — поинтересовался атлант.

— Тебе придется отправиться в какое-то все-
ми богами проклятое место, на болота, где-то в
Малых Княжествах, дабы прибить там некоего
монстра. А дамочке ты притащишь его шкуру,
она ей для чего-то понадобилась...

Атлант медленно покачал головой.

— Нет, — произнес он решительно.

— Ты только подумай, она неплохо платит! И дело это как раз по тебе! Ты только вспомни, скольких ты страшилищ извел. Это же для тебя совсем просто.

Кулл фыркнул. Неужели Лэфол думает, что уничтожать чудовищ легко?

— Нет, — повторил он вновь.

— Похоже, легендарный атлант струсил, — купец неприятно ухмыльнулся. — Ты испугался, что противник окажется сильнее тебя?! Впрочем, если так, то почему бы тебе не взять с собой помощника? К примеру, Халида, который скоро должен будет вернуться в Валузию...

Атлант зарычал от злости. Схватив торговца за горло, он поднял его в воздух. Кулла с трудом удалось сдержаться и не удушить того, кто посмел обозвать его трусом. Но все-таки он сумел пересилить себя.

— С какой стати ты так жаждешь навязать мне эту работу? — поинтересовался он, все еще не отпуская Лэфола.

— Мне... заплатили, — прохрипел тот.

— Кто? И зачем? — подозрительно ласково осведомился атлант, ослабляя хватку.

— Я же уже говорил... одна вельможная дама! — отозвался купец.

— Как ее зовут?

— Не знаю. Честно!.. — прохрипел тот, опущая на своем горле пальцы Кулла. И почему этот дикарь ему не верит? Он же почти никогда не лжет. — Мне и впрямь неизвестно ее имя!

— Расскажи все, что знаешь, — сурово велел

атлант. — Если солжешь — я сразу пойму это — и сломаю тебе шею.

— Да ничего особенного мне не известно! — горестно воскликнул купец и торопливо за бормотал: — Она пришла ко мне вчера вечером. Такая красивая, словно принцесса из сказки! Она не изволила назвать себя, но, по манере держаться, я сразу понял, что она отнюдь не из простолюдинок...

— И она потребовала, чтобы именно я отправился в топи?

— Нет. Она спросила, кто отважится на такое, и я посоветовал ей тебя, — торговец покачал головой. — Я не ожидал, что ты так воспримешь это предложение! Что ты на меня так накинулся?!

— Если честно, то я и сам толком ничего не понимаю, — откровенно признался атлант.

«Надо найти эту дамочку и во всем разобраться», — решил он. Увы, ему так и не удалось осуществить этот замысел. Незнакомка исчезла, как будто ее никогда и не было. Так что ответов на множество вопросов, которые остались у него, атлант так и не получил.

Впрочем, Кулл не особенно переживал. Валка помог ему осознать главное: не важно были ли эти приключения в его жизни на самом деле, или нет. Ведь впереди его ждет еще множество новых славных битв!

С тех пор он больше никогда не вспоминал об этой истории.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗВЕЗДА СУДЬБЫ

Питер Нейл

Пролог	7
Глава 1. Враги и друзья.....	34
Глава 2. Клинки против Зла.....	61
Глава 3. Темные корни.....	90
Глава 4. Болото погибших душ.....	118
Глава 5. Сын колдуна.....	145
Глава 6. Течения.....	166
Глава 7. Договор.....	183
Глава 8. Наемники.....	206
Глава 9. Битва за зиккурат.....	231
Глава 10. Смерть на вершине.....	253
Глава 11. Тха-Бнар.....	270
Глава 12. Память и месть.....	290
Серж Неграш. Страж Источника.....	315
Тайна топей.....	350

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Царицына», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- ТК «Крокус-Сити», 65-66-й км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Сокольники», м. «Преображенская площадь», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- Зеленоград, корп. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- ТК «Твой дом», 24-й км Каширского шоссе, «Книги на Каширке»

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17
- г. Тула, Центральный р-н, ул. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И СТРАЖ ИСТОЧНИКА

Нейл Питер
Звезда судьбы
Роман

Неграш Серж
Страж Источника
Тайна топей
Рассказы

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.11.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ». 368560, Республика Дагестан,
Каякентский район, с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.02.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САЖА О КУЛЛЕ

КУЛЛ
И ТРОН
ВАЛУЗИИ

1

КУЛЛ
И ЗМЕИНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

2

КУЛЛ
И КЛИНКИ
ЛЕМУРИИ

3

КУЛЛ
И БРАТСТВО
МЕЧА

4

КУЛЛ
И ДЫХАНИЕ
СМЕРТИ

5

КУЛЛ
И ВОИНЫ
ВЕЧНОСТИ

6

КУЛЛ
И ПУТЬ
МРАКА

7

КУЛЛ
И ТЕНИ
АТЛАНТИДЫ

8

КУЛЛ
И БЕЗЛИКИЙ
БОГ

9

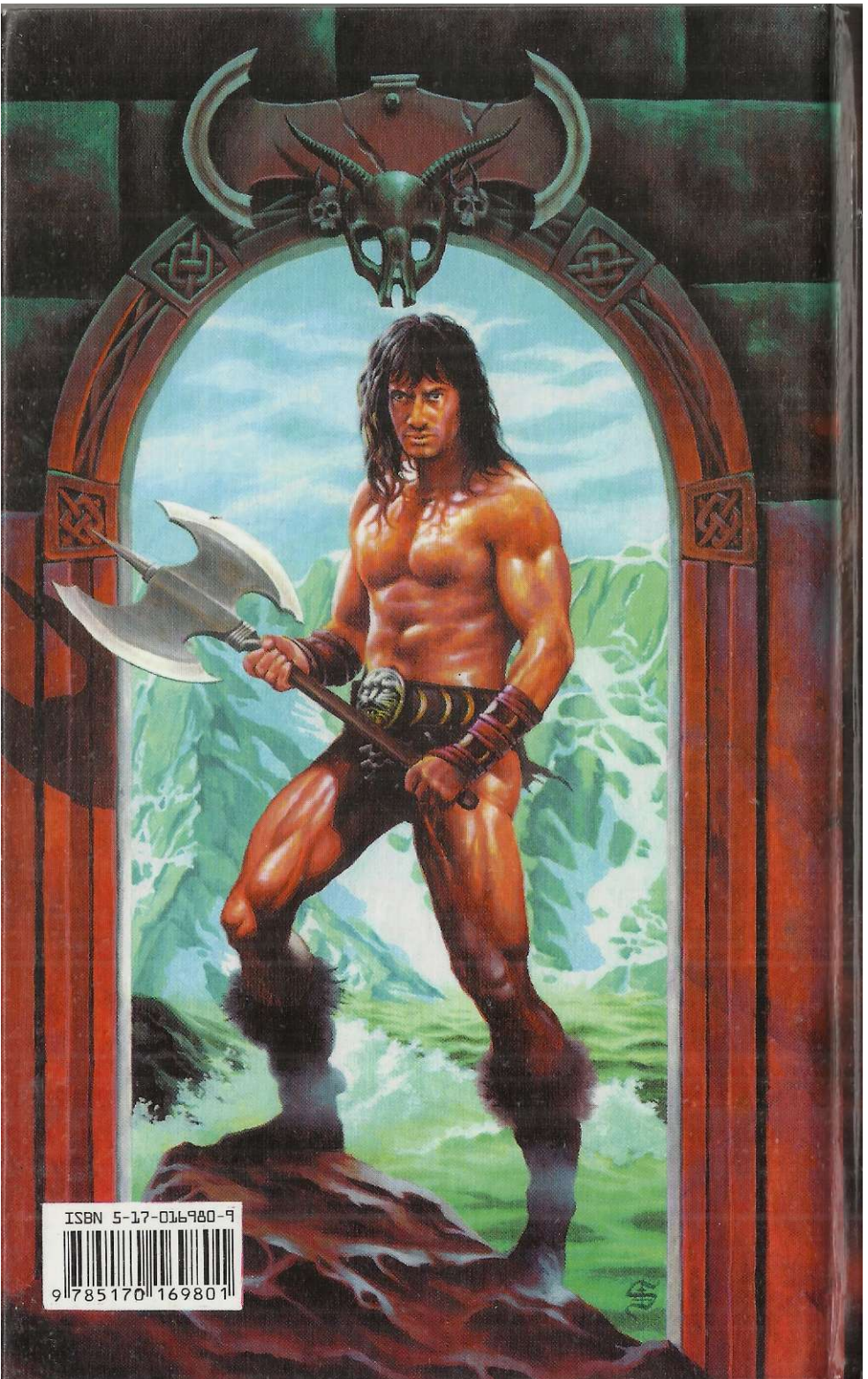
КУЛЛ
И ЗОЛОТОЙ
ОСТРОВ

10

КУЛЛ
И СТРАЖ
ИСТОЧНИКА

11

ISBN 5-17-016980-9

9 785170 169801